

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ
МОДЕРНИЗАЦИИ НА МУСУЛЬМАНСКОМ
ВОСТОКЕ.

Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана

Москва
ИВ РАН
1997

ББК 65.7

072

Ответственные редакторы:

В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, И. Л. ФАДЕЕВА

072

Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. — М.: Институт востоковедения РАН, 1997. — 196 с.

Сборник посвящен различным аспектам модернизации стран Ближнего и Среднего Востока: Турции, Ирана, Пакистана, Афганистана. Анализируется опыт политico-экономического и культурного развития этих стран за последние десятилетия, сопоставлены уровни и пути их модернизации, а также результаты реформистских и контрреформистских движений. Проблемы модернизации анализируются в контексте традиций каждой из исламских стран, а также в контексте взаимодействия их элит со странами Запада и международными организациями.

ISBN 5-89282-054-8

**© Институт востоковедения
РАН, 1997**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
И. Л. Фадеева. Специфика процессов модернизации в исторической ретроспективе XIX—XX вв.	7
В. Я. Белокреницкий. Послевоенная модернизация в странах Западной Азии. Общие тенденции и расходящиеся траектории развития	20
Е. И. Уразова. Некоторые особенности экономического роста и модернизации Турции на современном этапе	45
П. П. Моисеев. Проблемы экономической модернизации Турецкой Республики	62
Н. И. Ульченко. Эволюция системы внешнеторгового регулирования в ходе модернизации экономики Турции в 80—90-е годы	81
Л. М. Кулагина. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века	95
Н. М. Мамедова. Проблемы модернизации и либерализации экономической системы Ирана	114
А. К. Лукоянов. Иран: модернизация после шаха?	125
А. З. Арабаджян. Планы экономического и социального развития ИРИ в 1982—1994 гг.	140
В. Б. Кляшторина. Эволюция роли культуры в процессе модернизации Ирана и стран региона на рубеже 80—90-х годов	155
Л. Б. Аристова. Модернизация системы просвещения в Афганистане (конец XIX—XX вв.)	165
М. Ю. Морозова. Специфика и перспективы экономической модернизации в Пакистане	176
О. В. Плешов. Перспективы модернизации и исламский фактор в Пакистане	187
Summary	194
Contents	195

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процессы модернизации, ускорившиеся в нашем уходящем столетии, порождают множество проблем и острых противоречий как внутри отдельных стран, так и в межнациональных отношениях. Однако наиболее болезненно они протекают в развивающихся странах, составляющих на сегодня подавляющее большинство в мире. Мусульманские страны Среднего Востока: Турция, Иран, Пакистан, Афганистан, хотя и относятся к категории «развивающихся», модернизируются разными темпами, имеют весьма значительную специфику в экономике, политике, социокультурных и религиозных ориентирах. Тем не менее в трех последних из названных стран наблюдаются некоторые сходные явления. В тех случаях, когда очевидной целью развивающейся страны является модернизация, на первый план выдвигаются проблемы социокультурной адаптации, то есть попытки приспособления местных традиционных структур к требованиям современного мира, экономика которого не признает границ, отрицает замкнутость и навязывает тот образ жизни, в рамках которого эта экономика возникла. Модернизация может происходить чрезвычайно болезненно, даже мучительно, с острыми коллизиями, бунтами, кровавыми расправами, гражданскими войнами, разрушающими как первые плоды модернизации, так и веками державшиеся традиции.

Турция, наиболее продвинувшаяся по пути модернизации страна в регионе, не избежала всех вышеназванных сложностей. Но она значительно ранее других стран вступила в контакт с Западом; процессы модернизации в ней, хотя и протекали не менее болезненно, начались раньше и во многом совпали с распадом Османской империи, ускорив и сам этот сложный процесс. В силу многовекового существования народов различных культур и цивилизаций в рамках одной империи неизбежно имело место и взаимовлияние и взаимопроникновение. Но даже те страны, пребывавшие в длительной изоляции от западного влияния, где мусульманские традиции не подвергались значительной эрозии, современные

международные контакты ставят перед необходимостью вырабатывать адаптивные механизмы, действие которых должно быть понятно основной части населения. Силы, претендующие на власть, вынуждены защищать традиционные ценности и искать пути для менее болезненных реакций на столь неизбежные инновации. Поэтому так противоречивы и неоднозначны пути модернизации в мусульманских странах.

Настоящий сборник может дать некоторое представление как о многообразии проблем, порожденных процессами модернизации на Среднем Востоке за истекшее столетие и отчасти в XIX в., так и о множественности форм и способов адаптации к ним местных обществ.

Большинство из статей, включенных в сборник, являются переработанными вариантами докладов, зачитанных на конференции «Модернизация на Востоке. Опыт стран Западной Азии», состоявшейся в Институте востоковедения РАН.

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ XIX — XX вв.

Термин «модернизация» применительно к развитию неевропейских стран получил распространение в политическом и научном обиходе постколониального мира в 50—60-е гг. Вальтерстайн определяет этот термин как характеристику эпохи, противостоящей античности и средневековью вместе взятым. Он полагает, что впервые термин «современность» в 1585 г. употребили как слово, по значению противоположное средневековому мракобесию и засилью клерикализма (вольтеровское «раздавить гадину»), т. е. как понятие свободы. Еще одно значение термина «современность» было связано с развитием техники, прогрессом.

Если в первом случае термин *«modern»* («современный») не имел ограничения во времени (предполагалось, что разобретенная свобода не исчезает, то во втором — его значение постоянно меняется по определению, хотя в реальности оба значения — нераздельны, слиты в противоречивом единстве, которое обостряется и угрожает мировой системе институциональным и глобальным экологическим кризисом¹. Понятие «модернизация» первоначально отражало преимущественно реалии европейской новой и новейшей истории, позднее — было переосмыслено как перспектива афро-азиатского и латиноамериканского регионов. Многие ученые и политики Запада, исходя из опыта сотрудничества бывших метрополий и колониальных стран после второй мировой войны, полагали естественным развитие последних по европейской модели с более или менее сходными результатами. Это казалось вполне достижимым, поскольку в добившихся независимости странах были заложены основы для такой модели развития: в структурах управления общественных и профессиональных организаций, некоторых сферах экономики, систе-

мах здравоохранения и образования. В представлении значительной части тогдашних западных и советских политиков страны «третьего мира» отличались от других отсталостью, слаборазвитостью, что было принято считать тяжелым наследием колониализма. Преодоление такого наследия представлялось как западным политикам, так и многим лидерам развивающихся стран делом не таким уж долгим. Политические элиты стран «третьего мира», прошедшие испытания антиколониальной освободительной борьбы, поначалу видели цель обретенной независимости не только в устраниении последствий господства чужеземцев-колонизаторов, но и в достижении благ научно-технического прогресса, в обретении западного уровня жизни, комфорта, к которому полуевропеизированные выходцы из местного населения, находившиеся на службе колониальной администрации и вошедшие в структуры управления независимых государств, успели приобщиться. При этом огромная часть населения в повседневной жизни продолжала руководствоваться собственными столетними, а во многих странах — тысячелетними традициями. По сути модернизация была навязана странам третьего мира не только насильственным внедрением европейских норм и форм жизни в период колониализма, но и угрозой потери независимости в тех странах, где, как, например, в Турции, не было колониального управления. Вместе с тем, одним из несомненных результатов колониального господства была национальная консолидация племенных и клановых общностей во многих странах третьего мира. Не случайно в годы первой, а затем после второй мировой войны в антиколониальных, антизападнических движениях преобладали националистические тенденции, что имело немалое значение для политического и экономического уровней модернизации афро-азиатских и латиноамериканских обществ. В 50—70-е годы термин «modернизация» во многих исторических, политологических, экономических и даже культурологических исследованиях был синонимом европеизации. В понятие «modернизация» входила степень воздействия европейской цивилизации на местные традиционные структуры этих обществ. Появившиеся теории модернизации сопоставляли различные параметры стран третьего мира с эталоном — современными индустриальными обществами Европы и США. Одной из наиболее ярких работ этого направления является книга У. У. Росту «Ступени экономического роста»².

Из такого сопоставления выводилась шкала модернизации развивающихся стран. В эту схему не укладывалась, однако, опыт успешной модернизации Японии, что требовало рассматривать ее особо, скорее как исключение из общего правила. Наряду с модернизоваторскими теориями в русле европейской модели появляются теории «третьего пути» (ни капитализм, ни социализм), опирающиеся на религиозные ценности, в частности, на ислам. Они получили широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке. Несостоятельность европеизаторских моделей проявилась со всей очевидностью в 70-е гг., в связи с глобальными неудачами попыток ряда афро-азиатских стран использовать опыт капиталистического развития Европы и США, явление, описанное Ш. Н. Айзенштадтом как «провал модернизации»³. Справедливости ради стоит отметить также неэффективность попыток строительства социализма в тех странах, где они предпринимались.

Поначалу политики и ученые объясняли плачевые результаты ошибками тех или иных конкретных политиков, неопытностью электората, некомпетентностью высокопоставленных чиновников, отсутствием необходимой инфраструктуры в важнейших отраслях экономики, неблагоприятными стартовыми условиями. Но в 80-е гг. все более широко распространяются воззрения, основанные на том, что культуры и цивилизации Азии, Африки и Латинской Америки, определяющие политическое и экономическое состояние этих стран, обладают собственной логикой развития, а планы, игнорирующие эту логику, обречены на провал. Элементы западной цивилизации, перенесенные на чужую почву, либо не приживались вовсе, либо приобретали новые неожиданные функции. Поэтому само представление о модернизации претерпевало существенные изменения. На первый план выходит проблема традиционных ценностей, остающихся различными для стран западной и неевропейских цивилизаций. Страны Ближнего и Среднего Востока, в числе которых арабские страны, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, столетия существовали в рамках ближневосточной цивилизации, сложившейся под воздействием ислама. В истории стран региона религиозные ценности имели первостепенное значение. Опыт и результаты их модернизации связаны с длительным периодом реформ и контрреформ XIX — XX вв. Контакты с европейцами, спорадические вплоть до XIX в., позднее становятся постоянным и очень важным фактором в новой и новейшей истории этих

стран. Турция в этом ряду занимает особое место. Уже со временем основания Османской империи в конце XIII в., в силу геополитического положения и статуса преемницы Византии, граничившей с европейскими государствами, она была важной составляющей европейской политики. Турция не была колонией, но со второй половины XIX в. и вплоть до полного краха Османской империи в годы первой мировой войны, находилась в политической и экономической зависимости от европейских держав.

Пакистан составлял часть колониальных владений Великобритании в Индии; Иран и Афганистан десятилетиями входили в сферу политических интересов той же Великобритании, которая вела с Россией длительную дипломатическую, а иногда и военную борьбу за позиции на Ближнем и Среднем Востоке. К концу XIX в. эти страны втягивались в систему мировой политики и экономики, где правила игры устанавливались Западом. Темпы и пути модернизации четырех стран были различными и определялись не столько степенью их зависимости от европейских держав, сколько индивидуальными историко-культурными особенностями каждой из них, внутренней потенцией народов к самоорганизации, что не в последнюю очередь определялось сознанием не только своей религиозной, но и национальной общности, способностью к национальной консолидации. По всем этим параметрам с XIX и особенно в XX в. впереди своих азиатских соседей оказалась Турция. Раньше других ей удалось преодолеть те этапы модернизации, которые по сей день не пройдены другими мусульманскими странами. Как уже говорилось, здесь имеет значение и геополитическое положение страны, и длительный опыт взаимодействия с европейскими державами, и национальные приоритеты в реформах и политике Ататюрка, которые твердо и последовательно поддерживаются армией. Даже сравнительно высокий процент голосов на парламентских выборах в декабре 1995 г., набранный исламистской партией справедливости Н. Эрбакана, едва ли существенно повлияет на традиционно сбалансированный курс правительства во внешней и внутренней политике. Что касается Ирана, Пакистана и Афганистана, то, несмотря на специфику процессов модернизации в каждой из этих стран, общим является приоритет исламских ценностей, на которые во многом ориентирована внешняя и внутренняя политика этих государств. Для этих стран модернизация имеет значение в первую очередь в тех сферах, которые обеспечивают незави-

симое существование исламских обществ, т. е. в военной сфере, технике и технологиях. Внутренние и внешние конфликты в этих странах свидетельствуют о нестабильности и расколе внутри этих обществ.

Несмотря на специфику процессов модернизации в различных регионах мира, есть общие необходимые ее характеристики: многопартийность, парламентаризм, наличие рыночных структур. Основа демократии — гражданское общество — все еще отсутствует в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки. Гарантией от рецидивов тоталитарного или авторитарного режима является гражданское самосознание отдельной личности. Помимо религиозно-культурных факторов, препятствующих формированию такого создания, а следовательно и гражданского общества, большое значение имеет уровень экономического состояния общества. Тем, кто испытывает крайнюю нужду, не до демократии. В их понимании свобода заключается только в сохранении элементарного права на жизнь. В таких обществах постоянно имеет место угроза гражданских беспорядков. Источник власти в массовом сознании более ассоциируется с харизматической личностью, нежели с конкретными должностными функциями как конституционным институтом власти. Отношения патри monialьной зависимости пронизывают политическую и административную системы. Лидеры стремятся получить должность в управлеческой иерархии не ради общественной пользы, которую они воспринимают превратно, сколько из корыстных побуждений, ради приобретения личного богатства и статуса. Без административного статуса, как и столетия назад, удержать богатство невозможно в условиях постоянной политической нестабильности, произвола властей всех рангов. Различия между частными и общественными интересами в таких обществах сознательно затушевываются. Взаимоотношения лидеров со «своими людьми», как уже говорилось, клиентелистские (предоставление выгодных должностей, выдача лицензий, содействие контрактам, разрешение на реализацию прибыльных проектов). В ответ клиенты обеспечивают политическую поддержку патрона. Столь несвободная, негибкая и насквозь коррумпированная система порождает хронический финансовый кризис, препятствует стабилизации и экономическому росту, что неизбежно порождает социальное недовольство. Низкий жизненный уровень населения становится устойчивой тенденцией, ущемляя насущные интересы широких слоев. Лидеры массовых народных ак-

ций выдвигают требования замены политических лидеров. Если правительство к тому же не может платить жалованье госслужащим и военным, происходит его падение.

Управление в развивающихся обществах все еще строится не столько на основе профессиональной конкуренции, сколько по принципу личной лояльности и преданности подчиненных вышестоящему лицу. Правители, даже если они обладают политической харизмой, быстро теряют контакт с народом. Их окружение, заботящееся лишь о собственных интересах, сообщает лидеру то, что он желал бы услышать. В результате правительство упускает время для осуществления назревших преобразований. Нередко события выходят из-под контроля, а в итоге расплачиваются, как правило, наиболее незащищенные слои общества. Раскол элит во многих модернизирующихся обществах происходит не столько из-за идеиных и политических разногласий, сколько из-за места при дележе «общественного пирога». В хронически неустойчивой ситуации правители, дабы дистанцироваться от политических и экономических провалов и удержаться у власти, вынуждены прибегать к систематической ротации высокопоставленных чиновников в своем окружении. При этом в первую очередь с правительственной службы изгоняются потенциально сильные конкуренты. Изгнанные приобретают ореол «пострадавших за правду» и шанс возглавить оппозицию.

Случается, что правящая элита раскалывается также из-за разногласий в политике реформ. Тогда несогласные переходят в оппозицию не столько в силу идеиных расхождений, сколько предвидя возможность скорого падения правительства, или же в надежде на большой «кусок» все того же «общественного пирога». Как правило, в недемократических обществах отношения между правительством и оппозицией настолько поляризованы, что оставляют мало шансов на достижение устойчивого компромисса. В стане оппозиции также нет единства. Составляющие коалицию партии и другие организации раздирают ее внутренними разногласиями и амбициями соперничающих лидеров, что нередко препятствует ее успеху на выборах.

Отсутствие компромиссов между различными политическими силами подрывает возможности устойчивого политического и экономического развития.

Таким образом, важнейшая задача модернизирующихся обществ — создание юридических правил политической игры, а затем их неустанное совершенствование. Эта задача приоб-

ретает особое значение, поскольку в большинстве модернизирующихся обществ права собственности защищены слабо, существуют мощные препятствия к развитию частного предпринимательства и долгосрочных инвестиций в производство.

Одним из основных составляющих элементов восточных цивилизаций является патриархальность как антипод понятию современных социальных форм. «Современность» (modernity) — уникально европейский феномен, для него характерно снятие религиозных и личностных масок с отношений неравенства и эксплуатации, которые из религиозных, патриархальных и кланово-иерархических переведены в сферу экономики. Внедрение европейских институтов в социальных норм в восточные общества привело к исчезновению их автономного развития. В большинстве афро-азиатских стран местные патриархальные формы социальной организации не были уничтожены в процессе модернизации. Они выжили, приспособились к ней, существуют в измененном виде.

Вестернизированная верхушка афро-азиатских обществ, восприняв внешние, чужды местному населению культурные формы, оказалась в состоянии психологической раздвоенности, которую некоторые ученые, в частности П. Шараби, определяют как шизофреническую⁴. Отпечаток раздвоенности несут в себе и модернизированные социально-политические институты. Традиционные представления человека патриархальной среды, приобщившегося к реалиям иной цивилизации, не исчезают совсем, а погружаются в подсознание, и вызывают двойственность в его мировосприятии и поведении. Под внешним обликом модернизированных институтов также имеет место скрытая сущность. Между этой сущностью и ее формами возникает постоянное противоречие, напряжение, противостояние. Отсюда и раскол, и напряженность в обществах развивающихся стран, где очень большой процент населения в повседневных формах бытия почти не затронут модернизацией. Более модернизированные слои населения вызывают враждебность, неприятие значительно их превосходящей остальной части. Крайняя степень неприятия европейских форм и норм порождает фундаментализм, экстремистские исламистские идеологические течения и политические движения, особенно успешно реализующиеся там, где сильны общинно-клановые структуры. В этом плане особенно характерны перипетии новой и новейшей истории Афганистана. Племенная верхушка, вожди кланов возглавляли и реформаторские и контрреформаторские движения. Характерно, что и

те, и другие движения ищут опору в исламе, с большим или меньшим успехом апеллируя к религиозным ценностям и традициям.

В самой психологии реформаторства и реставраторства есть немало общего, поэтому такие движения в мусульманских странах сменяют друг друга, опираясь на различные политические силы.

Реформаторы связывают необходимость политических и экономических преобразований с проблемой сохранения независимости страны, ее экономического роста, интеграции в международные организации. При этом обосновывая необходимые нововведения, они ищут их оправдания не только в современной ситуации, но и в прошлом опыте своих стран. Османские реформаторы XIX в. также обосновывали необходимость политических и экономических преобразований ссылками на порядок и гармонию утопического, а не реального прошлого, которые были искажены позднейшими ошибками и заблуждениями политиков. Мустафа Кемаль был первым государственным деятелем, отказавшимся от идеалов прошлого. Его идеи были обращены к будущему Турции. Общенациональные ценности он ставил выше религиозных, племенных, классовых, и в этом его значительное отличие от реформаторов других мусульманских стран. Нужны были опромтные душевые силы, смелость и убежденность, чтобы в начале XX в. объявить Турцию с более чем 90% мусульманским населением светским государством.

В сегодняшнем мусульманском мире у него последователей нет. Что касается массовых антизападных движений, начатых под флагом реставрации и контрреформ, где бы они ни происходили: в Иране, Пакистане или в других странах, их лидеры все же вынуждены практически ставить некоторые задачи модернизации и усваивать западные достижения, прежде всего в военной сфере. Хотя лидеры контрреформистских движений, нередко возглавляющие фундаменталистские исламские организации, свой социальный идеал связывают с утопией недифференцированного прошлого, но и они не могут игнорировать технические и технологические достижения Запада, которые невозможны без социальной трансформации общества, чьему они так противятся. Этим обусловлена противоречивость и непоследовательность их курса, когда они приходят к власти.

При всем том, образы прошлого помогают им справляться с угрозой новых, враждебных исламу, культурных влияний,

пойти на соглашение и обосновать необходимость принятия тех из них, которые невозможно игнорировать. В этом случае идеологи-исламисты прилагают немалые усилия, чтобы «пристально» включить их в свою систему ценностей. И в прошлом, и сегодня антиреформистские движения в исламском мире были и остаются очагами массового ланатизма. Тем не менее их лидеры вынуждены считаться с реалиями современного мира и приспосабливаться к ним, чтобы не остаться в полной изоляции. При всей парадоксальности подобной оценки, результаты деятельности исламистов таковы, что бросок назад к прошлым нормам и ценностям, в целом облегчает мусульманским обществам усвоение элементов чужой цивилизации, дает возможность встретить их на «собственном поле».

Именно такой процесс рывков вперед и откатов, в конечном счете, независимо от намерений инициаторов, способствует историческим переменам. Поэтому, когда исламистские фундаменталисты приходят к власти, они не могут все повернуть вспять, отменить все новшества, как бы им того ни хотелось.

Не всегда исламские экстремисты воюют с реформаторами прозападного толка. В Афганистане под исламскими лозунгами скрывается банальнейшая межклановая борьба за власть. Объективно фундаменталисты, пришедшие к власти в конце XIX столетия, как это имеет место в Иране, обрекают общество на большую или меньшую изоляцию в современном мире, что противоречит сути и задачам, которыеставил перед своими последователями основатель религии. Мухаммед стремился преодолеть рамки клановой, племенной замкнутости. Его преемникам удалось основать огромные мусульманские империи — халифаты, последней из которых была Османская империя. Однако межплеменная раздробленность, внутренние противоречия в ряде мусульманских стран существуют и в настоящее время.

В XIX в. реформистские движения в исламе апеллировали к раннему, «подлинному» исламу, что объективно вело к разрыву со средневековыми традициями замкнутости, изолионизма. Лидеры таких движений стремились к приоритету религиозной общности над патриархально-клановой. Последняя оказалась необычайно устойчивой. Чувство принадлежности к вселенской общине мусульман было первой формой сознания, прорывающейся сквозь тысячелетнюю местную ограниченность, которую исламские институты так и не сломали и к которой были вынуждены приспосабливаться.

Клановая разобщенность оказалась благоприятной средой для многочисленных течений и сект в исламе. Все они обращались к раннему незамутненному источнику религиозных истин. В нем же черпали силу антиколониальные религиозные движения и социальные реформаторы. Что касается националистических движений в новой и новейшей истории, то поначалу они были частью религиозных течений, постепенно все более и более обособляясь. Националистические лидеры начала ХХ в. не могли обращаться к гражданам, поскольку их в мусульманских обществах не было. Было универсальное чувство религиозного единства.

В первой половине ХХ в. только в республиканской Турции националистические идеи в сочетании с радикальными секуляристскими реформами во всех сферах жизни дали заметный результат. Реформируя мусульманское государство, последний в истории халифат, Ататюрк опирался на национальную идею! Религиозные традиции в его идеологии играли вспомогательную, отнюдь не первостепенную роль. До сих пор опыт построения Турецкой Республики, в которой конституционно обозначены рамки религиозной сферы, притом сфера эта ограничена, — уникален. Мустафа Кемаль не нуждался ни в религиозном, ни в квазирелигиозном обосновании реформ. Он продолжил и ускорил тенденцию турецких реформаторов XIX в. к постепенному вытеснению религиозных организаций из государственных сфер. Надо отдать должное теоретикам турецкого национализма — Зие Гёк Алпу, Юсуфу Акчуру, подготовившим идеологическую базу реформ первой половины ХХ в. В Турции раньше, чем в других мусульманских странах, была осознана необходимость дифференциации религиозных и государственных структур.

Не случайно пункт о светском государстве неизменно проходит из конституции в конституцию, хотя до сих пор немалая часть населения мечтает о возрождении шариатских норм в более широком масштабе. Показателем антимодернизоваторских настроений в турецком обществе является жесточенная политическая борьба, трижды заканчивавшаяся военными переворотами. Военные выступали в качестве стабилизирующей силы, верной идеям Ататюрка. Патриархальная среда, в которой формируются антizападные движения под религиозными лозунгами, в Турции не исчезла, но оказалась подорванной мощными процессами урбанизации, миграциями сельского населения, выездом значительного числа турок в Европу на заработки. В последние десятилетия в Турции

наблюдается экономический подъем. Однако этот показатель сам по себе не может свидетельствовать об успешной модернизации, а лишь в сочетании с рядом других. Опыт некоторых исламских государств, таких как Иран, дает основания полагать, что сам по себе экономический рост, имевший место при шахском режиме, отнюдь не гарантировал модернизации других сфер жизнедеятельности иранского общества. Мировоззрение, психологическая, культурная ориентация подавляющей части населения обращены в прошлое, к тому же в прошлое идеализированное. Там, где экономический рост стремителен, а структурные перемены блокированы или искажены, возникает напряженность, чреватая социальным взрывом. В 70-е годы взрыв народного недовольства на вершине относительного экономического благополучия Ирана показал новые параметры социальной неустойчивости мусульманских обществ. Опасным оказался не только порочный круг слаборазвитости, но и выход из него, ломка культурных стереотипов после преодоления «порога роста». Неожиданным для всего мира, включая СССР и США, стал размах событий в Иране, массовость движения. Идея возвращения к почве (в частности, к почве раннего ислама) далеко не нова. Так или иначе она всплыла на поверхность во всех мусульманских странах, втянутых в процесс модернизации. Эта идея способна захватить широкие слои населения всюду, где развитие травмирует традиционное патриархальное сознание.

Путь развития Европы и США, обусловленный христианским мировоззрением, был органичным только для народов западной цивилизации. Это развитие было ускорено протестантской этикой, культивировавшей такие ценности, как честность, трудолюбие, трезвость, умеренность, бережливость. Европейский менталитет, создавший современную науку и технику, складывался под сильным воздействием западного христианства.

Ислам в его основных течениях есть прежде всего религия коллектива как целого, а не религия индивидов, из которых этот коллектив составляется. Религиозные предписания адресованы непосредственно умму, как нормы социальных отношений, обладающих высшей сакральной ценностью, и лишь посредством этого определяется благочестие индивида — участника в делах праведной общины. Христианство в целом, протестантизм в особенности, апеллирует к внутреннему миру индивида, внутренняя святость которого определяет норму социальных связей в коллективе (не столько праведной общ-

ности, сколько общности (праведников), а потому такая норма при всей ее важности играла скорее функционально-подчиненную роль по отношению к внутренней святости. В идеологии ислама человек занимает иное место. От его собственной воли мало что зависит. Для населения многих развивающихся стран характерна социальная пасивность, сочетающаяся с агрессивным экстремизмом фундаменталистских групп (будь то исламский или коммунистический экстремизм), невысокая требовательность к уровню собственного бытия, отсутствие высокой социальной и профессиональной консолидации в борьбе за свои права. В законодательствах этих стран отсутствуют тщательно разработанные гарантии прав человека. В ряде мусульманских стран общество все еще не имеет четкой дифференциации по клаусовому составу. При этом огромная часть населения имеет очень низкие жизненные стандарты сравнительно с управляемым и предпринимательским слоями. В сегодняшних процессах модернизации афро-азиатских стран выраженный приоритет имеет военная сфера, которую правительства развивают в ущерб социальным программам. Экономика отличается несбалансированностью, преобладанием сырьевых отраслей. Турция в ряду других стран региона выделяется относительно высокой степенью индустриализации. Хотя она относится к категории стран с переходной экономикой, однако эта страна имеет высокую динамику развития по многим параметрам.

До сих пор, фиксируя уровень модернизации той или иной страны, специалисты ориентируются главным образом на экономические показатели, принимая во внимание образовательный ценз населения. Этого явно недостаточно. К примеру, экономика нефтедобывающих стран в значительной мере определяется конъюнктурой мирового рынка. Сами экономические показатели зависят от многих других факторов как общемировой ситуации, так и внутренних, а, следовательно, они не могут быть достаточно стабильными. То же относится и к сфере образования. В СССР — стране поголовной грамотности — образовательный ценз населения был довольно высок, однако готовность к модернизации бывших советских республик очень различна. Их перспективы связаны с фактором их цивилизационной принадлежности, которая будет играть все большую роль по мере становления и укрепления культурно-религиозной самобытности.

Важнейшим показателем уровня модернизации является положение с соблюдением прав человека. Далее имеет зна-

чение соотнесенность военных статей расхода в национальном бюджете со статьями, предусмотренными для социальных нужд. Следует рассматривать также уровень оплаты наиболее высокодоходных категорий населения в сравнении с доходами людей массовых профессий и наименее обеспеченными слоями.

Одним из важнейших условий для успешной модернизации является консенсус религиозных, этнических и социальных групп в обществе, осознание ими общих целей и путей национального развития.

Необходимой предпосылкой к модернизации является также высокий уровень правосознания большей части населения. Эти условия способствовали успешному развитию ФРГ, Японии, ряда стран Юго-Восточной Азии.

Общество, где такого консенсуса и правосознания нет — нестабильно, расколото, пребывает во внутреннем противоборстве. Идеологизированное общество (безотносительно к светским или религиозным формам идеологии) самоизолируется от остального мира, принося в жертву идеологии права и интересы отдельного человека. На сегодня в зоне политической нестабильности находятся и Иран, и Афганистан, и Пакистан, а также некоторые арабские страны.

Тем не менее, в современном мире ни одно общество не выживает в полной самоизоляции. Межгосударственные связи играют все большую роль в развитии отдельных стран и регионов. Это вынуждает и экстремистские силы как-то учитывать реальный расклад сил в мировой политике, если они приходят к власти.

Литература

¹ Wallerstein I. The end of what modernity? — N. Y. Ferdinand Braudel center for the study of economies, history systems and civilizations, 1993, c. 2—3.

² Rostow W. W. The stages of economic growth: A noncommunist manifesto.— Cambridge, 1960.

³ Eisenstadt S. N. Traditional patrimonialism and modern neotraditionalism. L., 1973.

⁴ Sharabi H. The dialectics of patriarchy in Arab society. (Arab society: Continuity and change). S. C.—L., 1985.

ПОСЛЕВОЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ АЗИИ. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАСХОДЯЩИЕСЯ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

Термин «модернизация» широко вошел в научный оборот и в научную публицистику после второй мировой войны, особенно с конца 40-х — начала 50-х годов, когда в западном мире начался интенсивный поиск идеологических конструкций для борьбы с идеально-политическим наступлением СССР и руководимого им блока. Такие усилия предпринимались и в период между двумя мировыми войнами, однако тогда они были обращены внутрь собственного западного общества. Главный объект в том соревновании идей — образованные круги, интеллигенция в странах Западной Европы и Северной Америки. С началом «холодной войны» и появлением доктрины «сдерживания коммунизма» Дж. Кеннана¹ главный акцент в идейном противостоянии переместился с арены внутренней для двух противоборствующих систем на внешнюю. Марксизму, в его советском, ленинско-сталинском варианте, политический и идеологический истеблишмент США и союзных с ним западных держав должен был противопоставить равнозначную теорию, т. е. не менее универсальную, обладающую не меньшей объясняющей способностью. Таковой и стала во многом (отдельно и в сочетании с некоторыми другими) теория модернизации, возникшая, разумеется, не на пустом месте, а используя достижения классической немарксистской мысли либерально-буржуазного направления².

Модернизация — это по существу даже не теория, а теоретическая парадигма, способ рассмотрения явлений общественно-политического и экономического характера под определенным углом зрения. Такой подход отличался от марксистского тем, что по-иному изображал поступательное движение человеческого общества — не в терминах прогрессивной

смены одной социоэкономической формации другой, а в категориях более лапидарного видения истории как перехода от традиционного общества к современному. При этом первое описывалось как аграрное, сельское, делающее акцент на догмах веры и силе обычая, а второе — как индустриальное, городское и рациональное, т. е. базирующееся на постуатах разума, рациональности, опытной науки. Тем самым выделяемые марксизмом докапиталистические формации заключались в рамках традиционности, а капиталистическая формация укладывалась в сферу современного общественного состояния. Туда же попадала и социалистическая разновидность социально-экономического устройства. Что касается будущих формационных систем, гипотетически конструируемых марксистской мыслью, то в модернизационной парадигме для них просто нет места, ибо она не «заглядывает» так далеко, хотя определенный «проброс» в ближайшее будущее достигался в концепциях постиндустриальной стадии развития с его опорой на научноемкие технологии, приоритетом сферы услуг и унификацией городских и сельских поселений.

Впрочем, так как теория модернизации была преимущественно адресована лидерам и выразителям интересов бедных, экономически зависимых от «богатого центра» стран и недавно сформировавшихся наций, то основной акцент в ней делался на переходе от менее развитого (традиционного) к более развитому (современному) состоянию, а эволюция внутри последнего оставалась за кадром. Главное, что подчеркивалось теоретиками модернизации, так это универсальность, всеобщность самого процесса перехода (ибо все нации когда-то были бедными), и благотворность постепенного эволюционного движения вперед с помощью реформ, направленных на преодоление архаичности, косности, патриархальности традиционного общества и осуществляемых современным государством в законодательно регламентированных формах.

Общая атмосфера, в которой разворачивались в первые годы после окончания второй мировой войны модернизационные процессы в молодых самостоятельных странах, определялась в основном противостоянием Востока и Запада. С конца 60-х — начала 70-х годов наблюдается кризис и размытие биполярности, возникновение новых «центров силы» и моделей модернизации развивающихся стран. Этому предшествовали распад социалистического блока на советский и китайский фрагменты и усложнение структуры западного мира за счет появления европейского и японского очагов быстрого

экономического роста, а также отклоняющихся траекторий политического поведения в лице голлистской Франции, а затем, до известной степени, брандтovской Западной Германии и социал-демократической Северной Европы.

Наиболее глубоким и самобытным вариантом модернизации, возникшим в недрах модернизирующегося традиционного мира, была исламская модель. Она потеснила и, в значительной мере, заняла место «третьего пути», который утвердился в середине 50-х годов среди неприсоединившихся стран во главе с Индией. В рамках последнего, как известно, решающее значение придавалось государственным планам форсированной индустриализации (главным образом импортозаменяющего типа), экономической независимости, независимости на глобальном и самостоятельности на региональном уровне международных отношений.

Исламская модель возникла в той части мусульманского мира (Саудовская Аравия, арабские эмираты и др.), которая выигрывала от включенности в развитой западный мир первоначально главным образом через поставки нефти, и вторичного вложения (рециклирования) доходов от ее экспорта. В дальнейшем в рамках мусульманского мира возникли также изоляционистские антизападнические варианты модернизации, такие как ливийский и иранский.

Таким образом, послевоенный период (вторую половину подходящего к концу века) с точки зрения общих условий модернизации в государствах «третьего мира», удобно подразделять на два хронологических отрезка — 50—60-е и 70—80-е годы. Биполярность мира, оказывавшая на них определяющее влияние в течение первого отрезка, сменяется в дальнейшем более сложной системой воздействий.

С начала 90-х годов наступил новый этап послевоенного развития, связанный с распадом СССР и социалистического содружества в Восточной Европе. Это внесло новые моменты в геополитическую конфигурацию мира, в частности, весьма существенно отразилось на положении сообщества мусульманских стран. Последнее пополнилось новыми членами — бывшими республиками советской Азии с преимущественно мусульманским по бытовым традициям и вероисповеданию населением. Особенно важными эти перемены оказались для государств, расположенных с запада на восток вдоль границ бывшего СССР, т. е. Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана (последний, хотя формально и не имел общей с СССР границы, «выходил за него» благодаря контролю над север-

ной частью бывшего индийского княжества Джамму и Кашмир и эксплуатации высокогорного Каракорумского шоссе, построенного совместно с Китаем).

Четыре вышеназванные страны отличает не только сходное геополитическое положение, но и историко-цивилизованная близость — принадлежность к тюрко-персидскому ареалу исламской культуры. Хотя каждая из них обладает, несомненно, неповторимыми индивидуальными особенностями и отличается разнообразием внешних связей, допустимо, на наш взгляд, выделять их в отдельный Западноазиатский геополитический регион.

Современный уровень дифференциации

К концу нынешнего столетия государства региона заметно разошлись в стороны по достигнутому уровню и темпам модернизации.

Наиболее продвинулась в экономическом, социальном и политическом отношении Турция. Она принадлежит к числу стран среднего уровня развития с годовым доходом на душу населения (в текущих ценах и по официальному курсу обмена валют) около 3 тыс. долл. США. Если же брать условные расчеты душевого ВНП по паритету покупательной способности валют, то показатель для Турции превосходит 5 тыс.³. Эта страна добилась впечатляющих успехов в становлении ряда отраслей и отраслевых комплексов. Так достаточно продуктивно ее сельское хозяйство, где собирается обычно свыше 20 млн. т пшеницы, а всего — более 30 млн. т зерновых. Солидной является база легкой промышленности (в год производится свыше 800 тыс. т хлопка-волокна и примерно 500 млн. м ткани). Определенное развитие получила металлургия (свыше 12 млн. т стали и проката, около 5 млн. т чугуна), производство колесных средств транспорта (свыше 400 тыс. в год), холодильников (1,3 млн. шт.), телевизоров (1,5 млн. шт.), другой бытовой техники. Турция производит более 80 млрд. квт. ч. электроэнергии, потребляет более 27 млн. т нефти. Весьма высока также степень интеграции Турции в мировую экономику, иначе говоря, степень открытости ее национального хозяйства. Экспорт товаров в 1993 и 1994 гг. равнялся соответственно 15 и 18 млн. долл., а импорт — 29 и 23 млн. Общий внешнеторговый оборот составлял 24 и 31 % к сумме ВНП в долл., рассчитанному по среднегодовому официальному обменному курсу⁴.

Существенное отрицательное сальдо торгового баланса объясняется главным образом ввозом энергетического сырья, прежде всего сырой нефти и естественного газа. Конечное потребление энергии достигло, по данным 1992 г., 48,5 млн. т. в нефтяном эквиваленте⁵.

Заметных успехов добилась Турция также в развитии транспорта и связи. Широкая сеть шоссейных дорог (60 тыс. км), менее протяженны железнодорожные линии (8,4 тыс.). Морской торговый флот оснащен судами суммарным водоизмещением более 4 млн. т. Достаточно эффективны системы телекоммуникаций⁶.

Экономику Турции отличает значительный уровень отраслевой сбалансированности, что отражается, в частности, в структуре валового продукта. На сельское хозяйство приходится 16 %, на обрабатывающую промышленность — 27 и сферу услуг — 57 %⁷.

Численность населения в 1994 г. превысила 61 млн. человек. При средней плотности в 80 чел. на кв. км в городах проживало 64 %. Ожидаемая средняя продолжительность к 1990 г. достигла довольно высокого уровня в 66,7 лет, коэффициент смертности упал до 0,7 %, а рождаемости — до 2,3 %. Младенческая смертность сократилась до 4,9 %. По этим показателям Турция приблизилась к развитым странам, хотя стандарты здравоохранения продолжают оставаться заметно ниже. Невысокая смертность объясняется во многом молодой возрастной структурой: 52 % жителей принадлежат к возрастным корпарам от пяти до 29 лет и только 7 % — к лицам старше 60 лет⁸.

Уровень грамотности населения поднялся к 1995 г. до 84 %, равняясь среди женщин 72 %. Однако образовательные стандарты недостаточно высоки, а высшее образование получают только 4 % мужского и 2 % женского населения⁹.

Иран занимает второе место среди государств региона по социоэкономическим показателям. Международные сопоставления уровня его экономического развития затруднены сложной системой валютообменных расчетов. По данным на 1992 г., годовой доход на душу иранского населения равнялся 757 долл по исчислению на основе регулируемого плавающего курса риала и 1835 долл. при использовании так называемого конкурентного курса¹⁰.

Экономика Ирана, в отличие от турецкой, носит во многом несбалансированный характер. Основная и наиболее развитая отрасль — добыча сырой нефти и нефтепереработка. На неф-

тяной комплекс (в широком смысле, со всей обслуживающей сферой) приходится, по оценкам, 58% ВВП¹¹. Заметно ниже прогресс, достигнутый в других отраслях. Сельское хозяйство остается еще по большей части традиционным. Сборы зерновых в начале 90-х годов равнялись примерно 15 млн. т (пшеницы — 9 млн.). Довольно велико значение традиционного скотоводства (65 млн. голов мелкого и 7 млн. крупного рогатого скота). Недостаточно развиты текстильный комплекс, вся сфера легкой промышленности и производство товаров личного потребления.

Вместе с тем, по конечному потреблению энергии Иран пре-
восходит Турцию. В 1993 г. оно составило 61,6 млн. т в нефтяном эквиваленте. Из 189 млн. т добытой Ираном в 1993 году нефти было вывезено (в сыром и переработанном виде) 140 млн. т, а свыше четверти пошло на внутреннее потребление. Иран, располагая богатейшими запасами углеводородного сырья и большими размерами его добычи, превосходит Турцию как по потреблению транспортного горючего, так и по использованию энергии в промышленных целях. Последнее может быть отчасти объяснено более значительными размерами добывающих отраслей (помимо нефтяной), а также режимом дешевого топлива. Весьма высоки для экономики иранского типа показатели производства электроэнергии (в 1993 г. произведено 68,4 млрд. квт. ч.)¹².

По протяженности шоссейных и железных дорог Иран уступает Турции, имея сеть, равную соответственно примерно 40 тыс. и 4,5 тыс. км. То же нужно сказать и о сравнительном уровне развития иранского морского транспорта и телекоммуникационных систем.

В структуре внутреннего продукта доля сельского хозяйства в 1992 г. равнялась 23%, промышленности, включая нефтяную, — 28, а сферы услуг — 49%¹³. По этим данным, Иран, как и Турция, принадлежит к числу индустриально-аграрных стран, но разрыв между местом аграрного и индустриального производства в Иране не очень велик, а низкая доля сферы услуг свидетельствует об относительно невысокой интенсивности распределительных и перераспределительных процессов.

Население Ирана по существу равно турецкому (61,2 млн. человек в 1994 г.), но плотность вдвое меньше — 37 чел. на кв. км (вследствие в два раза большей территории (1 636 тыс. кв. км против 769 тыс.). Доля жителей в городах Ирана (57%) несколько меньше, чем в турецких. Уровень грамотности (75%) также ниже, чем в Турции. Средняя продолжительность

жизни оценивается ныне в 67 лет. С 60-х годов наблюдалось резкое увеличение темпов естественного роста населения, достигавших 3,7 % в год. На рубеже 80—90-х годов скорость увеличения, согласно оценкам международных организаций, снизилась до менее 3 % за счет падения коэффициента рождаемости. Несмотря на это, Иран отличает очень молодая возрастная структура населения (около 43 % — моложе 15 лет)¹⁴.

Пакистан, как правило, относят к числу стран с низким душевым доходом. В соответствии с официальным курсом обмена валют он равен (в текущих ценах) 413 долл. США. Однако по условным расчетам, с использованием методики известного статистика И. Крэвиса, реальный поход, при учете покупательной способности пакистанской валюты, в четыре с лишним раза выше — 1823 долл.¹⁵. Такой показатель практически не отличается от иранского (по конкурентному курсу). В соответствии с расчетами отечественных статистиков Б. М. Болотина и В. Л. Шейниса разница между оценками дохода по официальному курсу и по покупательной способности составляла (в 1970—80 гг.) несколько меньшую величину (три раза)¹⁶. Использование их коэффициента позволяет получить, пожалуй, наиболее адекватное представление о размере душевого дохода в Пакистане — 1240 долл. Отставание от Ирана приблизительно в полтора раза соответствует разнице между ними по большинству других социоэкономических параметров.

Наиболее заметно (вдвое) Пакистан уступает Ирану по энергопотреблению (30,1 млн. т в нефтяном эквиваленте), а также по производству электроэнергии (21 млрд. квт. ч.). Меньшее энергопотребление связано с более аграрной структурой национального хозяйства. Доля сельского хозяйства в ВВП равняется 25 %, промышленности — 18, а сферы услуг — 55 %¹⁷.

В отличие от Турции и Ирана, Пакистан, таким образом, страна аграрно-индустриальная. Производство зерновых в последние годы превышает 21 млн. т, причем пшеницы собирается примерно 16 млн., а риса — более 3 млн. т. Весьма велико поголовье крупного рогатого скота (37 млн. голов) и мелкого скота (70 млн.)¹⁸.

Основным для экономики Пакистана является хлопковый комплекс. Производство хлопка-волокна в начале 90-х годов превышало 2 млн. т, но в последующие годы сборы хлопчатника упали до примерно 1,5 млн. т вследствие урона, нанесенного наводнениями и вредителями. Хлопчатник является

также главной масличной культурой в условиях постоянного дефицита растительного масла. Изготовление фабричной хлопчатобумажной пряжи превосходит 700 тыс. т в год, а фабричных тканей выпускается 250—300 млн. кв. м. Особенностью Пакистана нужно считать то, что на станках, установленных вне фабрик, производится ткани в 5—6 раз больше, чем на фабриках (1,2—1,5 млн. кв. м)¹⁹.

Вывоз хлопка-волокна, хлопчатобумажной пряжи и тканей дает до половины экспортной выручки, которая составляла в 1993/94 фин. г. около 5 млрд. долл. Импорт примерно на 1,5 млрд. долл. превышал экспорт. «Степень открытости» пакистанской экономики много ниже по сравнению с турецкой и иранской (при объеме ВНП, рассчитанному по официальному курсу, она равна приблизительно 20%, а по условному — всего 7—8%). Отчасти это объясняется более ёмким внутренним рынком, опирающимся в основном на личное потребление населения, численность которого (125 млн. человек) более чем вдвое выше, чем в Турции и Иране.

Пакистан располагает достаточно развитой транспортно-коммуникационной системой. Протяженность железнодорожных линий близка к 9 тыс. км, а шоссейных — к 100 тыс. км. Тоннаж судов торгового флота превышает 300 тыс. бр. регистр. т. Авиационная сеть, состоящая из почти 100 аэропортов, обслуживается 47 пассажирскими самолетами²⁰.

К структурным слабостям экономики Пакистана относятся дефицит энергетического сырья. Добыча нефти в последнее время выросла до трех с небольшим млн. т, что примерно соответствует турецким показателям, не идя ни в какое сравнение с иранскими. Пакистан ежегодно ввозит (в том числе из Ирана) 8—9 млн. т сырой нефти и перерабатывает ее на своих нефтеперегонных заводах. Среди первичных источников энергии нефть составляет примерно 40%, уголь и гидроэнергетические ресурсы — 20 и природный газ (14—16 млрд. куб. м) — еще 40%²¹. Постоянный дефицит внешнеторгового баланса привел к огромному внешнему долгу, который приближается к половине ВНП (в долларах, в пересчете по официальному курсу обмена валют). На его обслуживание уходит более 20% текущих расходов государства, и 25% экспортных поступлений²².

Доля городского населения в Пакистане на порядок ниже, чем в Иране и Турции. К проживающим в городах относят только 32%; если в сельской местности Ирана и Турции проживает треть, то Пакистана — две трети жителей. Вместе с

тем, средняя продолжительность жизни увеличилась до 59 лет для мужской и 61 года — для женской части населения. Коэффициент смертности в 1994 г. достиг 1%, а коэффициент рождаемости, хотя и несколько снизился в 90-х годах, остается весьма высоким — 4%. Быстрым темпом естественного роста (3% в год, в абсолютных цифрах это примерно 4 млн. человек) соответствует исключительно молодая возрастная структура населения: 45% — дети и подростки моложе 15 лет²³.

Уровень грамотности в Пакистане существенно ниже, чем у его западных соседей. По оценкам ЮНЕСКО, в 1990 г. он достиг 35%, оставаясь для женщин равным всего 21, а для мужчин — 45%. Грамотность в городах равна 57%, а число студентов высших учебных заведений приблизилось к 700 тыс.²⁴.

Весьма сильно по уровню развития отличается от Турции, Ирана и Пакистана четвертая страна региона — Афганистан, относящаяся к категории «наименее развитых государств мира». Ее экономика сильно пострадала после начала гражданской войны в 1978—1979 гг. По весьма приблизительным оценкам, душевой доход в 1989/90 фин. г. равнялся примерно 160 долл. США (в неизменных ценах 1978/79фин. г.). На сельское хозяйство приходилось 46% ВВП, на промышленность, главным образом горнодобывающую, торговлю, строительство и транспорт — 37, а на сферу услуг — 17%²⁵.

По населению (16—17 млн. человек) Афганистан в четыре раза уступает Турции и Ирану и в 8 раз Пакистану, хотя его площадь (652 тыс. кв. км) лишь немногим меньше территории Пакистана и Турции.

Основу экономики Афганистана составляет сельское хозяйство, которое сильно пострадало от войны. Производство зерновых к 1992 г. сократилось до 2,4 млн. т (с 4 млн. в 1979—1981 гг.), а пшеницы — до 1,7 млн. т. (с 2,7 млн.) Традиционно велико значение скотоводства, однако поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 3,7 млн. в 1979—1981 гг. до 1,6 млн. в 1992 г., а мелкого скота — с 22 до 15 млн. Другой, после сельского хозяйства, важнейшей отраслью считается разработка полезных ископаемых, прежде всего природного газа (в 80-е годы добывалось приблизительно 2,5 млрд. куб. м. в год). Низкая доля внутреннего продукта, приходящаяся на долю торговли и сектор услуг — отражение крайне низкого потолка (распределительного и перераспределительного «излишка») современной афганской экономики.

После 1992 г. с дальнейшим обострением вооруженной борьбы ситуация в экономике еще более ухудшилась. Особенно пострадало городское хозяйство — промыслы, торговля и инфраструктура крупных городов и в первую очередь столицы государства, Кабула. Численность сельского населения увеличилась за счет вытеснения горожан из охваченных интенсивными боями городов и возвращения в родные места части беженцев из Пакистана и Ирана.

Сравнительное положение стран в первый послевоенный период

Краткий обзор современного социоэкономического состояния стран Западноазиатского региона иллюстрирует отмеченный выше факт больших различий между ними. Характерно при этом, что дифференциация существенно возросла за период после окончания второй мировой войны. В первые годы после нее у четырех стран региона было много общего, хотя по степени развития экономики, а также сфер образования и современной культуры они и тогда заметно отличались друг от друга.

Население Турции в 1950 г. равнялось 20,9 млн. человек. Каждый третий житель был грамотным, половина детей школьного возраста посещала школу, насчитывалось 10 высших учебных заведений. В городах проживало 18% жителей (в Стамбуле — менее 1 млн. человек). Турция того времени — это еще в полной мере аграрная страна. Сельское хозяйство давало приблизительно 85% всей продукции (материального производства без производства услуг). Достижения политики модернизации предшествующего периода (республиканского, прежде всего эпохи Ататюрка) отразились и на экономике. К тому времени сложилась разветвленная сеть железных дорог протяженностью около 7,7 тыс. км, добыча угля превышала 4 млн. т в год, а выплавка чугуна и стали — 200 тыс. т. Имелась крупная пищевая и текстильная промышленность (на фабриках производилось 140—160 млн. м ткани)²⁶.

Иран по величине населения несколько уступал Турции — 16—17 млн. человек. В его городах, так же как и в турецких, проживало менее 20% жителей, но грамотность была ниже, равняясь 19—20%. Число учебных заведений высшего типа (пять) было вдвое меньше турецких.

Модернизационные усилия межвоенного периода (политика Резы шаха) привели к появлению современной пищевой

и текстильной промышленности, представленной главным образом сахарными заводами и пряжильно-ткацкими фабриками. При скромных объемах добычи угля (200 тыс. т) Иран уже в тот период отличался от соседних государств тем обстоятельством, что служил крупным источником поставок нефти и нефтепродуктов на мировой рынок. В 1950 г. производство сырой нефти достигло пика для начального периода в 32,3 млн. т. Помимо добычи, осуществлявшейся на средства британского капитала (Англо-Иранской нефтяной компании), производилась и ее переработка на крупнейшем в мире нефтеперерабатывающем заводе в Абадане (мощностью около 18 млн. т сырой нефти в год)²⁷. Из-за наличия нефтяного комплекса доля аграрного сектора в производимой продукции была в Иране существенно меньше, чем в Турции — порядка 70%²⁸.

Население Пакистана (в современных границах, тогда — Западного Пакистана) было в второй половине 40-х годов почти вдвое многочисленнее жителей Ирана и Турции, составляя, по разным оценкам, 33—36 млн. человек. Экономика страны носила ярко выраженный аграрный характер. На сельское хозяйство приходилось около 90% производимой продукции²⁹. Сборы зерновых равнялись 6 млн. т (из них пшеницы — 4 млн.)³⁰.

В отличие от турецких и иранских, климатические условия Пакистана таковы, что неполивное земледелие возможно не в приморских субтропических зонах, а в предгорных муссонных районах. Помимо того, запасы пресной воды, пригодной для орошения, в Пакистане больше, чем у его западных соседей, что и дало возможность уже в колониальный период создать так один из крупнейших в мире ареалов ирригационного земледелия. Строительство плотин и оросительных систем было главным модернизационным проектом колониальных властей из осуществленных на северо-западе Британской Индии. Еще одной сферой преобразований, в существенной мере коснувшихся этого района, был транспорт, в первую очередь железнодорожный. К 1947 г., моменту образования Пакистана, современная железнодорожная сеть уже была создана. Общая протяженность линий составляла 8,5 тыс. км и мало изменилась в дальнейшем³¹.

Афганистан уже в первый послевоенный период отставал от других стран рассматриваемого региона. Сказались его замкнутое, не имеющее выходов к морю, географическое положение, и роль буфера, заповедной нейтральной зоны, отве-

дённая ему «большой игрой» Британской и Российской империй в Азии. Население страны, по данным на 1955 г., равнялось 12 млн., а его плотность была примерно втрое ниже, чем в Пакистане и вдвое по сравнению с Турцией.

Хозяйство Афганистана отличалось преобладанием чисто аграрной специализации со значительным удельным весом кочевого скотоводства. В городах, главными функциями которых были управление и торговля, проживало 10—12% населения. Горная добыча и перерабатывающая промышленность оставались в основном на уровне традиционного промысла и ремесла. Энергичная попытка модернизации хозяйства и социополитической сферы, предпринятая эмиром Амануллоханом в 20-х годах, особенно в 1928—1929 гг., окончилась неудачей. Ее символом может служить построенная Амануллоханом и заброшенная после его бегства из страны узко колейка, соединявшая Кабул с его пригородом, где намечалось сооружение нового административного центра³². Век шоссейных дорог наступил в Афганистане значительно позднее, а железных не пришел до сих пор.

Душевой доход в Афганистане, по оценкам на 1950 г., равнялся 20 долл. США, в то время как в Пакистане — примерно 60, в Иране — 85, а в Турции — 125 долл.³³.

За прошедшие почти 50 лет разрыв между ним и другими странами региона многократно увеличился (точно оценить его величину не позволяет отсутствие данных о национальном продукте Афганистана в текущих ценах). Возросла, кроме того, разница между душевым доходом Турции и Ирана (с полутора до трех раз), а также Турции и Пакистана (с двух до четырех раз). Более или менее неизменным, очевидно, осталось соотношение между иранскими и пакистанскими показателями (у Ирана примерно в полтора раза выше). Таким образом, четыре государства региона распались на три категории: развивающихся наиболее быстро и успешно (Турция), крайне замедленно (Афганистан) и средне, почти одинаковыми темпами (Иран и Пакистан)³⁴.

Причины различий в уровне и темпах развития

Основное значение имеют, очевидно, такие обстоятельства, как внешние условия, государственная политика и гордость общества к преобразованиям. Ввиду того, что рассматриваемые страны не относятся к числу «первопроходцев» модернизации, а входят в третий или даже четвертый ее эшелоны, внешние воздействия, преломляющиеся в полити-

тике местных правящих и господствующих групп, играют очень большую роль.

В наиболее выгодном положении, с точки зрения международного контекста модернизации, оказалась в послевоенном период Турция. Резкое ослабление позиций Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке сопровождалось своего рода «сменой караула», функции которого перешли к США. Они включили Турцию в системы западноевропейской и ближневосточной безопасности (блоки НАТО — с 1952 г. и Багдадский пакт, затем СЕНТО — с 1955 г.). США оказали значительное содействие в деле модернизации турецких вооруженных сил и экономики (за 1948—1960 гг. американская помощь составила 3,4 млрд. долл.)³⁵. Как известно, правившая с 1950 г. в Турции Демократическая партия пошла на некоторые отступления от кемалистских традиций эгатизма (т. е. безусловного приоритета государственного сектора)³⁶. Слишком явная ориентация на США и проводимая под их нажимом политика либерализации вызывали сопротивление влиятельных кругов внутри страны. После военного переворота 1960 г., суда и казни бывшего премьер-министра Аднана Мендереса и ряда его сподвижников экономическая политика государства вернулась на рельсы эгатизма. Турция вместе с тем не покинула западное торгово-экономическое пространство, возглавляемое США. Продолжали расширяться ее экономические связи со странами Западной Европы, в первую очередь с Федеративной Республикой Германией³⁷. Страна стала одним из главных поставщиков мало-квалифицированной рабочей силы на европейский рынок труда.

Вовлеченность Турции в процессы, вызванные послевоенным экономическим возрождением Европы, создали одну из внешних предпосылок достаточно успешного развития страны. Определенное значение имело и экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Кроме того, несмотря на в целом прозападную позицию Турции по арабо-израильскому конфликту, ей удалось избежать серьезных осложнений в отношениях с арабскими и мусульманскими государствами³⁸.

Ближневосточное направление приобрело особое значение для Турции со второй трети 70-х годов, когда в зоне Персидского залива начался нефтяной бум. Удачной в течение всего последующего периода инвестиционной активности и в особенности на рубеже 70—80-х гг. была деятельность в регионе турецких строительно-подрядных фирм. В те же годы скачко-

образно увеличился также экспорт турецких товаров в арабские страны³⁹.

В 80-е годы Турцию с Ближним и Средним Востоком связала также ирано-иракская война. Турецкая территория использовалась обеими воюющими сторонами для транзита на Запад. И Иран, и Ирак, кроме того, ввозили большое количество потребительских товаров турецкого производства.

Можно, вероятно, полагать, что Турция смогла успешно воспользоваться географической близостью к двум регионам быстрого экономического подъема — сначала к Европе, затем к Ближнему Востоку. В 90-е годы для нее открылись новые возможности, вызванные дезинтеграцией СССР и распадом социалистического содружества в Восточной Европе. Турецкие компании принялись активно осваивать новые рынки, причем на территории бывшего Советского Союза, помимо России, их повышенное внимание привлекли государства Закавказья и Центральной Азии⁴⁰.

Менее благоприятным был международный климат для модернизации в Иране. В отличие от Турции он не попал под прямое действие «доктрины Трумена», что в значительной степени объяснялось отказом Москвы (после вывода войск из Северного Ирана в 1946 г.) от прямого давления на этом направлении.

К тому же, Англия и английский нефтяной капитал не сразу согласились на свертывание своих позиций в этой стране, оказав сопротивление наступлению американского капитала и политической экспансии США⁴¹. Только после политического кризиса 1952—1953 гг., свержения при участии ЦРУ националистического правительства М. Мосаддыка, Великобритания вынуждена была потесниться, свободив место для США. Прозападный курс шахского правительства (вступление в 1955 г. в Багдадский пакт) сочетался с расширением поставок нефти и нефтепродуктов на рынки США, Западной Европы, Японии.

Экономические связи Ирана с внешним миром носили менее сбалансированный, чем у Турции, характер. Уже в 60-е годы Иран, добывая в среднем 120 млн. т нефти в год, получил огромную сумму в 7,5 млрд. долл. от ее экспорта. Они составили три четверти всех валютных поступлений. За первую половину 70-х годов, на которую пришелся многоократный рост мировых цен на нефть, страна, увеличив среднегодовую добчу до 270 млн. т, выручила от ее вывоза 47 млрд. долл. (86% всех экспортных поступлений)⁴². Такая односторонняя

связь с мировым рынком по линии вывоза сочеталась в 70-е годы с однобокой структурой импорта, отмеченной преобладанием товаров военного назначения. Известная диверсификация внешних связей, осуществлявшаяся правительством Ирана с начала 60-х годов (в частности, использование технического опыта и финансовой поддержки СССР) не изменила его включенности по преимуществу в западное торговово-экономическое сообщество, но главным образом через узкий «военно-нефтяной» коридор. Воздействие внешнего фактора отражалось на модернизации в основном лишь вооруженных сил и нефтяного комплекса, не распространяясь в достаточной мере на ключевые сегменты политической системы, экономики и культуры.

Негативно сказалась на модернизации в Иране изолированность широких слоев населения от процессов, происходящих за пределами страны. Эмиграция рабочей силы на протяжении всего послевоенного периода вплоть до революционных событий конца 70-х годов была минимальной. Иранский город оставался по существу единственным магнитом для сельских мигрантов.

Революционные события конца 70-х — начала 80-х годов вызвали первую крупную волну эмиграции из Ирана, охватившую в основном образованные и квалифицированные слои. В то же время подавляющая масса населения оказалась в годы правления имама Хомейни (1979—1989) в еще большей изоляции от внешних влияний. Глубокая и всесторонняя идеологических обработка иранских масс была прочно закреплена в годы кровопролитной войны с Ираком (1980—1988). Наступившее после смерти Хомейни некоторое ослабление тоталитарной жесткости режима не привело к существенным переменам в степени открытости иранского общества для внешнего мира.

Пакистан принадлежит к региону более, чем Турция и Иран, удаленному от таких эпицентров деловой активности послевоенной эпохи, как Западная Европа и Средиземноморье. Его правящим кругам удалось, вместе с тем, воспользоваться противостоянием двух военно-политических блоков в годы «холодной войны» и привлечь к себе внимание Запада. Переориентация с бывших колонизаторов (Великобритании) на США произошла весьма быстро, завершившись в основном к началу 50-х годов. Вступив в Багдадский пакт (СЕНТО), Пакистан, как и его соседи, Иран и Турция, получил возможность осуществить модернизацию вооруженных

сил. США в 50-е годы предоставили Пакистану также немалую безвозмездную помощь и льготные кредиты с целью модернизации экономики и социокультурной сферы. В качестве поставщика хлопка и джута (производимого тогдашним Восточным Пакистаном, ныне — Бангладеш) страна с выгодой использовала кратковременный рост мировых цен на эти сырьевые товары в годы Корейской войны (1950—1953).

Международный контекст для модернизации Пакистана в 60—70-е годы оставался не слишком благоприятным, так как позиции США были заметно ослаблены их неудачами в Индокитае. Экономическое сотрудничество с СССР, а также с государствами Западной Европы и Японией имело ограниченный характер.

Пакистан, между тем, смог использовать территориальную и культурно-политическую близость к странам Аравии и Персидского залива, где, как отмечалось выше, с начала 70-х годов начался инвестиционно-строительный бум, вызванный резким увеличением доходов от экспорта нефти. В нефтедобывающие арабские страны на заработки отправились сотни тысяч пакистанцев. Их число в пиковые для эмиграции 80-е годы достигало 1,5 миллиона. Особенностью эмиграции был ее в основном ротационный характер (временные переселенцы многократно превышали численность постоянных) и социально-профессиональное разнообразие (неквалифицированные строительные рабочие составляли наибольшую долю, но значительным был также удельный вес инженеров и врачей, администраторов, посредников и торговцев)⁴³.

Велико было как общественное значение ротационной миграции (некоторые авторы, несколько преувеличивая, назвали ее последствия единственной социальной революцией в истории страны), так и экономическое. Прямые переводы в валюте от эмигрантов (без учета поступлений по «невидимым статьям» платежного баланса, т. е. оплаты различного рода услуг) в первой половине 80-х годов поднялись до 3 млрд. долл., и столько же, предположительно, ввозилось в страну «натурой» (товарами и деньгами). О масштабах такого рода вливаний для страны можно судить по тому, что все ее доходы от экспорта не превышали тогда 4—5 млрд. долл.⁴⁴.

Еще одним существенно важным внешним для Пакистана обстоятельством стали с конца 70-х годов события, связанные с Афганистаном. Оказавшись на переднем крае противостояния между СССР и США, Пакистан во главе с утвердив-

шшейся к тому времени у власти военной верхушкой сумел извлечь немалые преимущества. В 80-е годы США предоставили Пакистану военно-экономическую помощь на сумму свыше 5 млрд. долл.⁴⁶ Значительными были также выгоды, которые извлекли правительственные и финансовые круги страны из положения, когда через них проходила большая часть международной помощи афганским беженцам, обосновавшимся на ее территории.

Представляется однако, что достаточно благоприятные внешние обстоятельства не были в полной мере использованы в целях экономического развития и социальной модернизации. Ликвидация военного режима в 1988 г. и утверждение парламентских форм правления совпали по времени с ухудшением международного климата для Пакистана. Женевские договоренности (апрель 1988 г.) и вывод советских войск из Афганистана (февраль 1989 г.) ослабили интерес США к своему союзнику по афганскому конфликту. Уже осенью 1990 г. программа военной помощи США Пакистану была заблокирована решением Конгресса, направленным против стран, подозреваемых в проведении работ по изготавлению ядерного оружия. Позиция американских законодателей негативно отразилась на программах экономического содействия.

Внешние условия, в которых протекала модернизация в Афганистане, весьма своеобразны. Далеко не сразу после второй мировой войны, лишь с начала 50-х годов, международное значение страны изменилось вследствие борьбы главных участников «холодной войны» за влияние в регионе. Успеха в том, что касается преимущественных позиций в Афганистане, постепенно добился географически более близко расположенный СССР. Главным образом советская помощь позволила модернизировать транспортную сеть (построить экономически и стратегически важные шоссейные дороги), создать современную горнодобывающую отрасль (по добыче природного газа) и отдельные предприятия обрабатывающей промышленности, расширить систему современных образовательных учреждений.

Военные действия, развернувшиеся в Афганистане с конца 70-х годов, нанесли без сомнения громадный урон экономике страны, существенно затормозив ее модернизацию. Одновременно они привели массы афганцев в движение и в соприкосновение с внешним миром. Культурное воздействие последнего на миллионы беженцев, расселившихся в лагерях на территории Пакистана и Ирана, было, конечно, крайне огра-

ниченным. Но десятки или даже сотни тысяч афганцев вынужденно оказались далеко за пределами страны — в США, Европе, России, а также в крупных городах Пакистана, Ирана, Индии, арабских стран. Именно они потенциально могут стать носителями перемен, способствовать прорыву традиционной изоляции афганского общества.

Еще один фактор, который, как отмечалось, отражается на темпах и глубине модернизационных преобразований, это их, так сказать, внутренний контекст, выражавшийся в подготовленности общества к восприятию и усвоению внешних импульсов. Разумеется, характеризовать этот фактор сколько-нибудь полно и глубоко не представляется здесь возможным. Даже сама постановка вопроса о нем является особым сюжетом, некоторые ключевые аспекты которого, кстати, неоднократно привлекали в последнее время внимание отечественных авторов, в частности, туркологов¹⁵. Наша задача ограничена намерением дать обзор модернизационных инициатив правительственные кругов в период, предшествующий завершению второй мировой войны, а также сопоставить степень готовности отдельных стран региона к преобразованиям.

Нет сомнения, что времени окончания войны наиболее подготовленной для модернизации была Турция. Она ранее других стран региона испытала на себе влияние европейского опыта развития. Османская империя, чьим главным наследником является современная Турция, вступила на путь модернизации в начале XIX в. За временем реформ Танзимата (1839—1871 гг.) последовал этап отката, «переваривания» преобразований. Новый этап модернизационной политики начался с приходом власти правительства младотурков в 1908 г., но прорыв в современность был осуществлен уже после окончания первой мировой войны, ликвидации империи (султаната), отказа от лидирующих позиций в исламском мире (отмены халифата) и утверждения национального турецкого государства. Реформы, проведенные по инициативе Мустафы Кемаля Ататюрка, относятся к числу весьма радикальных в политическом и социокультурном отношении. Из оплота панисламизма и пантюркизма (османизма) Турция превратилась в светское государство, взявшее за образец европейские порядки. Экономическая модернизация в период между двумя мировыми войнами не была столь же решительной.

Влияние политики реформистского характера Иран испытал позднее Турции, лишь в середине XIX в. Да и оно было

ограниченным по времени (1850—1852) и глубине, закончившимся с отставкой главного министра Мирзы Таги-хана. Несмотря на продолжительность «откатной волны», реформистские веяния давали о себе знать и в дальнейшем. Главным проводником модернизации на протяжении последней трети XIX и в начале XX в. был иностранный капитал, главным образом российский и британский. Предоставленные шахским правительством концессии — сначала на развитие средств связи (телефон), затем на строительство современных путей сообщения (колесных, шоссейных и железных дорог) и, наконец, на разведку и эксплуатацию полезных ископаемых (нефти) позволили осуществить частичную экономическую модернизацию. При этом главные выгоды от нее достались иностранным инвесторам и коррумпированной правящей верхушке⁴⁷. Неудивительно, что реакция иранских масс и лидеров общественного мнения на нововведения была резко отрицательной. Так называемая конституционная революция 1905—1911 гг. отразила это недовольство и завершилась палаточным решением проблемы модернизации политической системы.

Лишь с середины 1920-х годов в Иране по инициативе нового монарха Реза-шаха Пехлеви начался этап ускоренных экономических и социальных преобразований. По примеру турецкой модернизации в Иране был сделан упор на усиление госсектора, осуществлении через его каналы варианта форсированной индустриализации⁴⁸. Однако общие результаты этого курса были достаточно скромными — имело место, как уже отмечалось выше, усиление производственной базы (за счет развития нефтяного комплекса, отдельных отраслей инфраструктуры и обрабатывающей промышленности), но условия жизни и труда подавляющей массы населения остались по сути неизменными. Значительной оставалась роль оседло-кочевых племен, традиционным было введение хозяйства практически повсюду в сельской местности⁴⁹.

Общественные структуры и институты на территории Пакистана испытали воздействие европейского мира в середине XIX в. в результате установления прямого колониального управления англичан. На протяжении третьей четверти века это влияние не было по существу инновационным, сводясь к упорядочению и совершенствованию в интересах колониальной администрации традиционной системы экономики и права. К собственно модернизации власти приступили лишь с 80—90-х годов прошлого столетия, сосредоточившись на трех об-

ластях — ирригации, железнодорожном строительстве и об-разованием. Нововведения (части из них мы касались выше) вызывались экономическими и военно-политическими моти-вами, а их главными результатами были распространение ирригационного земледелия, рост населения вследствие повы-шения эффективности сельского хозяйства, некоторая ком-мерциализация хозяйственного уклада и появление анклавов современной культуры в крупных городах.

После первой мировой войны англо-индийские власти по-шли на дальнейшую модернизацию политической системы. По реформам Монтею — Челмсфорда учреждались выборы в провинциальные законодательные собрания и расширялись функции самоуправления на провинциальном уровне⁵⁰. Вме-сте с тем, экономические преобразования в период между войнами замедлились. Пакистанские районы, в отличие от Ирана и Турции, не прошли через этап стимулируемой госу-дарством индустриализации, и к моменту образования Паки-стан не имел значительных анклавов современной добываю-щей и обрабатывающей промышленности.

Еще позднее Ирана и Пакистана вступил на путь контак-тов с европейским миром Афганистан. Формирование более или менее современного государства относится обычно в ли-тературе к последней четверти XIX в., времени правления эмира Абдуррахман-хана. Но первые попытки администра-тивных и культурных преобразований, а также реорганиза-ция армии были предприняты неоколько раньше эмиром Шер Али-ханом (1869—1879 гг.)⁵¹.

Несколько расширилось внедрение элементов современной техники, военного дела, образования и европейской культуры в первые десятилетия XX в., хотя они представляли собой лишь зачатки модернизации.

Рискуя повториться, отметим, что более решительно про-грамму преобразований попытался осуществить после пер-вой мировой войны эмир Аманулла-хан. При нем в 1923 г. была принята первая в истории страны конституция. Тогда же правительство постаралось изменить юридические основы систем земледелия и налогообложения. Новый этап реформ в 1928—1929 гг. вызвал ожесточенное сопротивление консер-вативных сил и привел к потере эмиром власти в ходе воору-женной борьбы. С утверждением на афганском троне новой династии страна вступила в длительный период осторожного приспособления к воздействиям извне. Афганистан по-преж-

нemu находился в состоянии полуизоляций, поддержания внутренней независимости ценой отказа от выхода за традиционные для себя географические и культурные рамки.

Модели и перспективы модернизации

Сочетание двух групп факторов — внешних, международных условий, и внутренних, фиксирующих предрасположенность общества к реформам, — задает рамки различий в скорости и глубине процесса модернизации. Более неопределенно и конкретно они зависят от преобразовательных акций государства. В послевоенной истории стран рассматриваемого региона наблюдались (как, впрочем, и на предшествующих этапах) чередования вспышек активной реформаторской деятельности властей с затяжными периодами отката, когда нередко происходили отбор и усвоение нововведений.

В Турции на протяжении второй половины нынешнего века использовалась модель модернизации западного образца. Несмотря на неоднократную смену военной и гражданской администрации, процесс реформирования протекал в Турции наиболее последовательно.

Сходные черты наблюдались в опыте Пакистана. Его модернизация в первые десятилетия существования не вышла за рамки западного варианта, хотя у некоторых влиятельных в обществе и государстве сил уже тогда появлялось искушение выбрать одну из альтернативных моделей преобразований — советскую (коммунистическую) или исламскую. Меры по исламизации, наиболее последовательно и широко осуществлявшиеся военной администрацией генерала М. Зияуль-Хака (1979—1988), вывели страну на ослабленный (умеренный) вариант исламской модернизации.

Более сильная, радикальная ее модель была реализована в Иране в результате успеха революционных выступлений 1978—1979 гг. и прихода к власти режима, опирающегося на авторитет ведущих представителей мусульманского (шиитского) духовенства во главе с имамом Хомейни. После его смерти иранский вариант исламской модернизации не претерпел принципиальных изменений. Впрочем, внешняя политика приобрела черты pragmatизма, а экономика — характер более открытый и благоприятный для частного сектора.

Наиболее замедленным и нерешительным было движение по пути обновления Афганистана. Попытка ускорения преобразований после апреля 1978 г. («Саурской революции») бы-

ла предпринята на путях советской, отличающейся от западной, альтернативной модернизации. Смена моделей, как и в Иране, последовала за политическим переворотом, а сама преобразовательная деятельность осуществлялась в условиях ожесточенного сопротивления внутренних оппозиционных сил, активно поддерживаемых извне. В то же время и пришедшие к власти левые силы пользовались всемерной поддержкой СССР, чей образец, теоретический и практический опыт лег в основу их политического курса.

В связи с перспективами модернизационного процесса в странах Западной Азии нужно отметить, что его неравномерность будет, по всей видимости, в дальнейшем возрастать. Вместе с тем, относительные темпы дифференциации были в послевоенный период, особенно в 70—80-е годы, настолько значительными, что можно ожидать некоторого замедления скорости расхождения потенциалов и степени модернированности западноазиатских государств. Не исключено, что это произойдет в результате появления нового эпицентра экономического роста в центре Азии (Евразии), на ее огромных континентальных просторах. Возможный перенос центра тяжести международной экономической активности в Центральную Азию (и на Кавказ), первые признаки которого уже наблюдаются, способен изменить международный контекст развития таких стран, как Иран, Пакистан и Афганистан.

Вполне вероятно, разумеется, развертывание событий по другому сценарию, в соответствии с которым огромные районы Евразии превратятся в геополитический «ковал» напряженности и нестабильности⁵², а Центральная Азия — в «черную дыру», поглощающую ресурсы и охваченную чередой разрушительных конфликтов. В этом случае разрыв между государствами соседнего с ней западноазиатского региона, вероятнее всего, будет и дальше возрастать, создавая опасный перепад в степени развития не только между странами, но и внутри них, между отдельными этнокультурными территориями, пересекающими в ряде случаев государственные границы.

В сильнейшей зависимости от международной обстановки находится и модель модернизации, которой будут следовать рассматриваемые страны. Первый сценарий благоприятен для основной, базовой модели, строящейся на подключении к господствующей ныне системе международного разделения труда и ответственности за поддержание глобального мира и безопасности. Что касается второго сценария, то в его рамках

более укладываются поиски контрмодернизационных решений, национальных и региональных альтернатив базовому варианту. Вероятно, что в данном регионе они будут ориентироваться на использование общего для всех его стран исламского наследия в сочетании с элементами этнокультурного и историко-цивилизационного единства.

Примечания

- ¹ См.: Gaddis J. L. *Strategies of Containment*. N. Y., 1982, с. 53—54. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., с. 13—14.
- ² Старостин Б. С. Социальное обновление: схемы и реальность. Социальный прогресс и буржуазная философия. М., 1981.
- ³ Turkey at a Glance 1992. Ankara, 1992. Turkey. Almanac 1994. Istanbul, 1993, р. 55.
- ⁴ Turkey. Country Profile 1995—96. L.: The Economist Intelligence Unit, 1995, с. 42, 48, 50.
- ⁵ Ibid., с. 22.
- ⁶ Ibid., с. 20—21.
- ⁷ Ibid., с. 43.
- ⁸ Ibid., с. 43.
- ⁹ Ibid., с. 19.
- ¹⁰ Iran. Country Profile 1994—95. L.: The Economist Intelligence Unit, 1995, с. 18.
- ¹¹ Ibid., с. 18.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibid., с. 19.
- ¹⁴ Ibid., с. 12.
- ¹⁵ Burki S. J. *The State and the Political Economy of Redistribution in Pakistan* — in: *The Politics of Social Transformation in Afghanistan, Iran and Pakistan*. Syracuse, 1994, с. 275.
- ¹⁶ См.: Болотин Б. М., Шейнис В. Л. Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950—1985 годы. М., 1988, с. 357.
- ¹⁷ Pakistan, Afgbanistan. Country Profile 1994—95. L.: The Economist Intelligence Unit, 1994, р. 21.
- ¹⁸ Ibid., с. 28.
- ¹⁹ См.: Белокреницкий В. Я. Пакистан: динамика «двухъярусного» капитализма. — Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995, с. 503.
- ²⁰ Pakistan, Afgbanistan. Op. cit., с. 36—37.
- ²¹ Ibid., с. 30—32.
- ²² Ibid., с. 48—49.
- ²³ Ibid., с. 16.
- ²⁴ Ibid., с. 17.
- ²⁵ Ibid., с. 59, 62. Pakistan, Afgbanistan. Country Profile 1995—96. L.: 1996, с. 60.
- ²⁶ См.: Новоселов Н. А. Турция и Иран. М., 1952, с. 14, 16—17, 28—29, 31—34, а также: Новичёв А. Д. Турция. Краткая история. М., 1965, с. 246, 247.

²⁷ Современный Иран. Справочник. М., 1957, с. 182—184; Победина М. П., Цыбульский В. В. Афганистан, Иран, Турция. М., 1961, с. 94.

²⁸ Новоселов Н. А. Указ. изд., с. 58—59.

²⁹ Government of Pakistan. Economic Survey 1985—86. Statistics, с. 18.

³⁰ Ibid., с. 34.

³¹ Ibid., с. 77.

³² Black Cyril E., Dupree Louis et al. The Modernization of Inner Asia. N. Y., 1991, с. 222.

³³ Эти оценки приведены в книге М. П. Побединой, В. В. Цыбульского. Указ. изд., с. 26; авторы приводят данные о душевом доходе в Индии (57 долл.), которые, по нашему мнению, близки к пакистанским. В то же время имеются и другие прикидки, более высоко, в частности, оценивающие доход в Турции. Так, по приводимым Е. И. Уразовой турецким данным, душевой доход в Турции в 1980 г. равнялся 50, а в 1950 г.—166 долл. — Уразова Е. И. Экономика Турции: от этатизма к рынку. М., 1993, с. 36. Однако в книге А. Д. Новичёва турецкий доход в 1960 г. считается равным всего 180 долл. Указ. изд., с. 243.

³⁴ Нереальная оценка ВВП Афганистана используется в известном экономико-статистическом исследовании Б. М. Болотина и В. Л. Шейниса, которые опираются на сведения из главных международных статистических публикаций. Завышенными представляются также приводимые ими оценки для Ирана и заниженными в отношении Турции. В целом картина послевоенного расхождения уровня экономического развития четырех стран при применении данных из книги Болотина и Шейниса (они приведены ниже, по указ. соч., с 344—149, 354—357) оказывается смазанной и в целом малореалистичной, хотя, надо подчеркнуть, что временной ряд заканчивается 1980 г., в то время как разрыв между странами региона особенно быстро увеличивался в дальнейшем.

	1950 г.		1980 г.	
	по офиц. курсу по паритету		по офиц. курсу по паритету	
	1975 г.	1975 г.	1975 г.	1975 г.
Турция	314	701	766	2089
Иран	408	733	1124	1783
Пакистан	119	382	221	662
Афганистан	126	479	121	423

Те же замечания можно сделать и по поводу другой попытки сравнения динамики роста душевого дохода, предпринятой, надо отметить впервые в нашей литературе, Ю. В. Ганковским. В предисловии к изданной в 1981 г. под его редакцией книге «Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока» он приводит следующие цифры для трех стран региона, подчеркивая при этом факт изменения в соотношении экономических потенциалов за послевоенный период:

ВВП на душу населения в постоянных ценах 1970 г. (долл. США)

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1976 г.
Турция	220	265	306	475
Иран	200	250	390	600
Пакистан	105	130	175	175

³⁵ Капитализм в Турции. Социально-экономическое развитие в 50–80-х годах. М., 1987, с. 21.

³⁶ Об этатизме см.: Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М., 1991, особенно с. 102–144; Капитализм в Турции. Социально-экономическое развитие в 50–80-х годах. Под ред. П. П. Моисеева. М., 1987, с. 25–54. Уразова Е. И. Указ. изд., с. 10–20.

³⁷ См.: Пощверия Б. М. Турция в системе международных отношений. — Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока, с. 175, 180.

³⁸ Об этом см. в частности: Fuller Graham E. Turkey Faces East. New Orientations Toward the Middle East and the Old Soviet Union. Santa Monica, 1992, с. 15–25.

³⁹ Ibid., с. 3, 18.

⁴⁰ Уразова Е. И. Строительная экспансия Турции — Деловой мир. М., 31 октября — 6 ноября 1994, с. 23. Она же. О характере экономических связей между Турцией и тюркскими республиками СНГ — Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты. М., 1995, с. 111–128.

⁴¹ Алиев С. М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985, с. 91–99.

⁴² Цуканов В. П. Особенности экономического развития. — Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока, с. 15. См. также: Арабаджян А. З. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60–70 годах. М., 1983.

⁴³ Жмуида И. В. Современная эмиграция из Пакистана: причины и последствия. М., 1980, с. 220–233. Burki S. J. What Migration in the Middle East May Mean for Pakistan — Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Villanova, 1980. Vol. III, № 3, с. 47–66.

⁴⁴ Белокреницкий В. Я. Указ. изд., с. 512–613.

⁴⁵ Жмуида И. В. Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е гг.). М., 1988, с. 41–44.

⁴⁶ См., например, Иващенко С. М. Человек в изменяющемся экономическом пространстве Османской империи. — Исламские страны и регионы. История и современность. М., 1994, с. 75–90; Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М., 1993.

⁴⁷ Кулагина Л. М. Экспансия иностранного империализма в Иран и превращение его в полуколонию. — Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 122–175.

⁴⁸ Мамедова Н. М. Иран в XX веке. М., 1997, с. 5–21.

⁴⁹ Трубецкой В. В. Роль оседло-кочевых племен Ирана в период нового времени. — Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 176–202.

⁵⁰ Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1979, с. 397–399. Smith V A. The Oxford History of India. 7th ed. New Delhi, 1988, с. 786–789.

⁵¹ История Афганистана. М., 1982, с. 158–163.

⁵² Бжезинский Зб. Геополитический вакуум. — Кентавр. М., 1994, с. 60–62.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экономический рост и модернизация развивающихся стран представляет собой двуединый процесс, с одной стороны, превращения традиционных, натуральных и полунатуральных укладов — в рыночные, трансформируемые из примитивных состояний и форм в современные, а с другой — техническое и технологическое обновление и переоснащение, рост фондооруженности, сопровождаемый вытеснением архаичных орудий, средств и методов производства, заменой их механизированным и специализированным трудом.

Как показывает опыт многих освободившихся стран, результативность и продолжительность данного процесса зависят не только от решения технико-экономических и финансовых проблем, следования оптимальной при данных социально-демографических условиях стратегии, но в большой степени — от социально-психологического климата, национального именталитета и соответственно — степени поддержки населением и его желания следовать предлагаемой программе модернизации, включающей, как правило, перенос на национальную почву и адаптацию западных технических и интеллектуальных достижений. Неприятие — полное или частичное, а тем более — отторжение этих новаций, какими бы рациональными и передовыми они, на первый взгляд, ни казались, может стать причиной длительного застоя, замедленной эволюции, сопровождаемой крупными социальными издержками, общественными кризисами и политическими туниками.

Включение данного аспекта при оценке хода и результатов экономического развития стран Востока, как известно, весьма отличающихся друг от друга, представляется актуальным и проясняющим некоторые особенности «восточной» модернизации. В качестве примера взята Турция, о которой еще

недавно говорили как о стране, совершившей рывок и экономическое «чудо». Однако в последние годы стали обнаруживаться обстоятельства и факты, говорящие о поспешности и преувеличенности этих оценок.

Хотя экономический рост и модернизация, ставшие после создания Турецкой Республики синонимами индустриализации в европеизации, с самого начала были заложены в основу экономической стратегии, продвижение страны по этому пути оказалось достаточно медленным. Со всей наглядностью это обнаружилось в последние десятилетия в связи с развитием в целом ряде бывших колоний и полуколоний эффективных и динамичных экономик, ряд которых выдвинулись в число так называемых новых индустриальных государств.

Что же касается Турции, то несмотря на определенные достижения за истекшие почти 75 лет развития в условиях политической независимости, она еще далека от того, чтобы сократить свое многократное отставание и по величине среднедушевого дохода и по многим другим показателям не только от промышленно развитых стран Запада, но и Востока.

Попытаемся проанализировать основные причины явной замедленности в развитии страны. Уже сами стартовые условия экономического роста для Турции складывались неблагоприятно, отличались почти полным отсутствием тех факторов, и в первую очередь — внешних, которые появились в послевоенный период и получили развитие после достижения самостоятельности основной группой бывших колониальных владений. Примитивная аграрная экономика, разоренная и доведенная до истощения первой мировой и национально-освободительными войнами, страна с почти поголовно неграмотным населением, с османо-исламским менталитетом, традиционно ориентированным на власть и авторитет в обществе военного, бюрократа, помещика, на предубеждение и недоверие к предпринимателю, коммерсанту, среди которых в прежние времена преобладали представители национальных меньшинств и иностранцы; нарушенные связи с мировым хозяйством, взаимная подозрительность и претензии в отношениях с иностранным капиталом, переросшие в отчужденность с наступлением мирового экономического кризиса, а позже практические прерванные с началом второй мировой войны.

Поэтому, хотя внутренняя, в том числе экономическая политика Турции уже с 20-х гг. была нацелена на развитие и модернизацию, замену традиционных институтов — на западноевропейские, буржуазные — реальных возможностей

для быстрых перемен в то время еще не существовало. Это относилось и к состоянию внутреннего рынка, из-за своей слабости и аморфности, отсутствие необходимой инфраструктуры не способного активизировать и привести в действие внутренние источники и ресурсы, и к невозможности широкого привлечения внешних источников, и к состоянию человеческого фактора, который к началу активной фазы развития капиталистического способа производства, должен «быть уже готов»¹.

Начальная стадия экономического роста в Турции проходила при полном доминировании государства, взявшего на себя не только регулирующие, но и организаторские и производственные функции, частично унаследованные от имперских времен². Турецкий эстатизм, силами которого была начата индустриализация и модернизация страны, как порождение особых внутренних и внешних условий, базировался на таких креативных основах, как протекционизм, автаркия, централизация ресурсов и их распределения, ограничение рыночных отношений и конкуренции, запреты на борьбу трудящихся и т. п. элементах авторитарного государственно-бюрократического капитализма. С некоторыми послаблениями, которые были введены позднее, особенно начиная с 60-х гг., с принятием официальной доктрины смешанной экономики, эстатистская политика проводилась вплоть до начала 80-х гг. Хотя одной из главных ее целей была поддержка и укрепление частного предпринимательства, жесткое государственное регулирование и регламентирование не могли не сдерживать частную инициативу, для которой были закрыты целые отрасли, фактически монополизированные государством (энергетика, добыча ряда видов минерального сырья, основные средства транспорта и связи и др.), существовали ограничения в сферах торговых, кредитно-банковских, валютных и других операций. С ростом частного капитала негативные последствия для экономического развития эстатистских методов хозяйственного регулирования становились все более явными.

В первую четверть века существования Турции как республики ее экономика, заключенная в жесткий эстатистский панцирь и отгороженная от внешнего мира³, сохраняла в целом экстенсивный характер и традиционные основы.

Переход к интенсивно-экстенсивному росту и связанные с этим структурные и качественные перемены начались в Турции в послевоенный период и во многих отношениях были предопределены выходом на арену экономической жизни но-

вых динамичных сил: национального частного и иностранного ссудного капиталов. Активизация частного капитала сделалась возможной благодаря расширению источников его накопления, особенно в специфических условиях и конъюнктуры военной экономики. Уже в первое послевоенное десятилетие частный капитал смог включиться в процесс индустриализации, быстро осваивая отрасли легкой и обрабатывающей промышленности, расширяя свои позиции в строительстве, кредитно-банковской сфере, оптовой и розничной торговле. В 50-е гг. частные инвестиции в некоторые отрасли промышленности, например, в текстильную, превысили государственные.

Еще более активным стимулятором качественных преобразований в турецкой экономике становится внешний фактор и, в первую очередь, западная помощь. Ее систематический и все более возраставший приток в Турцию во второй половине XX в. был обусловлен помимо общего повышения внимания расколотого на два лагеря мира к проблемам освободившихся стран, в том числе и с целью распространения на них своего влияния, но и особенностями geopolитического положения этой страны.

На протяжении всего периода «холодной войны» США и Западная Европа рассматривали Турцию как важного стратегического союзника, а она, в свою очередь, видела в своем тесном сближении с ними, закрепленном в 1952 г. вступлением в НАТО, гарантии своей безопасности. Начав с представления во второй половине 40-х гг. срочной и безвозмездной военной помощи, Запад вскоре перешел к расширению торгово-экономических связей с Турцией, в значительной степени основанных на предоставлении кредитов и займов. Турция воспользовалась открывшимися возможностями для расширения ввоза в страну современных средств производства, что положило начало процессу технического перевооружения и модернизации в промышленности, сельском хозяйстве, в производственной и социальной инфраструктуре. Турецкая экономика получила доступ к достижениям НТР, на ее территории развернулось строительство шоссейных дорог, что значительно ускорило процессы развития товарно-денежных и капиталистических отношений, обеспечило внутреннюю экономическую интеграцию, создание единого национального рынка.

Экономическая модернизация и ускорение развития получили последовательный и целенаправленный характер после введения в 60-е гг. общенационального планирования, кото-

рое позволило регулировать инвестиции государственного и частного секторов и создавать в стране приоритетные народнохозяйственные объекты с иностранной помощью — теперь уже не только западной, но и из стран Восточной Европы: последняя использовалась Турцией как противовес пополнениям на диктат со стороны Запада. Результатом было и обеспечение финансовой стабильности, и достижение достаточно высоких и устойчивых темпов экономического роста, особенно в промышленности; успехи сельского хозяйства продолжали в большой степени зависеть от условий погоды.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы экономического роста
и инфляции в Турции, %**

Периоды * (годы)	ВВП	Промышленность	Сельское хозяйство	Инфляция
1938 — 1950	1,2	1,4	0,5	13,5
1950 — 1960	6,3	8,6	5,4	10,1
1960 — 1965	5,0	8,5	1,0	4,4
1965 — 1971	7,5	8,4	4,7	7,4
1971 — 1980	4,6	4,8	2,2	35,0
1980 — 1983	4,8	6,0	2,1	31,3
1983 — 1991	5,1	6,2	1,7	49,0
1991 — 1994	2,7	1,7	-0,2	85,0
1995	8,1	12,1	2,6	88,5

* Данная периодизация отражает смену режимов и правительств (кроме 1995 г.).

Источник: «Milliyet», 1996, 20.10; «Sabah», 1996, 1.04.1996.

Повышение темпов экономического роста сопровождалось углублением структурных сдвигов — ростом в ВВП доли промышленности и услуг и сокращением сельского хозяйства. Промышленное развитие сопровождалось диверсификацией, созданием новых отраслей и производств, повышением в промышленной продукции удельного веса товаров производственного назначения, постепенным расширением промышленного экспорта. В аграрной сфере произошло, начавшееся еще в 50-е гг. в результате использования тракторов и другой им-

портной сельскохозяйственной техники, значительное расширение посевных площадей, а затем — по мере распространения передовых методов агрокультуры, связанных с применением минеральных удобрений, качественных семян, внедрением более урожайных и стойких сортов и т. д., существенно возрос общий объем сельскохозяйственной продукции. Это позволило Турции решить многие проблемы продовольственного обеспечения, снабжения сырьем легкой промышленности, поддержания устойчивости сельскохозяйственного экспорта⁴.

В то же время постоянно действовали факторы, сдерживающие процессы экономического роста и модернизации, среди которых на первом месте был (и продолжает оставаться) высокий уровень военных расходов, связанных с содержанием и оснащением армии⁵, крупнейшей среди европейских стран НАТО. Несмотря на то, что Турции систематически оказывалась крупная западная помощь, она может быть отнесена к числу стран, не только выигравших, но и проигравших в условиях «холодной войны». В течение десятилетий она ежегодно направляла на военные расходы от 4 до 6% своего ВВП; в западноевропейских странах на эти цели тратилось значительно меньше — в среднем сколько 3,5%, при том, что объем внутреннего продукта и среднедушевой доход в них в несколько раз превышал турецкий.

Тяжелейшее бремя военных расходов не позволило Турции повысить до необходимого уровня норму накопления, довести ее по крайней мере до 25%, а не остановиться на 20—23%, что, как показывает пример наиболее успешно развивающихся стран, в современных условиях недостаточно для обеспечения таких темпов экономического роста, которые придают ему характер «догоняющего»⁶. К этому следует добавить, что окончание «холодной войны» не открыло перед Турцией перспективу сокращения военных расходов и переключения вы свободившихся ресурсов для решения своих экономических и социальных проблем. Напротив, усиление нестабильности в прилегающих к ней регионах (Закавказье, Балканы, Центральная Азия), напряженность в отношениях с ближайшими соседями — Грецией, Ираком, Арменией, непрекращающиеся военные действия против курдских сепаратистов стали причинами продолжения роста расходов на оборону и безопасность. В апреле 1994 г., отвечая на вопросы американской газеты «Дефенс Ньюс», занимавшая тогда пост премьер-министра Турции Тансу Чиллер так объяснила складывающуюся ситуацию: «Находясь в эпицентре одного из самых нестабиль-

ных регионов западного полушария и подвергаясь опасности быть вовлеченной в военные конфликты, Турция обязана заботиться о своей безопасности. Мы планируем в предстоящее десятилетие направлять только на модернизацию вооруженных сил 2 млрд. долл. ежегодно⁷. Соответствующая программа была принята турецким правительством в том же 1994 г.

Но не только высокий уровень военных расходов является причиной недостаточно стабильного и динамичного экономического роста Турции. Он и связанные с ним структурные и институциональные преобразования постоянно тормозятся замедленностью принятия и незавершенностью проведения назревших реформ, в том числе в таких решающих по значению сферах, как аграрная, налоговая, реорганизация и приватизация госсектора, а также половинчатостью мер по обузданию инфляции, вытеснению эстатистских методов регулирования. По заключению влиятельной американской неправительственной организации «Хэртедж фаундейшн», которая в 1995 г. провела сравнительное исследование степени экономической свободы в 142 странах мира, Турция, спустя 15 лет с начала принятия стратегии рыночной экономики, продолжала оставаться страной с «преимущественно несвободной экономикой», имея наихудшие показатели по таким категориям, как налогообложение (из-за слишком высоких ставок подоходного, корпоративного налога и налога на добавленную стоимость), денежная политика (из-за сильной инфляции) и масштабов распространения «черного рынка»⁸.

По традиции, законопроекты, направляемые в меджлис, обычно ждут его решений годами, а в некоторых случаях — и десятилетиями, а проведение в жизнь принятых законов происходит также крайне медленно и нередко в урезанном виде. Консерватизм, волокита, коррупция остаются неизжитыми чертами функционирования турецкого государственного аппарата.

Немало просчетов и ошибочных решений, связанных с политическими установками и симпатиями правящих сил, общим антидемократизмом, характерным для внутренней политики Турции, было допущено при определении приоритетов стратегии социально-экономического развития. Например, до последнего времени в своей экономической политике турецкое государство ориентировалось на крупный местный и иностранный капитал, предоставляя ему все новые и новые льготы в виде низкопроцентных кредитов, освобождения от

налогов и т. д. В то же время крайне недостаточно внимания уделялось доминирующему по числу предприятий мелкому и среднему производству, которое, не имея такой поддержки, особенно сильно пострадало в результате роста цен и процентных ставок. По мнению известного турецкого ученого Исмаила Джема, «можно даже говорить о деградации промышленности городов Анатолии, в которых сосредоточены мелкие и средние предприятия»⁹. Как показывает опыт многих стран мира, модернизированное мелкое и среднее производство обладает существенным потенциалом, который может создать дополнительные источники экономического роста, а кроме того — немалыми резервами трудоустройства. Последнее особенно важно в условиях Турции, где хроническая и предельно высокая безработица (15—17% экономически активного населения) давно превратилась в острую социальную проблему. Этому способствовал сложившийся в последние десятилетия дисбаланс в соотношении трудоемких и капиталоемких производств, явившийся результатом, с одной стороны, амбициозности и недостатка прагматизма у самих турок, а с другой — обусловленного характера западной помощи. Сооружение многих крупных инфраструктурных объектов, начатое в 60—70-е гг., особенно в сфере энерго- и гидростроительства, затянулось на многие годы, его стоимость в условиях инфляции многократно превысила предполагаемые суммы, фактически происходило замораживание огромных средств, когда уже не приходилось рассчитывать на сколько-нибудь быструю отдачу вложенных средств и погашение полученных внешних кредитов из источников, созданных в результате такого строительства. Кроме того, при сооружении крупных промышленных предприятий — в металлургии, химии и нефтехимии и т. п. — также с привлечением кредитных ресурсов из-за границы редко удавалось выдерживать проектные нормативы; особенно характерным было превышение численности занятых против проектной, что в свою очередь становилось одной из основных причин высоких издержек и убыточности многих государственных предприятий.

Имели место другие недостатки в использовании внешней помощи, не говоря уже о том, что немалая ее часть была разбазарена, «ушла в песок», да и сам длительно проводившийся курс на привлечение внешних ресурсов преимущественно в форме ссудных капиталов при ограниченном допуске в страну прямых иностранных инвестиций имел для Турции нега-

тивные последствия. Сокращение льготной части западной помощи, ужесточение условий кредитов и займов привело к образованию огромной внешней задолженности, а погашение основных сумм и процентов превратилось в тяжелейшую проблему турецкой экономики, одну из главных причин ее дестабилизации, ослабления внешнеэкономических и внешнеполитических позиций в отношениях с западными кредиторами, которые получили возможность постоянно оказывать свое давление на Турцию.

В середине 70-х гг. после повышения мировых цен на нефть, на импорт которой в постсоветский период был ориентирован, по подсказке американских советников (как оказалось — недальновидно), турецкий энергобаланс, страна оказалась на грани финансового банкротства. Эта ситуация была использована Западом, от лица которого действовали МВФ и МБРР, для того, чтобы заставить Турцию под угрозой отказа от отсрочек долга и предоставления новых кредитов принять неолиберальную модель экономического развития и начать безусловно навредивший и необходимый, но мало подготовленный для его поддержки и восприятия большинством населения, и по этой причине крайне болезненный процесс перевода экономики на рельсы рыночного механизма.

При относительно невысокой норме внутреннего накопления продолжение индустриализации и восстановление прежних достаточно высоких темпов роста потребовали продолжения в 80—90-е гг. политики широкого использования внешних ресурсов, в первую очередь путем привлечения кредитов и займов, а в последние годы — мобилизации ресурсов на западных рынках капитала.

За период с 1980 по 1995 гг. внешний долг Турции вырос с 16,2 до 73,0 млрд. долл. или в 4,4 раза. Использование внешних ресурсов постоянно опережало расширение ВВП: отношение суммы внешнего долга Турции к ее ВВП с 27% в 1980 г. поднялось до 38,7% в 1991 и 49,0% в 1995 г.¹⁰ Ежегодные долговые платежи съедали свыше третий собственной валютной выручки страны от экспорта, туризма и переводов рабочих-эмигрантов вместе взятых. Например, в 1993 г. на выплату основных сумм и процентов по внешней задолженности Турция затратила около 8 млрд. долл., или 35,4% суммы валютных поступлений (22,6 млрд. долл.); в 1994 г. обслуживание внешнего долга достигло 9,4 млрд. долл., или 37% валютной выручки страны в этом году (25,4 млрд. долл.)¹¹.

Отток ресурсов из Турции в виде долговых платежей за последнее десятилетие фактически сравнялся с поступлением в страну новых кредитов, что существенно снижает их значение и позитивную роль для экономического роста, ограничивает для нее свободу маневра при использовании собственной валютной выручки.

Особо в этой связи следует остановиться на последствиях сокращения государственного предпринимательства и свертывания государственной инвестиционной деятельности в турецкой экономике. Как отмечалось выше, с 30-х годов турецкое государство было главным инвестором и предпринимателем, обеспечивая в разные периоды от 55 до 70% всех капиталовложений в экономику, значительная часть которых вкладывалась в базовые отрасли хозяйства, благодаря чему был существенно усилен экономический потенциал, стали возможными позитивные структурные сдвиги, открывшие перед Турцией перспективу сближения и достижения однородности с экономиками развитых стран.

Государственные предприятия помимо производственных выполняли также социальные функции, особенно важные в условиях развивающейся экономики с быстро растущим населением. В не малой степени по этой причине осуществление приватизации госсектора, еще в начале 80—90-х гг. включенное в число первоочередных мер неолиберальной программы, продвигалось медленно и далеко от завершения в настоящее время. «Выход» государства из экономики происходил в основном через сокращение бюджетных инвестиций — последние, составляя одну из главных статей государственных расходов в прошлом, превратились в скромную величину — в среднем 6—8% всех бюджетных затрат в середине 80-х годов. Существенно сократились инвестиции государственных предприятий и банков. Все это привело к кардинальным переменам в соотношениях между государственными и частными инвестициями в большинстве отраслей, в первую очередь — производственных. Доля первых сократилась с 61,4% в 1985 г. до 43,4% — в 1990 г. и 17,8% в 1995 г., соответственно доля вторых возросла с 38,6 до 56,6 и 82,2% ¹². Государство ограничило свою инвестиционную деятельность сферами инфраструктуры.

Наиболее примечательным фактом является нынешнее полное доминирование инвестиций частного сектора в обрабатывающей промышленности — 90% в середине 90-х гг.

Таким образом, наиболее характерной чертой нынешнего этапа модернизации и экономического роста в Турции стала передача функций локомотива этих процессов от выполнявшего их в течение более чем полувека государства частному сектору. Главным образом его силами был преодолен экономический кризис в Турции 1994 — первой половине 1995 гг. и восстановлены высокие темпы промышленного производства и экспорта, развернулось строительство, в том числе жилищное и т. д.

Одним из наиболее важных факторов укрепления позиций частного сектора является расширение его сотрудничества с иностранным капиталом, как по линии привлечения прямых и портфельных инвестиций, так и использования внешних кредитных ресурсов. Прежнее жесткое государственное регламентирование этой сферы в 80—90-е гг. сменилось политической «открытых дверей», что наряду с общей либерализацией экономической жизни в Турции сделало ее более привлекательной для частных иностранных капиталов.

Из 5132 млн. долл. иностранных капиталов, поступивших в турецкую экономику с начала 80-х до середины 90-х гг., свыше 60% было вложено в обрабатывающую промышленность и более 30% — в сферу обслуживания¹³.

Привносимые иностранными инвесторами новейшие технологии в сочетании с широкомасштабным ввозом современного оборудования существенно расширили возможности совместных предприятий, которые являются основной формой сотрудничества местного и иностранного капитала в Турции. Благодаря дешевой рабочей силе эти предприятия являются высокоприбыльными¹⁴, а их продукция — конкурентоспособной как на внутреннем, так и на внешних рынках. Доля промышленных товаров в турецком экспорте, в начале 80-х гг. составлявшая всего около 25%, к настоящему времени поднялась до 85%. В последние годы Турция входит в число крупнейших экспортёров продукции легкой и обрабатывающей промышленности, например, текстиля, кожизделий, фармацевтических и некоторых других товаров.

Успехи Турции в промышленном развитии подтверждены принятием ее в Европейский таможенный союз (с 1 января 1996 г.). Крупный капитал не опасается за свою судьбу и справляется с конкуренцией товаров развитых европейских стран, а мелкому и среднему обещана финансовая поддержка специализированных организаций ЕС и Европейского инвестиционного банка¹⁵.

Включение Турции в Таможенный союз ЕС является важным шагом на пути ее полной интеграции в экономическую систему стран Западной Европы, хотя переходный период может продлиться достаточно долго — слишком большим остается разрыв в уровне среднедушевого дохода и определяющей его производительности труда. На начало 90-х гг. средний уровень производительности труда в Турции составил 13,9% от уровня Голландии и Бельгии, 14,9% — Франции, 16,1% — Германии, 17,9% — Италии, 22,8% — Англии, 24,6% — Испании, 36,0% — Португалии и 95,2% — Греции. В целом же производительность турецкой рабочей силы в 6 раз уступала среднеевропейскому уровню¹⁶.

Наиболее значительно отставание от стандартов развитых стран сохраняется в аграрной сфере, добывающей промышленности, энергетике, в транспортном и коммуникационном обслуживании.

Частный сектор даже в сотрудничестве с иностранным капиталом в настоящее время не в состоянии взять на себя задачи и функции, которые прежде выполнялись госсектором при решении проблем общенационального значения; он предпочитает отрасли с быстрым оборотом капитала и достаточно высокой окупаемостью. Эта тенденция будет сохраняться и поддерживаться в качестве преобладающей до тех пор, пока в Турции будет высокая инфляция и связанная с ней крайняя дороговизна кредита и другие негативные явления, деформирующие инвестиционную деятельность и процесс экономического роста и модернизации в целом.

В основе экономического отставания Турции от развитых стран лежит регressiveвая структура производительных сил, низкий удельный вес подавляющей части основного капитала, который, помимо того, во многих случаях является физически и морально устаревшим, нехватка накоплений, которые могли бы существенным образом изменить это положение. Если не считать наиболее продвинутых экспорт ориентированных производств в обрабатывающей промышленности, военных предприятий, турецкая экономика в целом до сих пор оставалась в стороне от структурных, организационных, технологических перемен, которыми в последние десятилетия были охвачены экономики развитых, а также наиболее быстро развивающихся стран, где на первый план вышли информатика, научноемкие производства и технологии, получил развитие международный внутриотраслевой и внутрифирменный обмен. Важнейшим фактором, определяющим успехи развития

в этих странах, стали не только новейшие технологии, но и сознательно направляемый рост человеческого капитала.

Что же касается Турции, то этим проблемам здесь до сих пор не придавалось должного значения — для этого у государства постоянно не находилось требуемых средств. Проводившийся курс на привлечение внешних ресурсов и зарубежной техники и технологий в определенной степени оправдывал отсутствие собственной научно-технической базы, так же как и высококвалифицированных специалистов в области науки и техники. С принятием модели открытой рыночной экономики это положение становится все нетерпимее — его изменение в предстоящие годы выдвигается на первый план и должно стать одним из основных направлений модернизации. Речь идет если не о преодолении, то о существенном сокращении отставания Турции по всем основным показателям технологического и интеллектуального развития от действующих международных стандартов. Например, если согласно этим стандартам, нормой является выделение на НИОКР более 1% ВВП, с распределением средств примерно в равной доле между предприятиями и вузами, а численность персонала в сфере НИОКР должна составлять 20 чел. на 10 тыс. экономически активного населения, то в Турции на цели НИОКР выделяется 0,03% (в денежном выражении это в 1995 г. составляло 150—200 тыс. долл. при 4 млрд. долл. США, выделявших на эти цели 2,75% ВВП)¹⁷. Численность занятых в сфере НИОКР составляла в последнее время всего 6 чел. на 10 тыс. экономически активного населения¹⁸.

Большинство частных фирм Турции, действующих в обрабатывающей промышленности, не имеет специальных подразделений для выполнения НИОКР. По данным анкетного опроса, они имелись лишь на 22% малых, 27% — средних и 54% крупных промышленных предприятиях. Не было наложено и их сотрудничество с университетами, ведущими научные исследования и разработки¹⁹.

Показателем слабого уровня научно-технологического развития Турции, ее зависимости от зарубежных источников технологий служит тот факт, что с 1960 по 1991 г. в Турции было зарегистрировано лишь 1195 собственных патентов, или 0,1% патентов, закупленных в указанный период за рубежом²⁰; отсутствует в ее экспорте и высокотехнологичная и научкоемкая продукция.

По словам турецкого исследователя Е. Асланоглу, «Турции, чтобы стать частью западного мира, предстоит пройти

большой путь технологического развития, включающий в себя увеличение вложений в человеческий «капитал»²¹. Речь идет не только о коренном улучшении системы образования, но и преобразовании всех других сфер социальной и духовной жизни, определяющих качество рабочей силы, как важнейшего компонента экономического роста. Сейчас же их состояние желает лучшего, хотя безусловно за период Республики имели место позитивные перемены.

Практически по всем показателям накопленного человеческого и интеллектуального капитала Турция не выдерживает сравнений с развитыми странами. Взять хотя бы образование и подготовку рабочей силы: по всем параметрам, таким, как качество и продолжительность обучения, охват отдельными ступенями видами соответствующих возрастных групп молодежи, в особенности женщин, Турция сильно отстает от уровня и требований, существующих не только в развитых, но и новых индустриальных странах. По охвату образованием населения она занимает сорок третью позицию среди стран мира. Средняя продолжительность обучения, рассматриваемая в настоящее время как важнейшая составляющая человеческого капитала, для лиц старше 25 лет, в Турции колеблется от 3 до 5 лет, что является низким показателем.

Для Южной Кореи этот показатель достиг к середине 90-х гг. 11–12 лет — почти все фабричные рабочие здесь являются выпускниками лицеев²². В турецкой же промышленности по-прежнему преобладает малообразованная и неквалифицированная рабочая сила. По мнению турецких экономистов, это является результатом того, что государство не уделяет должного внимания поддержке системы образования — бюджетное финансирование этой системы недостаточно ни для текущих затрат на содержание персонала (учителя школы и преподаватели вузов входят в число наиболее низкооплачиваемых категорий турецких трудящихся), ни для капиталовложений в строительство и ремонт учебных заведений, оснащение их оборудованием и т. д. Кроме того выполнению школой ее функций, связанных с экономическим ростом и модернизацией, по-прежнему препятствует сословное и имущественное неравенство, национальная и политическая дискриминация, а в последние десятилетия — усиливающаяся исламизация, наносящая ущерб как общей, так и профессиональной подготовке.

Отказ турецкого государства от части своих экономических функций, в первую очередь производственных, не сопровождается усилением его социальной роли, что предполагалось и конституцией 1982 г. и неоднократно повторялось в правительственные программах²³ и текстах пятилетних планов. Для превращения турецкого государства в «социальное государство», в ведущую силу культурного, духовного и научного прогресса необходимы многие условия, среди которых одно из главных мест должно занять изменение характера бюджетных ассигнований. Но, как видно из приводимых ниже данных таблицы 2, в первой половине 90-х гг. положение в этой области менялось в противоположном направлении. Львиная доля средств консолидированного бюджета Турции продолжала тратиться непроизводительно: на обслуживание внутреннего и внешнего долга, содержание госаппарата и убыточного госсектора, модернизацию вооруженных сил и сил безопасности (только на борьбу с курдскими повстанцами уходило от 4 до 5 млрд. долл. ежегодно) и т. п. цели. В то же время доля средств, выделяемых на образование, здравоохранение, социально-экономические нужды, сокращалась.

Таблица 2
Основные статьи консолидированного бюджета
Турции в 90-е гг., %

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г. (оценка)
Управление	19,0	24,3	20,1	24,0	26,1
Оборона и безопасность	18,4	17,3	18,8	15,4	15,3
Образование	18,8	17,3	19,7	16,5	14,9
Здравоохранение	4,7	4,0	4,0	3,9	3,7
Социальное обслуживание	1,1	0,9	0,9	0,9	0,6
Экономика	16,4	17,3	18,8	14,6	12,0
Процентные платежи по долгу	20,4	18,2	17,9	23,7	26,6

Источник: TOBB. Ekonomik Rapor 1994. Ankara, 1995, s. 58.

Хотя республиканская Турция смогла решить многие проблемы ускорения и качественного преобразования своего

экономического роста, ее пример свидетельствует, как не прост путь экономической модернизации в условиях исламской страны даже при наличии светского государства, ориентированного на европеизацию и достижения развитых стран. Само государство, сыгравшее решающую роль в процессе экономического переустройства Турции, с трудом избавляется от традиционных подходов и функций, неприемлемых в новых условиях.

Тем не менее, внутреннее развитие, уже в своей большей части втянутое в русло рыночного, частнокапиталистического хозяйствования, так же как и включение Турции в международную систему, ее все более тесная интеграция с Европейским Союзом, развитие сотрудничества со странами региона Ближнего и Среднего Востока и СНГ, ее выдвижение на роль одного из главных посредников торгово-экономического сотрудничества между Востоком и Западом будут стимулировать и подталкивать ее к дальнейшему углублению экономической модернизации и преодолению трудностей, стоящих на этом пути.

Примечания

¹ Процитируем и дальнейший ход рассуждений Н. А. Иванова, с которым, по нашему мнению, трудно не согласиться. «На Востоке его (капиталистический способ производства — Е. У.) не было не потому, что люди были глупее или менее образованы, а потому, что они полагались на другую форму организации общества, несовместимую с капитализмом» («Восток», 1991, № 3, с. 18). Применительно к Турции — в этом одно из объяснений широкого распространения (вопреки запретам и суровым преследованиям за коммунистическую пропаганду) марксистского учения, а в последнее время — возрастающей популярности исламистов, которые следующим образом высказываются о платформе ведущих правых политических партий — ПО и ПВП: «они имитируют Запад, они губят страну» («Milliyet», 1995, 27.07).

² Подробнее см.: Киреев Н. Г. История эстатизма в Турции. М., 1991.

³ Например, доля импорта в ВВП Турции в среднем за период 1933—1939 гг. сократилась до 6,5% против 15% в 1923—1928 гг. Привлечение внешних кредитов и капиталов для сооружения народохозяйственных объектов носило единичный характер.

⁴ Подробнее см.: работы П. П. Моисеева, опубликованные в 80-е—90-е гг.

⁵ Согласно официальным данным, численность турецкой армии в 1986 г. составляла 824 тыс. человек («Milliyet», 1988, 22.0).

⁶ Повысить норму накопления до 30% намечалось в период VI пятилетнего плана (1990—1994), но осуществить Турции это, как показывают приводимые данные, не удалось.

Норма накопления (% ВВП)	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Намечено (в ценах 1988 г.)	26,7	27,8	28,9	29,9	30,7
Выполнение (—) — 1994 г.)	24,3	22,8	22,8	22,9	23,0

⁷ Milliyet, 1994, 11.04.

⁸ В исследовании «Хэритецт фаундейшн» страны подразделяются на 5 категорий: свободные, преимущественно свободные, преимущественно несвободные, угнетенные, не квалифицируемые. Наряду с отмеченными отрицательными баллами Турции были поставлены хорошие оценки по показателям протекционизма (средний уровень таможенных пошлин — 5%), государственного потребления — 19,4% ВВП, — низким барьерам для иностранных частных инвестиций, высоком — по уровню защиты частной собственности и некоторым другим («Turkish Probe», 1995, 22.12, с. 8).

⁹ Cem I. «Geçis dönemi» Türkiyesi. Istanbul, 1984, с. 87.

¹⁰ Recent Development in Turkish Economy. Ankara, 1995, с. 38.

¹¹ Cumhuriyet, 1996.23.02.

¹² Is Bankasi Ekonomik Rapor 1996. Ankara, 1997, с. 8.

¹³ Recent Developments..., с. 33.

¹⁴ Согласно данным исследования, проведенного Центральным банком Турции среди 9566 частных и 143 государственных фирм по результатам их деятельности в 1991—1993 г., наибольшая прибыльность, превышавшая средний уровень, была отмечена в обрабатывающей промышленности — в среднем 29,7% у 3983 частных фирм — в строительстве средняя прибыль в 1993 г. у 1522 фирм составляла 20,6%, в сфере перевозок, складирования и связи — 7,4% в среднем для 450 фирм. Все обследованные государственные фирмы, действовавшие преимущественно в сфере общественных и социальных услуг, добыче минерального сырья (кроме энергоносителей) были убыточными в течение всех трех лет («Ekonomik Forum», А., 1995, № 3, с. 4—5).

¹⁵ В течение 5 лет переходного периода — 1996—2000 гг. (членства в Таможенном союзе ЕС) Турции должно быть предоставлено около 3 млрд. долл. льготных кредитов из бюджетных фондов Союза, ЕИБ и других источников. Эти средства предполагается расходовать на технологическое обновление и укрепление машинного парка мелких и средних предприятий, составляющих 90% всех предприятий турецкой экономики, на которых занято 70% экономически активного населения страны. Ожидается, что это поможет мелким и средним предприятиям, особенно тем, которые в последние годы смогли включиться в «баульную торговлю» и сделать определенные финансовые накопления, поднять качество и конкурентоспособность своей продукции.

¹⁶ Dünuya, 1995, 07.06.

¹⁷ Petrol Is. Yearbook for 1995. Istanbul. 1995, с. 711.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Istanbul Ticaret, 1995.06.10.

²⁰ Petrol Is. Yearbook for 1995, с. 711.

²¹ Iktisat Dergisi, 1995, ocak, № 335, с. 33.

²² Petrol Is. Yearbook for 1991. Istanbul, 1992.

²³ В программе коалиционного правительства, зачитанной 30 июня 1993 г. премьер-министром Т. Чиллер в турецком парламенте, в частности, говорилось: «Одной из основных целей нашего правительства является претворение в жизнь принципа «социального государства», который заложен в статью вторую конституции» (цитируется по: Turkish Review, 1993, № 31, с. 102).

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Модернизация — общественный процесс, характерный в той или иной степени для всех стран мира, на всех этапах и стадиях их поступательного исторического развития, будь то принятие Великой хартии вольностей в Англии в 1215 г., проведение петровских реформ в России в первой четверти XVIII в. или, наконец, провозглашение реформ Танзимата в сельской Турции в 1839 г.¹ Но особенно актуально данное явление для развивающихся государств, совершающих на наших глазах переход от аграрной цивилизации к индустриальной.

Экономическая модернизация, как правило, составляет неотъемлемую и важнейшую часть данного общественно-исторического процесса. В ряде случаев именно экономические реформы предваряют и определяют глубину и характер перемен в той или иной стране. Вместе с тем совершенно очевидно, что одной экономической модернизацией не может ограничиваться ни одна страна.

Как известно, в марксистской науке теме реформ и модернизации вообще всегда уделялось сознательно малое, строго дозированное внимание и проявлялось явно негативное отношение. Ведь согласно марксистским постулатам, все страны и народы мира в конечном итоге якобы неизбежно придут к коммунизму. Поэтому проблема модернизации могла интересовать «истинных» марксистов лишь с точки зрения формирования условий и предпосылок, необходимых для совершения пролетариатом социального переворота и установления своей диктатуры. Если же модернизация могла улучшить положение в той или иной стране и тем самым существенно ослабить остроту социально-политической ситуации, то «подлинный революционер» обязан был решительно отмежеваться

от подобной модернизации. Достаточно вспомнить отношение В. И. Ленина к столыпинской аграрной реформе.

В 1908 г., т. е. в разгар столыпинских реформ в России, В. И. Ленин писал: «Что, если не отря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «пруссского» пути? Тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным...» В сложившихся условиях, продолжает он, «добропорядочные марксисты прямо и открыто выкинут всякую аграрную программу»².

Разумеется, если бы П. А. Столыпину не помешали (справа и слева) реформировать систему земельной собственности в России, то большевики лишились бы всякой социальной опоры в деревне.

В Турции, начиная с далеких султанских времен, модернизация осуществлялась, как известно, под лозунгом «вестернизации», то есть приобщения народа и страны к политическим, экономическим, культурным ценностям западной цивилизации. В годы республики курс на восприятие западного образа жизни приобрел строго целенаправленный и, можно сказать, необратимый характер.

Следует подчеркнуть, что переход Турции в начале XX в. от феодально-феодального, султанского режима к буржуазной республике — первой на всем Ближнем и Среднем Востоке — представлял собой качественный скачок в политической модернизации страны, создавший фундаментальные предпосылки для всесторонней модернизации. Хотя по ряду причин (субъективных и объективных) в 1923—1945 гг. в стране был установлен однопартийный, фактически авторитарный режим, это не помешало проведению ряда важных преобразований в сфере экономики, культуры, быта. Этому всячески способствовали pragматические установки кемалистов по многим вопросам жизни общества, являющиеся вплоть до наших дней официальной государственной идеологией.

Для успеха модернизации в республиканской Турции огромное значение имел провозглашенный в конституции священный принцип частной собственности, включая собственность на землю. Ныне общепризнано, что давно утвердившийся на Западе институт частной собственности послужил важнейшим моментом создания там правового государства и постепенного формирования основных элементов граждан-

ского общества (политических и профессиональных организаций, независимой от власти средств массовой информации и т. д. Наоборот, длительная консервация в странах Востока, включая Османскую империю, государственных форм собственности, в первую очередь, на землю, стала — на определенном этапе — источником политического деспотизма и экономической неразвитости.

Принятый в республиканской Турции в 1926 г. гражданский кодекс (при составлении его за основу был взят швейцарский вариант), впервые провозгласил незыблемость права частной собственности и явился основой для формирования в перспективе основных атрибутов гражданского общества.

Существует спорная, по нашему мнению, точка зрения, что модернизация, осуществлявшаяся в Турции в годы республики, была как бы естественным продолжением султанских реформ³. На самом деле султанские реформаторы на протяжении двух-трех столетий, начиная с середины XVII в., пытались решить задачу спасения от распада многонациональной, лоскутной империи и продолжения тем самым господства правящего класса над порабощенными народами Балкан, Ближнего и Среднего Востока. Между тем в республиканский период перед Кемалем Ататюркком и его единомышленниками история поставила задачу не покорять другие народы, а предотвратить угрозу существования самого турецкого народа и государства.

Как правило, модернизация — это ответ государственной власти на возникшую в данном социуме потребность решения проблем, давно назревших под влиянием либо господствующих в данном обществе настроений, либо же прямых требований народа. И тут мы подходим к трехвариантной — по результатам — роли государственной власти в процессах модернизации: позитивной, негативной, нейтральной.

Турецкая Республика в первые же годы ее существования провозгласила основополагающую стратегию «догоняющего развития», т. е. неуклонного движения страны вперед с целью достижения уровня развития стран Запада в возможно короткие сроки. Однако в ходе выработки тактических методов и приемов реализации вышеуказанной стратегии на отдельных этапах наблюдалась некорректная оценка имевшихся в стране возможностей и предпосылок для запрограммированного рывка вперед. Так, в первое десятилетие республики была предпринята, как известно, явно несостоятельная попытка использования в Турции, без учета ее специфики, «классиче-

ской» западной модели экономического роста, предусматривавшей приоритет частной инициативы во всех отраслях и сферах народного хозяйства. Напомним, что панегирик свободному предпринимательству западного образца прозвучал из уст Ататюрка в феврале 1923 г. на Измирском экономическом конгрессе, т. е. еще до провозглашения республики⁴. Жизнь показала ошибочность варианта модернизации, избранного турецкими властями на том этапе. Попутно отметим, что другие освободившиеся после второй мировой войны государства также не избежали подобной ошибки, попытавшись взять на вооружение западную экономическую модель⁵. Однако все они, как и Турция, вынуждены были в конечном итоге обратиться к поискам собственных стратегий модернизации.

Принятие Турцией, а затем и многими развивающимися странами идеи государственного предпринимательства как метода форсированного становления товарно-рыночного хозяйства, было свидетельством позитивной роли государства в процессе модернизации. Отметим, что курс оторы на государственное предпринимательство повсеместно диктовался не идеологическими принципами правящих партий, а был предопределен объективными условиями.

В частности, проводившаяся в 1933—1950 гг. в целом плодотворная политика и практика кемалистского эстатизма позволила заложить первые камни в фундамент национального воспроизводственного механизма⁶. Следует отметить, что эта модель осуществлялась практически полностью за счет внутренних источников накопления (иностранные займы и кредиты были совершенно незначительными).

В 50-х гг. в период правления Демократической партии (ДП) был предпринят, на первый взгляд, смелый эксперимент по переводу национальной экономики с эстатистских рельс на рыночные. Однако по объективным причинам сделать это в тех условиях оказалось совершенно невозможно. Слабый частный турецкий капитал не был еще готов единолично решать задачу ускоренного социально-экономического развития. Поэтому правительство оказалось вынужденным продолжать активно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны⁷. Иначе говоря, экономические реалии оказалась намного сильнее провозглашенных лозунгов. На этом основании стратегия 50-х годов получила наименование «либеральный эстатизм».

Лишь три десятилетия спустя, в течение которых осуществлялась модель «смешанной экономики» (имеется в виду сосу-

ществование и взаимодействие государственного и частного секторов хозяйства) или «планового развития» (составление и реализация пятилетних программ), после создания к концу 70-х годов с помощью государственно-капиталистического уклада основ национального механизма производства и воспроизводства стало возможным реально поставить на повестку дня вопрос о переходе от административных, нерыночных форм регулирования к форсированной поддержке частной инициативы⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что за годы республики в Турции были опробованы следующие модели модернизации: а) курс либерализации народного хозяйства 20-х годов; б) плодотворная политика и практика этатизма 30—40-х годов; в) «либеральный этатизм» 50-х годов; г) концепция «смешанной экономики», проводившаяся в течение 60—70-х годов и позволившая совершить значительный рывок вперед, но тем не менее не избавившая страну от политических и экономических потрясений конца 70-х — начала 80-х годов; д) совершенно новая модель модернизации, начавшаяся с принятием в 1980 г. так называемого пакета мер экономической стабилизации⁹.

Совершенно очевидно, что с наступлением последнего, пятого, этапа речь идет уже не просто о замене одной модели другой, а о принятии новой идеологии развития. Поэтому все перечисленные этапы — с позиций сегодняшнего дня — должны быть разбиты на два принципиально разных периода: первый период, хронологически охватывающий свыше полувека экономической истории Турецкой Республики (20-е — 70-е годы), характеризуется созданием «закрытой» экономики при постоянной и прочной опоре на государство, которое компенсировало слабость национального частного капитала и стимулировало его экономическую активность; второй период, стартовавший в 1980 г., примечателен тем, что модель «догоняющего» развития на базе импортзамещения и экономической автаркии сменилась в итоге проведенных в 1980—1984 гг. радикальных реформ системой растущих взаимоотношений с мировым рынком на основе экспорт-ориентированной промышленности. Поэтому, если для первого периода было характерно государственное, командно-административное регулирование, то для второго — товарно-рыночное, с сохранением многих элементов государственного регулирования.

Из всего высказанного также очевидно, что смена в той или иной стране моделей модернизации не есть результат субъективной воли и желания отдельных политических деятелей, будь то А. Мендерес, С. Демирель или Т. Озал, партий или даже государственных органов. На самом деле это продукт эволюции национального капитализма и поступательного движения его от одной стадии к другой.

На динамику экономической модернизации освободившихся стран, наряду с внутренними факторами, безусловно, воздействовали и господствовавшие на Западе теоретические доктрины. Напомним, что до мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. решающее значение имели классические идеи либерализма, т. е. саморегулирующегося рынка; затем на смену им пришла кейноанская концепция приоритета экономической роли институциональных структур; наконец, два десятилетия назад на Западе утвердились монетаристские и неоклассические (антикейноанские) теории, предусматривающие укрепление рынка как доминирующей экономической силы. Лондонская газета «Файнэншл Таймс» в конце 1993 г. писала: «Никогда за последние 2000 лет идеи свободного рынка не распространялись по миру столь широко. Коммунизм похоронен, социализм в глубокой оборофе, и даже самые надежные опоры социал-демократии расшатывает сомнение»¹⁰.

Обратимся теперь к проблеме неизбежности, или, точнее, допустимости социальных издержек в ходе осуществления процесса модернизации. По общему правилу, национальные интересы государственной власти и социальные интересы основных слоев и групп населения должны неизменно совпадать. На этом основании марксистская наука требовала от своих адептов при оценке результатов проведенной модернизации обращать первоочередное, решающее значение на социальные последствия данного общественного явления. Классический пример в данном отношении показал В. И. Ленин, с порога отвергавший любые реформы в царской России из-за негативных, по его словам, социальных последствий.

Советские ученые при оценке событий в несоциалистическом мире обязаны были беспрекословно подчиняться всем марксистским постулатам¹¹. Поэтому, анализируя, например, «пакет мер экономической стабилизации 1980 г.» в Турции исследователь обязан был говорить прежде всего и больше всего о негативных последствиях, вызванных реформой: росте безработицы, снижении уровня жизни трудящихся, инфляции

и т. д. И на самом деле все это имело место. Хотя в Турции скачок к рынку не стал синонимом атаки на материальное благосостояние и социальные права народа, как это происходит на наших глазах в постсоветской России и других странах СНГ, однако и в рассматриваемой нами стране очередной виток модернизации потребовал определенных жертв от основных масс населения¹². Но это было необходимо, хотя и горькое «лекарство», позволившее стране добиться значительных успехов в сферах экономики, политики, культуры.

Итак, хотя экономическая модернизация является не самоцелью, а лишь средством решения назревших социальных проблем, на определенном этапе возможно заметное несоответствие между поставленными целями и достигнутыми результатами. Но подобное несоответствие не может приобрести характера закономерности, как это имело место в Советском Союзе.

В этой связи коснемся теории К. Маркса об абсолютном и относительном обнищании. Жизнь убедительно показала и доказала, что при общественной системе, основанной на законах рынка, по мере прогресса производительных сил происходит не разрушение, размывание средних слоев общества, как это безапелляционно предсказывала марксистская наука, а, наоборот, консолидация этих слоев, как основы экономического благополучия и политической стабильности данного социума.

Вместе с тем ошибочно полагать, что фундаментальная догма об обнищании была списана Марксом с кончика пера. На самом деле она была сформулирована на базе анализа социально-экономических реалий Запада по состоянию на середину прошлого века, т. е. на этапе капитализма, не прошедшего полностью промышленную и тем более — научно-техническую революцию. На нынешней стадии, стадии постиндустриальной цивилизации, тенденция, отмеченная Марксом, перестала действовать. Ныне основную массу населения развитого Запада составляют не обездоленные, обнищавшие массы рабочего люда, как предсказывал Маркс, а так называемый «средний класс», включающий различные слои города и деревни. Полагают, что в странах Западной Европы и США «средний класс» насчитывает 55—60% всех жителей. Доля лиц, живущих только за счет продажи своей рабочей силы (рабочие и служащие), не превышает там одной трети всего населения.

Говоря о возвышении среднего класса на Западе, нельзя однако не заметить, что в большинстве развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки продолжает действовать характерная для раннего капитализма тенденция роста неимущих социальных слоев, маргиналов, люмпенов и пауперов. Эта тенденция в полной силе проявляется себя в современных условиях нецивилизованных форм первоначального накопления в странах СНГ. Не прекращено ее действие и в новых индустриальных странах: формирование среднего класса идет там замедленными темпами.

В Турции, в частности, средние слои охватывают ныне лишь около трети всего населения, или в 2 раза меньше, чем на Западе. В деревне же под влиянием проводящегося с начала 80-х годов курса на ускоренное формирование рыночного хозяйства имеет место дальнейшее вытеснение значительных масс производственных единиц аграрного сектора: после 1980 г. вытеснено около 500 тыс. ферм¹³. Но поскольку турецкий капитализм — это индивидуальное проявление всеобщности указанного способа производства, то с преодолением существующей аномальной ситуации, вызванной недоразвитостью, следует ожидать возвышение среднего класса и в турецком социуме.

Очень значительны и весьма поучительны достижения турецких властей в модернизации системы земельных отношений, проводившейся шаг за шагом в течение всех семи десятилетий существования республики. Как известно, новая Турция получила в наследство от султанских времен исключительно порочную систему аграрных отношений, характерную, впрочем, и для других развивающихся государств. Дело в том, что основные массивы обрабатываемых земель оказались под контролем крупных феодалов, которые извлекали выгоду из контролируемых ими угодий посредством сдачи их мелкими участками в аренду безземельным и малоземельным крестьянам, составлявшим основную массу сельского населения. При этом повсеместно (на Ближнем и Среднем Востоке, Южной и Юго-Восточной Азии) господствующей была натуральная издольная аренда, при которой созданный непосредственно производителем-крестьянином продукт делился между ними и собственником земли в различных пропорциях¹⁴. Как и в других странах Востока, доля собственника доходила в Турции до 50—60 и более процентов. В подобных условиях крестьянин-издольщик был лишен стимула для повышения производительности своего труда.

Государство понимало необходимость срочного реформирования столь отсталой системы аграрных отношений, препятствовавшей прогрессу не только сельского хозяйства, но и экономики страны в целом. Однако сопротивление феодально-помещичьего класса долгое время не позволяло приступить к реализации давно назревших аграрных преобразований. Лишь после второй мировой войны турецкий меджлис (парламент) смог принять закон, предусматривающий существенную модернизацию системы землевладения и землепользования путем медленного и очень извешенного перераспределения земельных ресурсов страны между различными категориями деревенского социума.

Закон устанавливал максимум частного землевладения и предусматривал отчуждение за выкуп земельных излишков сверх максимума, которые передавались в собственность крестьянам, нуждающимся в земле. Кроме того подлежали секвестру и передаче в фонд реформы все земли, которые собственники сдавали в аренду¹⁵.

Но провозглашенная в июне 1945 г. и фактически начатая в 1947 г. аграрная реформа по ряду причин проводилась очень медленно и не решила главных проблем развития сельскохозяйственного производства. Поэтому после очередного вмешательства турецкой армии в политическую жизнь страны (март 1971 г.) было принято решение о необходимости продолжения земельных преобразований в стране. Новый законодательный акт, принятый в июне 1973 г., предусматривал, как сказано в законе, «восстановление социальной справедливости путем перераспределения земельной собственности, совершенствования форм ее использования, методов обработки земли и улучшения качества продукции»¹⁶. Как и ранее, в фонд земельной реформы передавались неиспользуемые государственные и общинные угодия, а также владения частных лиц, превышающие установленный данным законом максимум¹⁷.

В 1984 г. на смену аннулированному в 1976 г. Конституционным судом «Закону о земельной и сельскохозяйственной реформе 1973 г.» турецким парламентом был принят новый, третий по счету, вариант закона об аграрной реформе — «Закон № 3083 о сельскохозяйственной реформе в зонах орошаемого земледелия»¹⁸.

Не вдаваясь в анализ деталей всех этих законодательных актов, отметим лишь, что ни один из них не предусматривал быстрых и решительных действий по изъятию земель у одних

лиц и социальных слоев и передаче ее другим. Так, в принципе допускался секвестр земель сверх максимума. Однако площади под многолетними насаждениями (сады, виноградники, оливковые и цитрусовые рощи и т. д.) и земли «образцовых» хозяйств, т. е. современные высокотоварные фермы, исключались из-под действия положений о «потолке» частного землевладения и сохранялись за собственником в разме-рах, которые десятикратно превышали норму крестьянского надела в данном районе. Кроме того правительству было дано право увеличивать в случае необходимости размер неотчуждаемых земель.

Далее, хотя законы требовали обязательного секвестра земель, сдаваемых собственником в аренду, особенно изольную, но хозяин в любом случае получал определенный срок, в течение которого он должен был организовать на своей земле образцовую ферму, дабы удержать за собой все угодия.

Иначе говоря, принятые турецкими законодателями в 1945, 1973, 1984 годах законы об аграрной реформе предусматривали не само отчуждение, а лишь угрозу отчуждения тех земель, которые используются собственником нерационально.

Советские ученые, обязанные руководствоваться во всем постулатами строго классового подхода, естественно, четко и однозначно и только со знаком минус оценили все эти усилия турецких «буржуазных» властей по модернизации аграрного строя страны, предрекая им полнейший провал. На самом же деле предложенная властями практика осмотрительного и строгозвешенного подхода к переделу собственности принесла впечатляющие положительные результаты.

Так, если в 1945 г. — в год принятия первого земельного закона — феодальная изольщина была основной формой землепользования для большинства крестьян, то в последующие десятилетия ситуация изменилась, можно сказать, коренным образом: уже к 1963 г. хозяйства арендаторов составляли лишь 30% всех производственных единиц деревни, и они охватывали только 16% всех обрабатываемых площадей¹⁹. По переписи 1991 г. удельный вес хозяйств арендаторов снизился до 7,4%, или почти в четыре раза, а доля арендуемых земель упала до 10,7%²⁰.

Следовательно, в настоящее время свыше 92% производственных единиц основано уже на собственной земле, а доля сдаваемых в аренду площадей едва превышает десятую часть

всего обрабатываемого фонда страны. При этом ушла, можно сказать, в область истории докапиталистическая система натуральной издольной аренды, длительное время являвшаяся раковой опухолью на социально-экономическом организме турецкой деревни: в 1991 г. было выявлено лишь 13,4 тыс. хозяйств издольщиков (0,3% общего числа сельских дворов)²¹

Далее. В результате естественной эволюции, подталкивающей и направляемой политикой властей, была осуществлена заметная децентрализация крупной земельной собственности в пользу мелкого и среднего землевладения и в ущерб крупному. Хотя в ходе реформ не происходило, как отмечалось выше, эффективное перераспределение частных земель, но в условиях усилившегося после государственного переворота 1960 г. накала страстей по поводу радикализации аграрного законодательства, широкого обсуждения данной темы в прессе и парламенте (в 60—70-е годы было разработано и представлено в парламент свыше десятка законопроектов земельной реформы) крупные землевладельцы стремились осуществить децентрализацию (реальную или фиктивную) земельной собственности. Статистика свидетельствует, что абсолютные показатели крупного землевладения и его доля во всем земельном фонде страны постепенно снижалась: в 1952 г. собственникам 50 га и более принадлежало 8,4 млн. га (43% всех частных владений), в 1963 г. — 7,7 млн. га (31%), в 1980 г. — 6,8 млн. га (27%), и, наконец, в 1991 г. — 4,3 млн. га (17%).²²

В итоге децентрализации крупной собственности укрепилась экономическая база мелкотоварного уклада. Земельный фонд этого уклада расширялся прежде всего за счет государственных угодий. Не отчуждение частных земель, а освоение новых, пригодных для обработки государственных угодий и передача их нуждающимся крестьянам — такова специфическая черта земельного передела в Турции. Нами подсчитано, что за 70 лет республики около одного миллиона крестьянских семей получили из государственного фонда в собственность более 5 млн. га вновь освоенных площадей, что, естественно, укрепило материальное положение средних слоев («среднего класса») турецкой деревни.

Важно отметить, что крестьянство и деревни вообще никогда не подвергались в Турции беспощадному разорению и варварской эксплуатации со стороны государства, как это происходило в Советском Союзе, а всегда оставались бастионами стабильности и благополучия страны. «Деревня — ба-

зовая ячейка турецкой экономики, социальной и политической структуры»²³, — говорится в программе одной политической партии.

При рассмотрении взаимодействия промышленности и сельского хозяйства обнаруживается, что эти отрасли экономики Турции никогда не развивались одна за счет другой, как это происходило в СССР; там деревня была придатком города. Попытки турецких властей осуществить в 30-е годы некоторый перелив средств из деревни в город с целью индустриализации страны были кратковременными.

Более того, пришедшая в 1950 г. к власти ДП, руководствуясь принципом экономической целесообразности, перенесла главный акцент в своей хозяйственной политике на первоочередное развитие аграрного сектора. Именно в этот период были четко сформулированы основные идеи и определены пути и методы государственного регулирования сельского хозяйства, способствовавшие подъему данной отрасли. Конкретно, эти методы предусматривали контроль цен на продукцию земледелия и животноводства, регулярные закупки государством указанной продукции по гарантированным ценам, основание и укрепление сельских кредитных учреждений и служб, снабжение крестьян-производителей на льготных условиях машинами, удобрениями, ядохимикатами, пропаганду агротехнических знаний и т. п.²⁴ Все это привело к интенсификации сельскохозяйственного производства²⁵.

Нет нужды доказывать, что вмешательство государства в агросферу и экономику вообще имеет определенные границы, переходя которые, оно перестает быть созидающей силой и превращается в разрушительный диктат, как это имело место в странах тотального централизованного планирования. Но и в странах рыночного хозяйства, в Турции, в частности, при проведении аграрных мероприятий отдавалось предпочтение политическим мотивам в погоне правящих партий за голосами сельских жителей, все еще составляющих в Турции основной избирательный округ.

В целом аграрная политика турецкого правительства на всех этапах (исключая годы второй мировой войны) была динамичной и созидающей. Поэтому на протяжении всего периода экономического роста наблюдались позитивные сдвиги в аграрной сфере, что находило выражение в медленном, но неуклонном наращивании посевных площадей, повышении урожайности, многократном увеличении сбора продовольственных и технических культур. Так, за 70 лет республики

лики обрабатываемые земли (пашня, пар, сады и огороды) выросли с 12 млн. га (16% всей территории страны) в 1935 г. до 28 млн. га (36%) в настоящее время, или в 2,3 раза, в 5—6 раз поднялось производство многих видов земледельческой продукции. Зерна, например, ныне собирается в 5—6 раз больше, чем в первое десятилетие республики (около 30 млн. т в 20-е годы).

На сегодняшний день Турция относится к числу немногих развивающихся государств мира, где в основном решена проблема продовольственного обеспечения населения, разумеется в границах платежеспособного спроса. И вообще все вышесказанное не должно создавать идиллической картины в турецкой деревне. Ведь наряду с современным сектором производства там продолжают существовать традиционные, архаичные формы хозяйствования, охватывающие до 1,5 млн. мельчайших производственных единиц (свыше $\frac{1}{3}$ всех хозяйств), неспособные обеспечить владельцу и его семье минимум жизненных средств.

В Турции, по сравнению с высокоразвитыми странами, все еще высока доля аграрного сектора в таких показателях макроэкономики, как источники национального дохода, занятость самодеятельного населения и др.

Зафиксируем теперь внимание на вопросе соответствия принципа частной собственности на землю и недопущения ее захвата спекулятивными элементами с целью использования не по прямому назначению. Отметим, что в текст турецкой конституции, принятой в 1924 г., был включен давно утвердившийся на Западе священный принцип частной собственности. «Никто не может насильно лишаться своего имущества в порядке отчуждения»²⁶, — гласит одна из статей основного закона. Однако в 1937 г. с целью создания юридической базы для земельной реформы в вышеуказанную статью было внесено следующее важное дополнение: «Отчуждение земельных площадей и лесных угодий, осуществляемых с целью наделения крестьян землей и национализации лесов, а также определение стоимости земли и лесов и условия оплаты этой стоимости регулируются особыми законами»²⁷.

Конституция 1961 г., принятая после государственного переворота 1960 г., и являющаяся, по всеобщему мнению, более демократичной, еще более четко и определенно не исключала возможности секвестра частных земель в интересах общества.

Столь же крупные изъятия из принципа частной собственности содержит и ныне действующая, третья по счету, кон-

ституция, принятая в 1982 г. Данный основной закон вмениает в обязанности государственной власти обеспечить наиболее рациональное использование земельных угодий страны и не допустить «использования земель, лугов и пастбищ не по прямому назначению и приведения их в непригодное состояние» (ст. 45). Для достижения поставленных целей власти обязаны принимать «необходимые меры по защите и развитию производительной обработки земли, по предотвращению потерь земли вследствие эрозии и в целях обеспечения землей безземельных или малоземельных крестьян, занимающихся земледелием» (ст. 44). При этом специально оговаривается, что земельная реформа «не может приводить к сокращению производства, уменьшению лесных площадей и сокращению других наземных и подземных богатств»²⁸.

Также на конституционном уровне определяются все мельчайшие детали обращения с землями, полученными крестьянами по реформе. В частности, с целью недопущения парцелляции и чересполосицы эти земли «не могут делиться на меньшие части, передаваться тем, на кого не распространяются положения о наследстве, и могут обрабатываться только крестьянами, среди которых они распределяются, и их наследниками»²⁹.

Заслуживает внимания и то, что земельные угодья в Турции четко делятся на две юридические категории: а) земли сельскохозяйственного использования (паия, пар, сады и огороды, леса, луга и пастбища); б) земли несельскохозяйственного назначения (застроенные и незастроенные участки в городах, дороги, массивы под промышленными предприятиями). Перевод земель первой категории во вторую категорически запрещен. Иностранцы лишены возможности приобретать в собственность земли сельскохозяйственного назначения, но могут инвестировать капитал в предприятия агропромышленного комплекса, создаваемые совместно с местными предпринимателями.

Опыт аграрного развития Турции и других стран рыночного хозяйства свидетельствует, что семейная ферма, тесно интегрированная в национальный воспроизводственный механизм с помощью государства и кооперации обслуживания, повсеместно доказывает свое полное превосходство над колективными производственными единицами типа госхозов (совхозов) и колхозов, избранными в качестве эталона аграрного развития в Советском Союзе.

Частная собственность на землю — это один из важнейших элементов демократии, важнейшее условие общественного прогресса. Вместе с тем права собственника на земельные ресурсы не могут быть безграничными и повсеместно ставятся под контроль общества в лице государственной власти. Мы показали это на примере Турции.

При изучении процесса модернизации важное самостоятельное значение приобретает вопрос о роли армии в данном процессе. Так, в Турции на всех этапах султаната и республики армия была непременным участником политической жизни страны³⁰. Велика ее роль в годы республики: сначала, в 20—30-е годы, армия выступала за кулисами как защитник основных институтов и принципов молодой республики (республиканизм, национализм, народность, этатизм, лаицизм и революционность) от посягательств консервативных феодально-клерикальных кругов, а затем, после второй мировой войны, когда стартовал процесс испытания турецкого общества демократией, совершенно к тому не подготовленного, армия оказалась вынужденной принять непосредственное участие в процессе демократизации страны. Как известно, это выразилось в том, что в течение лишь двух десятилетий ей пришлось трижды (в 1960, 1971 и 1980 гг.) на некоторое время брать в свои руки бразды управления страной³¹.

Отметим при этом, что военные перевороты в Турции, будучи формально юридически антиконституционными актами, фактически совершались для сохранения демократии и свободы граждан, для совершенствования условий функционирования товарно-рыночного механизма в стране³². По словам советского посла в Анкаре А. А. Родионова — очевидца событий, связанных с государственным переворотом 1980 г., военные, взяв власть в свои руки в условиях общего затяжного кризиса, «таким образом в критический момент сыграли стабилизирующую роль, подготовив почву для последующего ускоренного социально-экономического развития Турции»³³.

Столь же немаловажное значение имеет и проблема заимствования опыта модернизации одними странами у других. Проблема адаптационных возможностей турецкой модели развития приобрела особую актуальность после распада СССР. Общеизвестно, что лидеры новых тюркских государств Центральной Азии и Закавказья однозначно выразили намерение реализовать у себя турецкий вариант политической и социально-экономической модернизации. Однако очень скоро энтузиазм сильно постыл. Выяснилось, что адаптационные

возможности турецкой модели для постсоветских республик строго лимитированы. Ведь кроме желания сформировать институты гражданского общества, жить по законам демократически организованного социума, создать высокоорганизованное товарное производство и цивилизованный рынок необходиим минимум предпосылок и важнейших условий, причем не только объективного, но и субъективного характера.

Как правило, все знают, что надо делать для успеха модернизации, но непременно спотыкаются на том, как это надо делать. Другими словами, существует явное несоответствие между стратегией и тактикой социально-экономических преобразований. Американский экономист Дуглас Норт, обращаясь на одной международной конференции к представителям развивающихся государств, сказал: «Мы [западные экономисты] легко подскажем вам образ действий. Однако вам придется приобретать опыт самим и потратить на это немало времени»³⁴.

Каково же соотношение экономических предпосылок в Турции и новых республиках? Если для первой страны модернизация — это переход от слаборазвитого рынка к высокоразвитому, то для вторых путь начинается от командно-распорядительной, т. е. фактически от идеальной антирыночной системы. Напомним, что в Турции даже в самый пик эдатизма основная часть национального производственного потенциала оставалась в руках частного сектора. Так, по данным на 1970 г. государственный сектор аккумулировал лишь 12% экономически активного населения и произвел 15% ВНП. Главную роль в это время играли частный корпоративный уклад (28% занятых, 39% ВВП) и мелкотоварное производство (соответственно 60 и 46%). К 1995 г., четверть века спустя, все пропорции изменились в пользу крупного капитала — частного корпоративного сектора (36% всех занятых и свыше половины национального производства)³⁵.

В противовес этому страны СНГ, особенно центральноазиатские, все еще демонстрируют государственный монополизм во многих сферах производства и общественном развитии³⁶.

Еще более контрастная картина вырисовывается при сравнении Турции и стран СНГ в отношении условий их политического развития, т. е. усвоения основ демократии. После второй мировой войны, или 50 лет назад, Турция вступила на путь создания институтов гражданского общества (партий, профсоюзов, других общественных организаций), произошло

более или менее четкое размежевание функций ветвей власти — законодательной, исполнительной, судебной. Но и на сегодняшний день нет оснований говорить о полной зрелости турецкого демократического механизма и гарантий плюрализма³⁷.

Тем более трудна задача политического возрождения стран СНГ, совершающих тяжелейший переход от наихудших форм тоталитаризма к посткоммунистической демократии в условиях полного отсутствия традиций парламентаризма и плюрализма.

Подводя итоги, можно утверждать, что Турция завершает исторически поступательный процесс перехода от традиционных структур к современному товарно-рыночному механизму, от аграрной цивилизации к индустриальной. Однако это ни чуть не означает приостановки там процесса модернизации. Но отныне данный процесс будет совершаться на принципиальной иной основе, имея в виду поступательное движение страны от индустриальной цивилизации к постиндустриальной.

Разумеется, процесс модернизации — это не прямая дорога с односторонним движением. На этом пути возможны временные задержки, остановки, зигзаги и даже движение вспять. В середине текущего десятилетия подобная заминка имела место и в Турции. Так, на состоявшихся в декабре 1995 г. парламентских выборах наибольшее число турецких избирателей отдали свои голоса в пользу Партии благоденствия — партии исламских радикалов-фундаменталистов, провозглашающих во внешней политике неприязнь к Западу и ориентацию на мусульманский мир, а во внутренней политике — требующих построения исламского государства, т. е. слияния политики и религии и введение шариатских законов в повседневную жизнь.

На настроение турецких избирателей, в первую очередь, оказали влияние внутренние проблемы (инфляция, рост безработицы, дороговизна жизни), вызванные экономическим кризисом, начавшимся в 1994 г. Но немалую роль в формировании симпатий турецкого избирателя сыграли и связанные с Турцией события на международной арене: в 1995 г. Европейское Сообщество в очередной раз отказалось принять Турцию в свои ряды на правах полноправного члена. Такая позиция Запада вызвала в сознании турок подлинный шок. И турецкий избиратель, делая в ходе голосования крен в сторону исламизма, как бы выражал свое неодобрение Западу

за его неуважительное отношение к его родине, предпринявший столько усилий по пути «вестернизации».

Однако рост происламских тенденций в Турции — явление временное, конъюнктурное, и движение ее в сторону интегрирования в западную систему ценностей безусловно продолжится, так как светский характер турецкого государства уже имеет очень глубокие корни в политике, экономике, культуре.

Примечания

¹ О проблемах модернизации в Османской империи см.: Боджолян М. Г. Реформы 20—30-х гг. XIX века в Османской империи. Ереван, 1984; Дулина Н. А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984; Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М., 1947; Петросян Ю. А. Идеи «европеизации» в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени. — Туркологический сборник. 1976. М., 1978.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 32.

³ В одной отечественной публикации говорится: «Этатизм и возникшая на нем современная социально-экономическая система могут рассматриваться как продолжение исторических традиций сохранения традиционных для османского прошлого функций государства по регулированию экономической жизни общества». См.: Желтяков А. Д., Иванов С. М. Исторические корни политики этатизма в Турции (постановка проблемы). — Туркологический сборник. 1978. М., 1984, с. 113.

⁴ Okçup A. G. Türkiye İktisat Kongresi. 1923 — Izmir. Haberler. Belgeler. Yorumlar. Ankara, 1968.

⁵ В Индии, например, официальная стратегия развития в первые годы независимости во многом опиралась на западные экономические теории и исходила из относительного автоматизма преобразования докапиталистических форм производства в капиталистические по мере ускорения экономического роста. — См.: Традиционные структуры и экономический рост в Индии. М., 1984, с. 3.

⁶ См.: Капитализм в Турции. Социально-экономическое развитие в 50—80-х годах. М., 1987.

⁷ См.: Киреев Н. Г. История этатизма в Турции. М., 1991, с. 126—130.

⁸ Монсеев П. П. «Программа экономической стабилизации» 1980 г. в Турции. — Турция: история и современность. М., 1988, с. 211—221; Уразова Е. И. Экономика Турции: от этатизма к рынку. М., 1993, с. 3—5.

⁹ См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995, с. 447—448.

¹⁰ Financial Times. 20.12.1993.

¹¹ Большевники, ратуя за стерильность реформ в несоциалистическом мире, вместе с тем призывали своих граждан «ради счастья грядущих поколений» примириться с тяготами текущего момента и быть готовыми на любые жертвы.

¹² См.: Капитализм в Турции, с. 294—300.

¹³ См.: Монсеев П. П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994, с. 150.

¹⁴ Аграрный вопрос в Азии и Северной Африке. М., 1968.

¹⁵ Подробнее см.: Аграрные реформы в странах Востока. М., 1961, с. 200—218.

¹⁶ Toprak ve Tarım Reformu Kanunu. İstanbul. 1974, с. 11—12. Приведенный нами анализ данного закона см.: Политика и экономика современной Турции. М., 1977, с. 202—209.

¹⁷ Toprak ve Tarım..., с. 22—23.

¹⁸ Текст закона см.: T. C. Resmî Gazete. 01.12.1984.

¹⁹ Türkiye İstatistik Yıllığı (далее ТИY) 1964/65. Ankara. 1967, с. 241.

²⁰ ТИY. 1993, с. 354.

²¹ Там же.

²² ТИY. 1964/64, с. 241; 1983, Ankara, с. 227—229; 1993, с. 346—347

²³ Milliyetçi Çalışma Partisi Programı. Ankara, 1986. Цит. по: Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., 1991, с. 50.

²⁴ См.: Монсеев П. П. Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 146—152.

²⁵ О процессах интенсификации сельскохозяйственного производства подробнее см.: Турция: новые тенденции..., с. 99—120.

²⁶ Текст конституции 1924 г. на русском языке см.: Современная Турция. М., 1958, с. 269—280.

²⁷ Там же.

²⁸ Текст конституции 1982 г. на русском языке см.: Турецкая Республика. Справочник. М., 1990, с. 294—369.

²⁹ Resmî Gazete. 01.12.1984.

³⁰ О проблемах гражданской власти в армии в Османской империи см.: Клейнман Г. А. Армия и реформы. Османский опыт модернизации. М., 1989; Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.

³¹ О роли военных в политической жизни современной Турции см.: Данилов В. И. Политическая борьба в Турции. 60—начало 80-х годов (политическая партия и армия). М., 1985; Харков Дж. Военният преврати в Турция. София, 1987; Belen F. Ordu ve Politika. İstanbul. 1971: Özdemir H. Rejim ve Asker. İstanbul, 1989.

³² См.: Özdemir H. Rejim ve Asker, с. 284 и далее.

³³ Родионов А. Армия и политика.—Азия и Африка сегодня. 1995, № 8, с. 21.

³⁴ Цит. по: Известия. 20.10.1993.

³⁵ Наши прогнозные оценки основаны на базе турецких статистических данных, охватывающих 1970—1990 годы.

³⁶ Созданное в 1993 г. при МИДе Турции «Тюркское агентство сотрудничества и развития» (турецкая аббревиатура — ТИКА) публикует два раза в месяц бюллетень «Аврасья досьясы» (Евразийское досье), на страницах которого освещаются текущие события в тюркских республиках СНГ, в том числе происходящие там процессы приватизации государственной собственности.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ВНЕШНЕТОРГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ТУРЦИИ В 80—90-е ГОДЫ

Приняв в качестве посылки безусловно верное для Турции определение модернизации как процесса реформ, проводимых по европейскому образцу, мы, таким образом, видим свою задачу в выявлении того, насколько страна в ходе пересмотра системы внешнеторгового регулирования приблизилась к использованию норм, которые определяют обмен товарами между европейскими странами. Имея в виду, что с 1968 г. последние связаны между собой системой «Общего рынка», то есть системой беспошлинной торговли, мы должны рассмотреть особенности регулирования торговых взаимоотношений Турции и Европейского Союза, тем более, что этот вопрос является благодатной темой для исследования: период конца 80-х — начала 90-х годов ознаменовался подготовкой Турции к образованию таможенного союза с государствами ЕС, который реально существует с 1996 г.

Совершенно очевидно, что способность турецкой экономики взаимодействовать на равных с экономическими европейских стран, то есть не использовать в торговых отношениях с ними особую систему защиты своего внутреннего рынка, должна означать успех комплексной модернизации экономики страны и приведение в большей или меньшей мере в соответствие с европейскими требованиями всех ее секторов. Именно поэтому обращение Турции о принятии ее в члены тогда еще Европейского Экономического Сообщества, последовавшее в 1959 г., — всего лишь год спустя после начала его деятельности, вызвало встречное требование европейских государств об осуществлении Турцией серьезной подготовительной работы в сфере экономики, которая, по их подсчетам, должна была бы осуществляться на протяжении более трех десятилетий. По мнению западных партнеров, лишь по истечении

данного времени Турция, заявившая о своем желании стать членом ЕЭС, очевидно, преимущественно по политическим соображениям, могла надеяться достичь такого уровня экономического развития, который обеспечил бы возможность ее действительного участия в таможенном союзе европейских стран.

Если все же говорить об экономических основаниях, побудивших Турцию попытаться присоединиться к европейской системе торговли, то их следует искать в особенностях развития страны в 50-е годы, вошедших в историю как период первой либерализации экономики Турецкой Республики. Тогда турецкая буржуазия, экономически окрепшая в годы этой мировой войны за счет благоприятной внешнеторговой конъюнктуры и спекулятивных операций на внутреннем рынке, выступила с требованием ограничения вмешательских функций государства, достигших пика в 30-е — начале 40-х годов. Либерализация в сфере внешней торговли проявилась в беспрецедентном за республиканский период повышении доли свободно осуществляемого импорта до 65% от его общего объема, а доли в нем потребительских товаров — до 25%¹.

В 30-е годы, в условиях развития, близких к экономической автаркии, государство, опираясь на Закон о защите стоимости турецкой лиры и ряд дополняющих его актов, весьма строго регулировало валютные операции и, следовательно, импорт, особенно осуществлявшийся вне программ индустриализации. Однако либерализация импорта в 50-е годы основывалась на таком неустойчивом факторе, как валютные запасы, накопленные в условиях экстраординарной (военной) конъюнктуры внешнего рынка. Их достаточно быстрое истощение в условиях ослабления импортных ограничений довольно быстро — в 1953 г. — остро поставило вопрос дефицита внешней торговли: в результате послевоенного восстановления сельского хозяйства в Западной Европе экспортные возможности турецкой экономики оказались крайне недостаточны для стабилизации валютного положения страны.

Косвенным подтверждением того факта, что и в 60—70-е годы Турция еще не была объективно готова к участию в системе беспошлинной торговли европейских стран, можно считать то обстоятельство, что с 1977 года она приостановила — по политическим соображениям — поэтапное снижение таможенных пошлин для европейских товаров. В целом же практика внешнеполитической деятельности Турции характеризуется последовательной направленностью на обслуживание

экономических интересов страны, что вполне соответствует масштабам ее национального хозяйства. Так что перерыв в процессе гармонизации турецкого таможенного тарифа с тарифом стран ЕЭС на самом деле можно рассматривать как результат осознания Турцией невозможности использования в тот период преимуществ «Общего рынка» без ущерба для национальной экономики. Ведь в 60—70-е годы характер экономического взаимодействия Турецкой Республики с внешним миром начал определяться стратегией импортзамещения. В этот период Турция наряду с другими странами так называемого «третьего мира», которые попытались опробовать политику отказа от импорта и его постепенного замещения местным производством, поразила мир введением невиданных в истории мирового протекционизма ставок таможенных пошлин на готовые изделия, а именно от 60 до 150%. Для инвестиционных и сырьевых товаров ставки были существенно ниже и составляли 30—50% и 5—15% соответственно^{1а}. В дополнение к столь внушительным таможенным тарифам использовалась и весьма развитая система нетарифных ограничений импорта. Она строилась на основе использования таких инструментов, как лицензии, квоты и контингенты.

Сложившуюся систему внешнеторговой регламентации дополнял абсолютный контроль государства в валютной сфере — лира не обладала внутренней конвертируемостью, что по существу означало наличие в стране государственной монополии внешней торговли.

Первая половина 70-х годов принесла Турции ускорение экономического развития в рамках избранной стратегии. Однако впоследствии страна вступила в период экономического спада, переросшего в конце 70-х годов в кризис. Помимо прочих причин, несомненно, что в данном случае проявила себя противоречивость развития в рамках импортзамещения: в то время, как ограничивался ввоз в страну готовых изделий, чрезмерно разросся, при поддержке государства, импорт средств производства, что привело к обострению валютного положения страны. Но коль скоро база национального производства в значительной мере создавалась за счет ввоза западной техники, оказалось вполне разумным попытаться покрыть валютные расходы на ее приобретение посредством экспорта произведенных на ней готовых изделий, но с использованием сравнительно более дешевой турецкой рабочей силы. Производство же на импортном оборудовании неконкурентоспособной продукции в условиях закрытой экономики,

то есть в условиях прочной защиты от иностранной конкуренции, явилось бы лишь поощрением неэффективной работы местной промышленности. По всей видимости, именно подобные экономические взаимосвязи, а именно: усиление давления импортной продукции на местного производителя, повышение качества турецких изделий, становящееся условием самосохранения и, следовательно, появление объективных возможностей их экспорта, имелись в виду при обращении Турции к новой стратегии внешнеэкономического развития в начале 80-х годов — стратегии либерализации импорта и всемирного поощрения экспорта.

О начале качественно нового этапа модернизации турецкой экономики можно говорить с 1984 г., когда после довольно длительного периода сомнений в выборе модели экономического развития и умеренной политики военных Турция при поддержке западных государств вступила на путь принципиального реформирования экономики в направлении превращения ее в «открытую», то есть основывающуюся на потенциале конкурентоспособного частного сектора, правда пока без выделения в особое направление участия в европейской системе торговли. Глубина и направленность преобразований в сфере внешнеэкономического регулирования являются как бы выражением меры успеха в продвижении отраслей турецкой экономики на пути повышения своей конкурентоспособности, то есть модернизации.

К осуществлению реформы внешнеторгового регулирования Турция приступила осторожно, но тем не менее последовательно, учитывая интересы отраслей, объективно не являющихся конкурентоспособными, называемых иначе «чувствительными».

Уже в 1980 г. государство приступило к отмене нетарифных методов ограничения внешней торговли. С 1984 г. полностью прекратила действовать система квот. В настоящее время к числу нетарифных ограничений импорта относится лишь такая мера, как оставление немногочисленного ограничительного списка * или списка товаров, для ввоза которых необходимо получение специального разрешения. В этот список входят, например, такие товары как сахар, мясо, ряд химических продуктов². Система выдачи разрешений может принимать и превентивный запретительный характер. Так, в августе 1995 г. Управление Внешней Торговли объявило о

* Список существенно отличался от квоты: выдача разрешения на ввоз не сопровождалась количественными ограничениями импорта.

введении запрета на импорт в страну вредных красителей, основанием для чего послужила соответствующая директива Министерства здравоохранения страны³.

Постепенно год от года снижался таможенный тариф. Так, в соответствии с Режимом импорта на 1986 г. наиболее активно применяющиеся ставки таможенной пошлины составляли от 20% до 40%⁴. При этом 40-процентная ставка, хотя и являлась чуть ли не максимальной, встречалась весьма часто. Конечно, это уже не 60—150%, применявшиеся в 70-е годы, но весьма значительный уровень налогообложения импорта, особенно если учесть, что в 80-е годы средний импортный тариф на готовые изделия снизился в индустриальных странах с 10% до 7%⁵.

В Режиме импорта на 1990 г. наиболее часто применяющиеся ставки ввозной пошлины колебались от 1 до 15%; максимальная ставка составляла 50% и использовалась лишь в отношении различных видов оружия⁶.

При этом важно подчеркнуть, что ослабление тарифного ограничения импорта или, как будет показано ниже, его полная отмена носили строго избирательный характер. Так, в соответствии с Режимом импорта на 1986 г. были полностью освобождены от уплаты таможенной пошлины следующие группы товаров: минеральное сырье, включая энергоносители, руды различных металлов, полимеры, сырье для текстильной промышленности, запчасти для машин и оборудования, металлоизделия⁷.

К 1990 г. дифференциация импортных товаров, с точки зрения условий их налогообложения, получила дальнейшее развитие: к этому времени в Турции уже действовал так называемый либерализационный список, включающий статьи импорта, освобожденные от уплаты таможенной пошлины как бы постоянно, вне зависимости от ежегодных изменений, вносимых в Режим импорта. Данный список охватывал весьма широкий перечень инвестиционных товаров — промышленных машин и оборудования⁸.

С 1984 г., то есть с началом более или менее значительного пересмотра таможенного тарифа в сторону понижения был введен дополнительный налог на импорт, отчисляемый в фонд жилищного строительства. Система фондов получила большую популярность в середине 80-х годов как возможность финансирования государственных расходов, альтернативная бюджетным ассигнованиям. Однако введение фондового налога на импорт имело целью и подстраховать полити-

тику снижения таможенных пошлин или даже компенсировать ее в случае необходимости. Именно поэтому государство сохранило за собой право неоднократного пересмотра ставок отчислений в фонд на протяжении года, тогда как ставка таможенных пошлин фиксировалась в решении о Режиме импорта на определенный год.

Таким образом, в начале 80-х — 90-х годах в Турции в области регулирования импорта прослеживаются следующие наиболее важные тенденции: во-первых, значительно сократились масштабы нетарифного контроля за ввозом товаров. Во-вторых, смягчились налоговые условия проникновения иностранных товаров на местный рынок. По нашим подсчетам, в соответствии с решением о Режиме импорта на 1986 г., от взимания таможенной пошлины были освобождены 8% товаров, а по решению о Режиме импорта на 1990 г. — уже 20% товаров только основного списка, не считая товары либерализационного списка. В-третьих, либерализация импорта проводилась достаточно осторожно и весьма избирательно. Налог на импорт, отчислявшийся в Фонд жилищного строительства, расширял возможности государства в области пересмотра тарифного регулирования в том случае, если допущенные изменения оказались неоправданными. В начале 90-х годов в турецком импорте сохранилась та же система приоритетов, которая действовала и в предыдущее десятилетие, но высший уровень благоприятствования ввозу товаров проявлялся уже не в снижении ставки таможенной пошлины, а как ее полная отмена. Кстати, поощрение или ограничение ввоза какого-либо товара в ряде случаев поддерживалось и соответствующим уровнем отчислений в Фонд жилищного строительства.

Принципиальная же разница состояла в том, что теперь национальный производитель поощрялся посредством системы таможенных пошлин не как поставщик готовой продукции на местный рынок, а как ее экспорттер. И действительно, наряду с поддержанием льготных условий импорта инвестиционных товаров в Турции сложилась и действовала до последнего времени система тарифного содействия импорту, осуществлявшемуся экспорттерами в целях производства своей продукции. Экспорттерам выделялись импортные субсидии для ввоза импортного компонента производимой продукции. Получив валютную субсидию, экспорттер принимал на себя определенные обязательства. Субсидия предназначалась для закупки за рубежом необходимых компонентов будущей экс-

портной продукции: сырья, вспомогательных и упаковочных материалов, запчастей. Причем они ввозились в Турцию беспошлинно, в случае если цена CIF импортной продукции не превышала 2% от цены FOB того объема готовой продукции, который экспортер обязывался поставить на внешний рынок⁹.

С 1988 г. Турция возобновила проведение внешнеторговой политики поэтапной гармонизации своего импортного тарифа с тарифом ЕС. Поэтому в 90-е годы деятельность государства в сфере тарифного регулирования импорта все более утрачивает произвольный характер, подчиняясь определенной цели: постепенному сведению на нет таможенных пошлин, применявшимся в отношении товаров ЕС, и приближению уровня налогообложения импорта из третьих стран к унифицированному тарифу государств — членов Европейского Союза.

На сей располитика пересмотра таможенного регулирования торговли с ЕС, гораздо более гармонично вписавшись в общезэкономическую стратегию либерализации турецкого импорта, оказалась подкрепленной ростом промышленного и, как следствие, экспортного потенциала страны. Стремление Турции приблизиться к европейским нормам внешнеторгового регулирования в целом базировалось на соответствующей внутриэкономической модернизации.

Однако и на рубеже 80—90-х гг. общая тенденция поэтапного снижения таможенных пошлин для товаров ЕС сопровождалась частичными мерами противоположного действия, которые характеризовались правительственными органами как меры «уравновешивающего характера, направленные на создание баланса между ценами импортных и местных товаров». К числу таких мер можно отнести введение налога на частное потребление, а также решение Совета Министров от февраля 1994 г. «О наблюдении за импортом и защитных мерах»¹⁰. Данное решение предусматривало возможность установления наблюдения за импортом определенного товара в случае, если его ввоз наносит значительный ущерб местным производителям. При определенных обстоятельствах данный товар мог быть внесен в список товаров, импорт которых осуществлялся при получении специального разрешения.

Тем не менее, в опубликованном в США в конце 1994 г. специальном сравнительном исследовании, сопоставляющем по различным критериям 142 страны, Турция была охаракте-

ризована как страна с низким уровнем протекционизма при среднем уровне таможенного обложения в 5%¹¹.

В конце 1995 г. было принято решение об образовании таможенного союза между Турцией и странами ЕС. Отныне таможенный тариф Турецкой Республики полностью определяется ее новым статусом. Основные особенности импортного таможенного регулирования таковы¹²:

- 1) Отмена таможенных сборов в отношении товаров ЕС;
- 2) Применение общего таможенного тарифа в отношении импорта из третьих стран;
- 3) Отмена отчислений в Фонд жилищного строительства, в результате чего уровень таможенных сборов для промышленных товаров ввозимых из третьих стран, снизится со среднего уровня в 10,9% до 5,8%.

Отметим, что сельскохозяйственная продукция не является объектом применения нового тарифного регулирования, соответствующего требованиям ЕС.

Кроме того, поскольку 1996 г. — первый год действия таможенного союза, применение предусмотренных им общих принципов налогообложения импорта пока имеет некоторые ограничения. В соответствии с решением о Режиме импорта на 1996 г. все статьи импорта были отнесены к одному из пяти списков. В первый вошла продукция сельского хозяйства, сохраняющая, как отмечалось, особый статус при ввозе в Турцию. Во второй список вошли промышленные товары, в том числе и те, условия импорта которых регулируются Европейским Объединением угля и стали. Именно для импорта последних Турция получила право воспользоваться переходным трехлетним периодом. В результате с 1996 г. тариф для данной группы товаров был снижен лишь на 50% против применявшегося ранее. В третьем списке фигурирует продукция переработки сельскохозяйственного сырья. Налогообложению подлежит лишь та часть данной продукции, которая выделяется как промышленная.

Таким образом, несмотря на принятое положительное решение о таможенном союзе с Турцией, наличие приведенных выше оговорок, которыми для последней сопровождается начало членства в союзе, очевидно, означает присутствие некоторого политического элемента в решении ЕС. По всей видимости, этот элемент призван компенсировать отсутствие полной экономической готовности Турции к системе беспошлинной торговли. На наш взгляд, приняв положительное решение по поводу Турции, европейские страны имели в виду

ослабить проилюмские настроения в турецком обществе и предотвратить вероятное усиление ориентации Турции во внешнеэкономических и внешнеполитических связях на исламские страны.

Необходимым условием хотя бы относительной сбалансированности внешней торговли в условиях либерализации импорта является всемерное наращивание экспорта. Данное обстоятельство предопределяет применение в стране специальной системы поощрения экспорта, не говоря уже о том, что налоговообложению в Турции подлежит только импорт, а экспорт осуществляется беспошлино. Однако в торговой практике, как известно, даже самая высокая степень свободы существует хотя бы с минимальными ограничениями: турецкое внешнеторговое законодательство выделяет в особый список некоторые товары, экспорт которых требует разрешения или же запрещен. В этот список наряду с опасными химическими веществами (их экспорт находится под контролем во всех странах ЕС) входит сахар, удобрения, ветеринарные препараты и некоторые другие товарные статьи.

В Турции применялись такие широко известные в мировой практике меры поощрения экспорта, как предоставление льготных экспортных кредитов, возврат экспортных налогов и даже выплата экспортных премий. К настоящему времени государство в основном отказалось от использования двух последних типов поощрительных мер. Причиной тому послужили обязательства, принятые Турцией в рамках соглашений, подписанных с ГАТТ (ныне ВТО), а также обязательства, вытекающие из подписания соглашения об образовании таможенного союза с ЕС. Как известно, нормы международной торговли ограничивают прямое государственное субсидирование экспортных отраслей.

Меры поддержки экспортеров, применяемые ныне в Турции, могут быть подразделены на четыре группы¹³:

1) меры, направленные на внутренний рынок. Они включают различные системы мер по поддержке экспорта сельскохозяйственной продукции, например, выплаты премий экспортеру с той целью, чтобы цены ее реализации приблизились к мировым. По всей видимости, данную меру следует расценивать как государственное дотационное финансирование сельскохозяйственного экспорта, осуществляемого по демпинговым ценам. Сохранение подобных мер поддержки вывоза на мировой рынок турецкой сельскохозяйственной продукции оказалось возможным благодаря ее исключению из сферы торгового регулирования ЕС;

2) меры, направленные на то, чтобы сделать по возможностям благоприятными для экспортёра факторы внешнего рынка. К их числу следует отнести уже упоминавшуюся нами систему таможенных привилегий для импорта производственного характера, осуществляемого экспортёрами;

3) предоставление экспортных кредитов на выгодных условиях, хотя формально участие в таможенном союзе требует от Турции их предоставления на условиях, аналогичных условиям обычного банковского кредита;

4) освобождение экспорта от налога на добавленную стоимость.

Однако все эти меры, как и применявшиеся ранее, следует отнести к разряду так называемых компенсационных мер, то есть к мерам, которые направлены на возмещение убытков, причиняемых экспортёру общей нестабильностью турецкой экономики, высоким уровнем инфляции, искусственным завышением курса национальной валюты по отношению к доллару и прочим. Иначе, речь идет о смягчении последствий тех сторон внутриэкономической политики, которые в силу ряда причин не могут совпадать с интересами экспортёров.

В последнее время в системе мер, направленных на стимулирование экспорта, все более заметное место начинают занимать меры принципиально иного направления, нацеленные на облегчение входления и адаптацию турецких фирм на иностранных рынках. По существу, речь идет о мероприятиях по «представлению» турецких фирм на международном рынке, созданию их имиджа, включающих поддержку участия экспортёров в международных выставках и ярмарках, государственное финансирование маркетинговых исследований, содействие фирмам, желающим открыть офис или же магазин за рубежом, стимулирование создания смешанных предприятий с участием иностранного капитала. Особое внимание уделяется финансированию новых технологических разработок, патентной и лицензионной деятельности. Таким образом, меняется концептуальный подход государства к проблеме поощрения экспорта: акцент с финансовой поддержки производителя экспортной продукции смещается в направлении повышения конкурентоспособных качеств товаров и их рекламы на внешнем рынке.

Переход к некомпенсационным мерам поощрения экспорта, постепенное сведение на нет такой экономической категории последних лет, как «внутренняя цена» турецкого экспорта, свидетельствуют о готовности к проверке реальной конкуренто-

способности товаров уже на внешнем рынке, а следовательно, и о глубине тех модернизационных процессов, которые протекают в экономике страны.

Подобная переориентация правительства в методах поощрения экспорта получила неоднозначную оценку среди турецких экспортёров: одни признают важность новых мер, другие считают их недостаточными, третья — отрицают наличие принципиально новых подходов к стимулированию экспорта в новой системе правительственные мер. Поскольку последняя точка зрения сопряжена с наиболее радикальной критикой экспортной политики правительства, остановимся на ней подробнее. Сторонники данной позиции существенный недостаток новой системы мер видят в отсутствии четкой зависимости между осуществленным объемом экспорта и премированием. В результате новая политика поощрения экспорта, во-первых, не способна изменить статус Турции — «пасивного экспортёра», то есть статус страны, экспорт которой базируется главным образом на переработке сырья и использовании дешевой рабочей силы; во-вторых, предлагаемые меры являются неэффективными для малых и средних производителей¹⁴.

Таким образом, недовольство новой политикой поощрения экспорта сводится как раз к отрицательному отношению к ослаблению мер по прямому субсидированию экспортёров. При этом в качестве аргумента приводится то обстоятельство, что международные торговые обязательства не мешают странам Европейского Союза выделять ежегодно порядка 100 млрд. экю на более чем 1200 разновидностей легального и нелегального поощрения экспортёров. Тем не менее на протяжении почти всей истории ЕС Турция вряд ли станет применять меры поощрения экспорта, идущие вразрез с требованиями своих партнёров.

В этом плане, видимо, симптоматичным следует считать произошедшее в 1994 г. разделение Управления казначейства и внешней торговли. Данное Управление, соединявшее функции государственного финансового регулирования и полномочия по регулированию внешней торговли, было создано в 1983 г. Именно в начале 80-х годов наиболее актуальной была задача финансовой поддержки турецких экспортёров, начавших активно выходить на внешний рынок. Очевидно, наиболее эффективно выполнить эту задачу могло Управление, ведавшее одновременно финансовой и внешнеэкономической политикой. Переосмысление государством на сегодняшнем этапе концепции поощрения экспорта и повлекло соответствующие орг-

Ганизационные изменения в структуре регулирования экономики.

Естественно, что мероприятия по либерализации внешней торговли должны были неизбежно сопровождаться изменениями в системе валютного регулирования. И действительно, Законы о Защите стоимости турецкой лиры № 30 (1983 г.) и № 32 (1989 г.) по существу обеспечили конвертируемость лиры и свободу расчетов по международным торговым операциям.

Мобилизация же доходов от экспорта реализуется через положение об обязательном переводе части выручки от продажи товаров на внешнем рынке в Турцию в установленные сроки при возможности свободно использовать ее остальную часть.

И наконец, следует дать оценку эффективности внешнеторговой политики Турции, проводимой в последнее десятилетие. Что касается структуры импорта, то в 1984 г. она выглядела следующим образом: потребительские товары — 2%, инвестиционные — 58%, продукция добывающей промышленности — 40%¹⁵. В 1995 г. импорт страны состоял из потребительских товаров уже на 12%, из инвестиционных — на 61%, из сырьевых — на 27%¹⁶. Поскольку основные структурные изменения импорта произошли именно в тех направлениях, которые и были заданы импортной политикой, следует оценивать ее как эффективную.

Основные изменения в структуре экспорта происходили в направлении увеличения доли промышленных товаров, которая достигла в 1995 г. 89%¹⁷. Подобные изменения структуры и должны были сопровождать увеличение объемов экспорта, достигнутое главным образом за счет более активного вывоза на мировой рынок новых видов промышленной продукции.

Однако, помимо структурных сдвигов, весьма важна динамика объема импорта и экспорта. Следует выяснить, насколько косвенное влияние либерализации импорта наряду с мерами поддержки экспортёров способствовало росту экспорта, то есть насколько пропорционально происходило увеличение импорта и экспорта, а значит, насколько экономика страны действительно способна функционировать в качестве «открытой».

За период с 1984 по 1994 гг. темпы роста экспорта и импорта оставались довольно близкими за исключением 1993 г., ознаменовавшегося резким возрастанием импорта. При этом поскольку и в 1984 г. сальдо внешней торговли было отрица-

тельным, неудивительно, что и во все последующие годы соотношение импорта и экспорта характеризовалось преобладанием первого. Но очевидно, реальная цель для страны состоит не в сведении сальдо внешнеторговых операций к нулю, а в поддержании дефицита в определенных пределах, когда он может быть более или менее уравновешен иными источниками валютных поступлений. Ведь известно, что Турция практически не имеет преимуществ, обеспечиваемых при экспорте сырьевых ресурсов, поэтому каждый доллар экспортной выручки должен быть ею в полном смысле слова заработан. Допустимый уровень внешнеторгового дефицита довольно успешно поддерживался на протяжении всего периода до 1993 г., когда он возрос по сравнению с предыдущим годом на 72%⁶⁸. Следует признать, что данный фактор сыграл далеко не последнюю роль в экономических потрясениях, пережитых Турцией в 1994 г. и, в частности, в значительном падении курса лиры по отношению к доллару. Тогда же в прессе появились сообщения о возможном введении временных ограничений на импорт посредством возобновления действия системы квот. Однако по всей видимости, падение курса лиры оказалось самодостаточной мерой: дефицит внешней торговли страны сократился более чем на 9 млрд. долл., что соответствует уменьшению на 64%¹⁹. Таким образом, Турция по-прежнему придерживается курса «открытой экономики», что подтверждается и принятым в конце 1995 г. решением о начале действия таможенного союза между странами ЕС и Турецкой Республикой.

Весьма важными с рассматриваемой точки зрения будут и показатели развития внешней торговли страны в 1996 г., поскольку они позволяют окончательно оценить степень реальности политики государства в сфере внешней торговли и, что особенно значительно, позволяют определить, насколько верны те довольно высокие оценки уровня модернизации турецкой экономики, о которых свидетельствуют направления пересмотра внешнеторгового регулирования.

Примечания

¹ Hedef. İstanbul. Kasım, 1994, с. 64.

^{1а} Турецкая Республика. Справочник. М., 1975, с. 173.

² См.: İstanbul Ticaret Odası. İthalat rejimi. İstanbul, Ocak, 1995, с. 369—389.

³ Turkey. Economic monthly. August, 1995.

⁴ См.: Türkiye Ticaret, Sanayi, Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları birligi. 1986 Dis ticaret mevzuati. Ankara, 1986.

- ⁵ Коммерсантъ. Аналитический еженедельник Издательского дома «Ъ». №., 1 августа 1995 г., с. 19.
- ⁶ См.: T. C. Resmi Gazete. Ankara, 17.01.1990. Mükerer..
- ⁷ См.: 1986 Dis ticaret mevzuati.
- ⁸ См.: T. C. Resmi Gazete, 17.01.1990. Mükerer.
- ⁹ Ihracati ve Doviz kazandirici faaliyeti Tesvik Tebliği. Teblik № 91/1 — T. C. Resmi Gazete, 13.11.1990.
- ¹⁰ Exim Pazar. Ankara, 16.02.1994, с. 17.
- ¹¹ Turkish Probe. Ankara, December 22, 1995, с. 8.
- ¹² EBA NEWSLETTER. Desember 28, 1995.
- ¹³ ITIKB. Hedef. İstanbul, Haziran 1995, с. 26—27.
- ¹⁴ Там же, с. 36.
- ¹⁵ Подсчитано по: Turkey. An official book. Ankara, 1990, с. 108.
- ¹⁶ См.: DTM. Baslica Ekonomik göstergiler, 1995 Aralik. Ankara, 1995, с. 59.
- ¹⁷ Там же, с. 56.
- ¹⁸ Подсчитано по: Baslica ekonomik göstergiler, 1995 Aralik, с. 75.
- ¹⁹ Подсчитано по: то же, с. 75.

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИРАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Вторая половина XIX века явилась переходным периодом в истории Ирана нового времени. Она ознаменовалась важными сдвигами в социально-экономической и политической структуре иранского общества, произошедшими под влиянием экспансии капиталистических держав.

С начала XIX века происходит активное проникновение в Иран Франции, Англии и России. Столкнувшись с развитыми капиталистическими странами, Иран не мог оказать им ни политического, ни экономического сопротивления. В итоге три проигранных войны — две с Россией и одна с Англией — окончились заключением неравноправных политических и торговых договоров, положивших начало капитуляционному режиму в Иране.

Иностранный капитал глубоко проник в экономическую и политическую жизнь страны, захватив важнейшие концессии и монополии и установив контроль над иранской экономикой посредством предоставления кабальных займов. Развитие торговых и экономических связей с капиталистическими государствами способствовало также втягиванию Ирана в сферу действий международного капиталистического рынка, превращению его в аграрно-сырьевой придаток европейских стран.

В стране начался процесс постепенного разложения феодализма и формирования нового общественного способа производства. Но так как модернизация Ирана происходила не в ходе естественной социально-экономической эволюции, а под воздействием капиталистических государств, это предопределило неравномерность и замедленность переустройства иранского общества.

Взаимодействие с более развитыми и сильными европейскими государствами вело к приспособлению стран Востока к новым социально-экономическим условиям развития, обусловленным прежде всего потребностями мирового капиталистического хозяйства. Одним из способов модернизации стран Востока явились реформы, которые должны были способствовать укреплению централизации государства.

Не был исключением и Иран. Необходимо отметить, что реформы в Иране были одним из звеньев в общей цепи социально-экономических и политических преобразований, которые проводились в 30—50-е годы в странах Востока, в частности, в Турции, Египте, Тунисе и других странах. В первой половине XIX века решающую роль в борьбе за реформы играла прогрессивная часть образованной высшей иранской бюрократии. Они поддержали те реформы, главным условием которых было сохранение и укрепление шахской власти и централизованного иранского государства. В последней трети XIX века на политическую арену в Иране вышла новая сила — иранская интеллигенция, которая активно выступила за модернизацию страны, пресечение кардинальных реформ. Если появление бюрократии нового типа представляло собой важный сдвиг в традиционном иранском обществе, то выход на арену иранской интеллигенции был принципиально новым для Ирана явлением — появилась сила, стремившаяся влиять на общественно-политическую жизнь вне рамок государственных институтов.

Характерными признаками реформаторского движения в Иране являлось то, что оно началось неоколько позднее, чем в других странах Востока. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, соперничеством капиталистических держав в Иране — России и Англии. Обе эти страны не были заинтересованы в усилении шахской власти и модернизации государственной системы. Им легче было добиваться получения политических и экономических уступок при слабом центральном правительстве. Не менее важное значение имели и внутренние обстоятельства. Новая династия Каджаров пришла к власти только в самом конце XVIII века и не смогла сразу упрочить свое положение в стране. Фактически, всю первую половину XIX века продолжалась борьба с сепаратистскими тенденциями отдельных ханов и феодалов. Кроме того, персидская бюрократия была довольно разобщена, и при шахском дворе обычно существовало несколько феодальных группировок, соперничающих между собой. Постоянная борьба

между ними также мешала проведению реформ. Против реформ в стране выступало шиитское духовенство. Духовенство в Иране играло большую политическую и экономическую роль, в его руках сосредоточивались не только огромные земельные владения, но и вся судебная власть и образование. Авторитет шиитского духовенства был особенно велик среди мелких торговцев, ремесленников и сельских жителей. Ни одно массовое народное выступление в Иране не могло разиться без поддержки базара и духовенства. Огромная власть и влияние шиитского духовенства в Иране вызывали недовольство шахского правительства, и между ними существовало постоянное соперничество за влияние в стране.

Этим объяснялось не только то положение, что реформы в Иране проводились позднее, чем в других странах Востока, но и то, что реформаторская деятельность в Иране была значительно менее успешной, а многие из реформ так и не были осуществлены.

Зарождающиеся под влиянием развития капиталистических тенденций в иранском обществе новые социальные силы были заинтересованы в сильном централизованном государстве, которое могло бы защищать их от все возрастающей конкуренции иностранного капитализма и гарантировать неприкосновенность собственности. Феодальное государство Каджаров с полной необеспеченностью личности и имущества становилось тормозом для развития новых экономических отношений.

В этих условиях отдельные представители правящего дома Каджаров и высшей бюрократии стали склоняться к мысли о необходимости проведения некоторых реформ с целью сохранения монархии.

Еще в первой половине XIX столетия наследник престола — принц Аббас-мирза — одним из первых в Иране принял усилия для модернизации армии, убедившись, что без проведения хотя бы частичных верхушечных реформ армии, государственного аппарата страна не сможет противостоять колониалистской политике капиталистических государств и неизбежно потеряет свою независимость¹. Но его усилия не увенчались успехом: без существенных изменений в административном строе и финансовой системе страны не могла быть проведена действенная реформа в армии.

В середине XIX века в Иране прокатилась волна народных выступлений — бабидские восстания, которые обнажили и обострили социально-политические и экономические против-

воречия в стране. В Иране зрело недовольство политикой шахского самодержавия, зарождалась оппозиция на базе идей реформаторства и просветительства. В этих условиях правящая элита страны вынуждена была пойти на проведение ряда верхушечных реформ, направленных на укрепление центральной власти, на некоторую модернизацию государственного аппарата, реорганизацию иранской армии и др.

Попытки проведения реформ сверху в Иране во второй половине XIX века связаны с именем Насер эд-Дин шаха, который правил страной почти полвека, с 1848 по 1896 гг. Долгое правление и личные качества самого шаха наложили определенный отпечаток на развитие Ирана этого периода. Насер эд-Дин шах был противоречивой натурой. Получив хорошее (по тем временам) образование, он понимал необходимость проведения в стране реформ. Три поездки за границу — в Россию и Европу — оказали большое влияние на шаха и способствовали тому, что он провел некоторую модернизацию государственного устройства Ирана: были учреждены новые министерства, основан Дар-оль-Фонун (Дом наук), совмещающий функции университета и политехнической школы, проведена некоторая европеизация одежды. Шах пытался проводить реформы несмотря на противодействие со стороны внутренней реакции и при неодобрительном отношении Англии и России. Ему не был чужд известный либерализм, он был сторонником развития культуры, приобщения страны к мировой цивилизации. Он старался окружать себя людьми знающими, государственно мыслящими. Но несмотря на это, проводимые шахом мероприятия носили в основном чисто внешний характер, не затрагивая феодальных основ политического строя Ирана.

Насер эд-Дин шах не смог преодолеть влияния бюрократии и духовенства, которые занимали господствующие позиции при шахском дворе и противились проведению какой-либо модернизации страны. Он не поддержал до конца ни одного реформатора, которые начинали свою деятельность при непосредственном его участии. Конечно, неудачи реформ в Иране объяснялись не только личными качествами Насер эд-Дин шаха, в стране недостаточно еще окрепли те силы, в интересах которых и проводились эти реформы, но нерешительность, слабоволие шаха не содействовали успеху реформ.

Значительная часть русских и иностранных авторов, путешественников, посетивших Иран в период его правления, характеризовали Насе эд-Дин шаха как властолюбивого, же-

стокого, крайне жадного до денег, любившего пышные увеселения человека². Любовь к роскоши, расточительству значительно увеличивали финансовые трудности страны и делали шаха заложником в руках феодальной бюрократии и иностранных капиталистов.

Важная попытка проведения реформ, способствующих модернизации государственного управления и развитию зарождавшихся капиталистических отношений в Иране, связана с именем первого министра (садр-азама) Насер эд-Дин шаха миры Таги-хана, получившем почетное звание Амира Кабира («Великий эмир»)³. Назначение миры Таги-хана на пост садр-азама было смелым поступком молодого шаха, оказавшего сопротивление дворцовой группировке во главе со своей матерью, выдвигавшей на эту должность своего ставленника. Но, к сожалению, в этом известном свободомыслии шах не был последователен и через короткое время предал своего первого министра.

За время своего краткого садр-азамства (1848—1851 гг.) миры Таги-хану удалось начать проведение некоторых реформ, которые должны были несколько упрочить, усовершенствовать государственное управление, укрепить положение шаха, ограничить произвол гражданских властей и вмешательство духовенства в государственные дела, повысить боеспособность армии, укрепить экономику страны, поднять международный авторитет Ирана⁴.

Центральное место в преобразованиях Таги-хана занимала военная реформа. Создание боеспособной армии было призвано усилить внешнеполитические позиции Ирана и позволить успешно вести борьбу с народными волнениями, сепаратистскими тенденциями племен, что способствовало укреплению государственной власти в стране.

Военная реформа была также связана с упорядочением системы налогообложения и введением строгого контроля с целью увеличения государственных средств. Таги-хан сократил выплаты пенсий представителям каджарской династии, центральной администрации, жалованья государственным служащим, усилил борьбу с казнокрадством. В результате проведенных мероприятий в течение 3-х лет пребывания Таги-хана на посту премьер-министра, финансовое положение Ирана улучшилось, был ликвидирован бюджетный дефицит.

Посредством административных преобразований Таги-хан пытался создать эффективно действующий государственный

аппарат, стремился усилить подчинение центральной власти провинций страны.

Военная и административная реформы способствовали и укреплению центральной власти, объединению страны⁵.

По инициативе первого министра были осуществлены мероприятия по содействию экономическому развитию Ирана, в частности, по строительству фабрично-заводских предприятий, развитию внешней и внутренней торговли.

Программа реформ Таги-хана предусматривала также серию культурно-просветительных преобразований. Наряду с этим он стремился к ограничению власти высшего духовенства и его влияния на государственные дела. В области внешней политики он делал попытки ослабить позиции иностранных держав в Иране, особенно Англии и России.

Намеченные преобразования были призваны укрепить социально-экономическое и политическое положение Ирана и его суверенитет. Реформы объективно имели антифеодальный характер, создавая предпосылки для развития капиталистических отношений в стране; они содействовали укреплению власти центрального правительства⁶.

Таги-хан рассматривал просвещение как один из основных факторов социального, политического и культурного прогресса Ирана. По его инициативе было основано светское высшее учебное заведение — Дар-оль-Фонун — для подготовки военных специалистов, медиков, инженеров и др. Обучение вели, в основном, европейские преподаватели. По инициативе Таги-хана стала издаваться первая официальная газета, основаны типография и государственная больница.

Таги-хану не удалось осуществить свою обширную программу преобразований, его реформы вступили в противоречие с интересами правящей феодальной группировки. Против него выступило высшее духовенство, феодальная аристократия, которые не хотели расставаться со своими привилегиями. Недовольство реформами вначале несколько смягчилось начатой борьбой Таги-хана с бабидами, представлявшими опасность для господствующих классов, но после подавления бабидских восстаний уже ничего не могло их остановить. Группа недовольных, возглавляемая матерью Насер-эд-Дина шаха и главой тегеранского духовенства, поддерживаемая представителями иностранных держав в Иране, добились в ноябре 1851 г. смещения Таги-хана с поста первого министра, а в 1852 г. по негласному приказу шаха он был умерщвлен. Те общественные слои, в интересах которых осуществлялись

реформы, были еще слишком слабы, чтобы оказать реформатору достаточную поддержку против происков внутренних и внешних врагов.

Новый премьер — англофил мирза Ага-хан Нури — отметил или приостановил большинство реформаторских начинаний Таги-хана. Но ухудшение политического и экономического положения Ирана в результате англо-иранской войны 1856—1857 гг. заставило Насер эд-Дин шаха вновь вернуться к вопросу о реформах. Реформы шаха носили чисто внешний характер и касались главным образом только государственной администрации. На этот раз, имея немалый опыт реформаторской деятельности Таги-хана и под влиянием тридворной бюрократии, опасавшейся сокращения большой власти в руках первого министра, шах решил сам заняться упорядочением административной системы. Для полной концентрации управления государством в своих руках в 1858 г. он отказался от назначения премьер-министра и образовал кабинет министров, состоящий из шести министерств: финансовых, иностранных дел, военного, внутренних дел, юстиции, общественных работ. Каждый министр был ответственен лично только перед шахом, который мог его сместить или назначить нового. Как объединенный орган, кабинет министров не действовал. Но личное управление государством стало тяготить Насер эд-Дин шаха. Поэтому в 1861 г. он вновь реорганизует административный аппарат и образует три министерства — финансовых, военное, иностранных дел. Причем, среди них он выделяет одного главного министра, который действует от его имени и выполняет как бы функции премьер-министра. В 1866 г. он вновь возвращается к системе шести министерств¹. Такая чехарда в административном устройстве не способствовала укреплению центральной власти, а свидетельствовала о слабости шаха и его неспособности кардинально решить проблемы, стоявшие перед страной.

К последней трети XIX века относится зарождение в Иране идей буржуазного национализма. Лучшие представители иранской интеллигенции начинают все активнее критиковать шахское правительство, выступать против закабаления страны иностранным капиталом. Они ратуют за проведение реформ в стране.

Большое значение для формирования самосознания иранцев имели издававшиеся за границей прогрессивные газеты: «Канун» (Лондон), «Ахтар» (Стамбул), «Хабиб-оль-матин» (Индия) и др. Вокруг этих газет группировалась иранская

эмиграция: представители интеллигенции, чиновничества, буржуазии, духовенства. В иранских газетах, выходящих за границей, появляются статьи с разоблачением колонизаторской политики империалистических держав в Иране. Все концесии, выдававшиеся шахским правительством Англии и России и др., вызывали резкие протесты прогрессивных деятелей Ирана, проявившиеся в виде разоблачительных статей в заграничных газетах или тайных проclamationах⁸. Выдвигаемые ими вопросы о форме государственного устройства, о прерогативах высшей законодательной и исполнительной власти впервые стали предметом обсуждения в иранском обществе.

Передовые люди Ирана понимали необходимость модернизации страны, выступали с критикой существующего строя. Наиболее ярким представителем этого нового для Ирана общественно-политического течения был чиновник министерства иностранных дел Ирана мирза Малыком-хан, создатель тайного общества «Адамият» («Свобода»). В 1890 г. он начал издавать в Лондоне газету «Канун». Малыком-хан выступал за реформы политического строя Ирана, установление конституционной монархии, утверждение буржуазных свобод, защиту прав личности и собственности. Газета «Канун» преследовалась властями, но несмотря ни на какие запреты, она проникала в Иран и распространялась среди иранского населения. Редакция газеты была хорошо осведомлена о событиях в Иране, поддерживала связь с иранскими корреспондентами⁹. Другим представителем интеллигенции являлся друг и последователь Малыком-хана, также чиновник Министерства иностранных дел Ирана — Юсуф-хан Мосташер од-Доуле. Он был одним из руководителей общества «Адамият», придерживался радикальных взглядов, выступал за ликвидацию шахского правления в Иране и установление парламентской республики.

Важную роль в пробуждении национального самосознания иранцев играла прогрессивная азербайджанская интеллигенция. Очень популярны были в Иране произведения азербайджанского философа, революционного демократа мирзы Фатали Ахундова, оказавшего большое влияние на формирование взглядов Малыком-хана и особенно на писателя и философа Абдорахима Талибова и писателя хаджи Зайн-оль-Марагеи, проживших большую часть жизни в Российской империи. В своих произведениях они разоблачали феодальные порядки, произвол шахской деспотии. Активную пропаганду

за реформы, модернизацию Ирана вел лидер панисламизма Сейд Джамаль эд-Дин. В Иране у него было много сторонников, особенно среди купечества, интеллигенции, духовенства. Джамаль эд-Дин дважды побывал в Иране — в 1886 и 1889 гг., призывая шаха к проведению реформ. Влияние, которое он оказывал на шаха, встревожило дворцовую бюрократию, и Джамаль эд-Дин был выслан из страны. Во взглядах интеллигенции переплетались религиозные и светские представления, догматы ислама и различные европейские, главным образом просветительские, идеи. Они пытались согласовать свои либеральные взгляды с нормами ислама и доказать, что ислам вполне пригоден в качестве идеальной основы для управления государством в складывающихся новых условиях.

Значительное ухудшение экономического положения Ирана в последней трети XIX века, особенно разразившийся тогда, вынудили Насер эд-Дин шаха снова обратиться к проведению преобразований в социально-экономической жизни страны. Этого же требовала наиболее прогрессивно настроенная часть иранского общества.

Новая попытка проведения реформ в Иране связана с именем мирзы Хусейн-хана Мошир ад-Доуле.

Биография мирзы Хусейн-хана показательна, и она несомненно оказала влияние на его реформаторские идеи. Он родился в 1827 году. Его родословная связана с Каджарами, хотя он и не происходил из традиционной иранской аристократии. Его дед был массажистом у Каджаров, за что будущего реформатора враги называли «выскочкой». Отец его был руководителем хозяйства, управляющего Каджарским домом. Во время правления Мухаммед-шаха (1835—1848) его отец стал министром юстиции, а впоследствии — управляющим провинции Фарс. Он женился на дочери Фатх-Али-шаха (1798—1855). В детстве мирза Хусейн-хан получил традиционное мусульманское воспитание. Он учился дома, изучая Коран, персидскую литературу, грамматику, арифметику, каллиграфию. С 1848 по 1851 гг. он учился во Франции. Пребывание в Европе оказало на него большое влияние и сделало поклонником европейской культуры. В 1851 году он был назначен Таги-ханом главой вновь организованного иранского консульства в Бомбее. Назначение в Бомбей было важным поручением, так как многие иранские купцы ездили в Индию, и между странами существовала активная торговля. В задачу Хусейн-хана входила поддержка иранского купечес-

ства и развитие торговли с Индией и с Англией. Мирза Хусейн-хан вел регулярную переписку с Таги-ханом, реформаторские идеи которого были близки ему. Оба болели за судьбы своей страны, резко осуждали взяточничество, беззаконие, административный хаос, царившие в Иране. Реформы миризы Хусейн-хана можно рассматривать как продолжение реформаторской деятельности Таги-хана Амира Кабира. Однако в проведении ряда реформ он пошел несколько дальше, стараясь ограничить власть шаха и создать в Иране гражданское правительство европейского типа. После возвращения из Индии в Тегеран в 1852 году он был назначен генеральным консулом в Тифлис. Главным событием его жизни в Тифлисе была дружба с Ахундовым и миризой Юсуф-ханом. Их идеи и произведения способствовали становлению прогрессивных взглядов Хусейн-хана.

После Тифлиса Хусейн-хан был послом Ирана в Стамбуле. Он находился в Турции с 1858 по 1869 годы, в период, когда шла энергичная фаза осуществления реформ Танзимата. В эти годы происходили острые дебаты в правящих кругах Турции о сущности реформаторского движения. Мириза Хусейн-хан неплохо знал Турцию и, как большинство иранской интеллигенции, с большим вниманием следил за проводимыми реформами. Он общался с политическими и общественными деятелями Турции, был дружен с некоторыми из авторов реформ — Фауд-пашой и Али-пашой, участвовал в дискуссиях¹⁰.

Реформы, проводимые в Турции, оказали на него большое влияние, в особенности политическая и юридическая. В дальнейшем он пытался вовлечь в жизнь в Иране эти реформаторские идеи.

В декабре 1870 года Насер эд-Дин шах назначает миризу Хусейн-хана министром юстиции, а через несколько месяцев — садр-азамом. Назначение Хусейн-хана не было случайным, шах переписывался с ним, когда он был послом в Турции, знал о его прогрессивных взглядах, о его отношении к Танзимату и надеялся, что проведение подобных реформ в Иране поможет оздоровить обстановку в стране.

Придя к власти, мириза Хусейн-хан Мошир эд-Доуле стал собирать вокруг себя своих сторонников, с помощью которых ему было бы легче осуществить задуманную программу реформ. Он привлек на работу в министерство юстиции Юсуф-хана Мосташер од-Доуле; Мальком-хана сделал своим главным советником. Своих друзей и сторонников — Хасана

Али-хана Гаруси, бывшего посла в Париже, назначил министром общественных работ, а Насер оль-Молька, посла в Лондоне, сделал военным министром. Реформы мирзы Хусейн-хана поддержал Ахундов, который написал своему другу Юсеф-хану, что «настало время осуществить все ваши идеи и сделать первый шаг по дороге цивилизации»¹¹.

Новое правительство начало свою деятельность с изменения формы одежды, традиционно принятой у бюрократического аппарата. Вместо длинного платья вводился пиджак, а высокая шапка заменялась феской, подобной стамбульской.

Главным направлением реформаторской деятельности Хусейн-хана была юридическая, военная, административная реформы. Характерным для государственной системы Ирана являлось совмещение властей: в руках крупных чиновников, особенно в провинциях, сосредоточивалась и судебная, и военная, и административная власти, что приводило к многочисленным злоупотреблениям. Хусейн-хан стремился разделять эти власти, создать более дееспособный централизованный государственный аппарат европейского типа.

За десять месяцев пребывания миры Хусейн-хана на посту министра юстиции он предпринимает попытки осуществить судебную реформу. Юридическая реформа была построена на сочетании традиционной шариатской и новой юридической системы. Она носила в себе элементы заимствования от Запада. Главной целью реформы было стремление ограничить власть и влияние духовенства и поставить шариатские суды под контроль правительства, установить твердые правила юридической процедуры. Были введены новые юридические нормы, которые скорее соответствовали государству буржуазного типа: провозглашалось равенство всех перед законом, была установлена обязательность следствия и суда, введены наказания за взяточничество.

Новым декретом в марте 1871 года миры Хусейн-хан учредил светские суды, независимые от религиозных шариатских судов. Было организовано 6 судов при министерстве юстиции: апелляционный, три специальных (кriminalный, имущественный, торговый), исполнительный и законодательный. Устанавливались дни и часы заседания судов, строго запрещалось в отсутствие судей рассматривать дела, вводился институт защитников¹². Конечно, Хусейн-хану не удалось кардинально изменить систему иранской юриспруденции, но все же роль светских судов в результате проведенных мероприятий несколько возросла.

В области усиления обороноспособности иранского государства основные усилия нового премьер-министра были направлены на реорганизацию армии. Создание боеспособной армии было одной из главных забот, уже начиная с царствования первых Каджаров. Большую помощь в организации иранской армии оказывали иностранные инструкторы. В первые двадцать лет царствования Насер эд-дин шаха принималось немало декретов с целью совершенствования армии. Они касались борьбы с коррупцией, обеспечения регулярной выплаты жалования офицерам и рациона солдатам, предотвращения торговли офицерскими должностями.

Военная реформа миразы Хусейн-хана также прежде всего была нацелена на укрепление дисциплины и порядка в иранской армии. Устанавливался контроль правительства над финансами армии, усиливалась борьба за предотвращение спекуляций с жалованием и пайками, против незаконного присвоения офицерских званий. Садр-азам стремился укрепить командный состав армии, повысить его боеспособность. С этой целью были приглашены иностранные инструкторы. Основу иранской армии составляли — как и прежде — регулярные части пехоты, кавалерии и артиллерии. Кроме того, при шахе находилась постоянная королевская гвардия. Имелась иррегулярная кавалерия племен и иррегулярные пехотные части в каждой провинции. Хусейн-хан большое значение придавал вооружению армии. Он закупил современное вооружение в Европе. Одним из первых шагов Хусейн-хана был приказ об открытии военных складов; он издал декрет о возобновлении деятельности и строительстве новых пушечных и других военных заводов и фортификационных сооружений. Реформы в армии проводились Хусейн-ханом, который носил титул сепех салара (главнокомандующего), с большой настойчивостью и в короткие сроки дали положительные результаты¹³.

Реорганизованная армия — по мысли реформатора — должна была стать важным элементом в общем плане создания сильного централизованного государства. Реформы в армии проводились вместе с изменениями и совершенствованием правительственной администрации. Мираза Хусейн-хан стремился сделать правительственную администрацию более эффективной. Посредством введения жесткого правительственного контроля он хотел приостановить дальнейший упадок страны, дезорганизацию дел вследствие коррупции и взяточничества на всех уровнях государственного управления.

Хусейн-хан трансформировал Государственный совет («мэджлис-е шоурае доулети»), преследуя цель размежевания административной и шахской власти. Впервые Государственный совет был создан при Насер эд-Дин шахе еще в 1859 году. Члены Совета назначались шахом, и сам Совет являлся как бы совещательным органом при шахе. Мирза Хусейн-хан попытался переподчинить Совет своей власти. 16 членов Совета официально назначались шахом, но с представления садр-азама. Они состояли из высших чиновников государства, министров, каджарских принцев. Шах, в отличие от первых Государственных советов, в его заседаниях не участвовал. Совет заседал под руководством садр-азама. Посредником между Советом и шахом являлся его брат Яхья-хан. На заседаниях Совета обсуждались важнейшие дела государства, экономические, военные, судебные вопросы. Только небольшому числу членов Совета разрешалось иметь непосредственный контакт с шахом и то лишь после того, как садр-азам выслушает их доклады. Так, министр финансов, юстиции и ряд других должны были регулярно информировать шаха об обсуждаемых вопросах. Все их отчеты просматривались и корректировались садр-азамом. По мысли Хусейн-хана, Государственный совет должен был стать прообразом кабинета министров западного типа. Подобные советы создавались и в провинциях. Причем главы провинциальных Советов назначались и утверждались садр-азамом; при этом преследовалась цель ограничения прав губернаторов и концентрация власти в руках правительственной бюрократии.

Все эти мероприятия, проведенные Хусейн-ханом, способствовали возрастанию роли премьер-министра. Но мирза Хусейн-хан пошел еще дальше. Государственный совет, в состав которого входили и каджарские принцы, не очень устраивал садр-азама, который стремился к созданию правительства, полностью подчиненного премьеру. Поэтому в 1872 году он добивается согласия шаха на образование кабинета министров (дарбар-е-азам), в состав которого входило девять министров: финансовых, военного, светских и шариатских судов, внутренних и иностранных дел, образования, торговли и сельского хозяйства. Министры назначались и сменялись премьер-министром. Шах только формально утверждал его представления. Министры были ответственны только перед садр-азамом, они представляли ему отчеты о деятельности своих министерств. О наиболее важных делах премьер-министр лично докладывал шаху.

Каждый министр имел определенную сферу деятельности, утвержденный штат сотрудников. Он не имел права без разрешения садр-азама уволить никого из своих сотрудников или понизить их в должности. Жалование выплачивалось чиновнику за занимаемую им должность, а не за то место, которое он занимал при шахском дворе. Хусейн-хан пытался отказаться от системы выплаты пенсий высшим чиновникам и принцам, которая была принята при шахском дворе. Кабинет министров был скопирован с европейской модели и полностью соответствовал идеи Мальком-хана, разработанной в его работах. Значительная часть декрета о создании кабинета министров Хусейн-хана слово в слово повторяла соответствующий раздел из книги Мальком-хана «Кетабча йе Чайби»¹⁴.

Административные реформы натолкнулись на сильную оппозицию окружения шаха, высшей правительственной бюрократии и духовенства. Ослабление своего влияние в механизме управления страной не устраивало и самого Насер эд-Дин шаха. Они воспользовались предоставлением в 1872 году концессии английскому подданному Ю. Рейтеру на железнодорожное строительство и эксплуатацию природных богатств Ирана и обвинили садр-азама в получении взятки от концессионера. Концессия Рейтера вызвала взрыв недовольства в стране, так как — по признанию самих англичан — представляла «небывалый и самый экстраординарный шаг продажи всех богатств государства иностранцам»¹⁵.

В сентябре 1873 г. шах согласился на отставку миры Хусейн-хана. Посредством отставки премьер-министра ему удалось несколько ослабить недовольство, вызванное концессией Рейтера. В декабре 1873 года шах был вынужден отменить концессию¹⁶. После смешения Хусейн-хана, несмотря на внутреннюю оппозицию, шах продолжал реализацию административных изменений, начатых садр-азамом. Он произвел несколько реорганизаций в административной системе, вслед за Хусейн-ханом стремился разделить функции государственных учреждений и их ответственность перед правительством. Но все его усилия оказались тщетными. Объяснялось это, с одной стороны, стремлением шаха к полной авторитарии, которая отрицательно сказывалась на деятельности министров и государственных учреждений; с другой стороны, сопротивлением самих министров и высших государственных чиновников, которые видели в реорганизации управления угрозу своему влиянию и власти¹⁷.

Но уже через год, испытывая тяжелые финансовые затруднения, Насер эд-дин шах вновь обращается к услугам Хусейн-хана. Опасаясь сосредоточения большой власти в руках садр-азама, шах разделил всю административную власть в стране между двумя государственными деятелями — Хусейн-ханом Мошир од-Доуле и Мостоуфи оль-Мемалеком. В руках миранзы Хусейн-хана сосредоточилось управление внешнеэкономическими делами государства: он руководил министерством иностранных дел и военным, а также осуществлял управление провинциями Фарс и Хорасан. Мостоуфи оль-Мемалек распоряжался внутренними делами страны, в его руках были министерство финансов и внутренних дел, а также он отвечал за министерства юстиции, общественных работ, торговли, таможен¹⁸. Мостоуфи оль-Мемалек являлся ставленником консервативных придворных кругов, он выступал против проповедования каких-либо реформ в стране.

Назначая на высшие административные посты таких противоположно мыслящих людей, шах шел на определенный компромисс. С одной стороны, он надеялся удовлетворить консервативную оппозицию, с другой, в какой-то степени хотел продолжить проведение реформ. Кроме того, этим назначением рассчитывал ограничить власть и того, и другого. Однако, на практике этот компромисс ничего не дал. Соперничество двух государственных деятелей, их борьба за власть и влияние разделили весь государственный аппарат на два враждующих лагеря. Взаимная подозрительность, постоянные споры, доносы и т. д. ослабляли центральный аппарат, мешали его работе¹⁹.

Мошир од-Доуле уже не выступал с программой реформ, как это было раньше, все его начинания встречали отпор у консервативной оппозиции. Он пытался реорганизовать работу правительства, привлечь административные Советы, образованные в провинциях, к контролю за сбором налогов, поставить под наблюдение правительства деятельность религиозных судов, но эти проекты, встретив оппозицию духовенства и придворной знати, не были осуществлены. В экономической области попытки реформ с целью вывести страну из состояния застоя путем создания банка, поощрения промышленного развития и торговли также не имели успеха. Единственным достижением миранзы Хусейн-хана было установление в Иране современной почтовой связи, в области культуры — газового освещения на улицах Тегерана. Он начал издание правительственной газеты «Иран»²⁰.

В 1880 году шах под влиянием оппозиции, обвинившей мирзу Хусейн-хана в присвоении денежных средств, выделенных для армии, окончательно дал Хусейн-хану отставку со всех высших постов в правительстве, назначив его губернатором Казвина. В 1881 году мирана Хусейн-хан умер.

Характерной особенностью реформаторской деятельности мирзы Хусейн-хана являлась его двойственность. С одной стороны, в его реформах присутствовал элемент нового, было стремление модернизировать государственно-правовую систему Ирана; с другой, все они облекались в традиционную старую форму шариатских законов, которая снижала их практическое значение. При этом старые традиционные государственно-социальные нормы были давлеющими. В осуществлении задуманных реформ мирза Хусейн-хан столкнулся со многими непреодолимыми трудностями — оппозицией духовенства, высшей придворной бюрократией, иностранным капиталом, сложностями финансирования проектов, малым количеством его сторонников, на которых он мог опереться. Но несмотря на все это, реформаторская деятельность Хусейн-хана, его идеи в развитии иранской истории имели большое положительное значение, они проникали в национальное сознание, приобретали силу и способствовали разрушению старой консервативной государственной системы.

Деятельность мирзы Хусейн-хана была одной из последних попыток прогрессивных сил Ирана повлиять на социально-экономическое и политическое развитие страны путем проведения реформ. Но в конце XIX века был еще один всплеск реформаторской деятельности уже самого шаха Насер эд-дина. В 1888 г. шах подписал фирман (указ) об охране жизни и имущества и о свободе промышленной и торговой деятельности, в котором говорилось о том, что «все подданные считаются свободными и полноправными в отношении своей личности и имущества и без всякого страха и опасения могут располагать своим имуществом, составлять общие капиталы, организовывать компании для устройства фабрик и заводов, постройки дорог и вообще всякого рода предприятий, имеющих целью распространение цивилизации и увеличения благосостояния», и что никто не может вмешиваться в имущественные и личные дела, наказывать людей без решения гражданского или духовного суда»²¹.

Этот фирман был уступкой шаха зарождавшейся национальной буржуазии, деятельность которой тормозилась воющим беззаконием, царившим в Иране. Еще более о но-

вых веяниях, появившихся в Иране, свидетельствует правильственное распоряжение за подписью министра иностранных дел Ирана от 29 мая 1888 г. о запрещении «всем иранским подданным и купцам... закладывать, продаивать, а также сдавать в аренду иностранным подданным имения, бани, караван-сараи, лавки, дома, водопроводы, фундук и коли, находящиеся в пределах Ирана»²². Этот документ выявлял то, что в Иране уже получили сравнительно широкое распространение продажа, заклад и сдача в аренду земель и предприятий. И это вело к дезорганизации хозяйства, к путанице во время судебных разбирательств, к многочисленным конфликтам с иностранными гражданами, консульствами и миссиями. Кроме того в этом же распоряжении указывалось на недопустимость в расчетах с иностранцами передавать в собственность иностранных граждан в счет уплаты долга получаемые от государства жалования и пенсии, как это обычно практиковалось в Иране между своими подданными. В этих двух документах прослеживается определенная взаимосвязь и в то же время некоторое противоречие. С одной стороны, шах декларирует свободу действий своих подданных, провозглашает буржуазный принцип свободы личности и имущества; с другой, давая концессии иностранцам, разбазаривая национальные богатства, иранское правительство пыталось ограничить или запретить переход земель, торговых предприятий и проч. в руки иностранцев. Но процесс этот шел и был уже необратим. Запрещения иранских властей легко можно было обходить, прибегая к услугам подставных лиц, иранских подданных.

Как некую протекционистскую меру можно рассматривать и постановление об ограничении плавания иностранных судов по реке Карун выше Ахавской плотины, где право плавания «принадлежит исключительно пароходам и парусным судам, принадлежащим персидскому правительству и его подданным», изданное иранским правительством также в 1888 г.²³ Но это были все полумеры. Иран был уже связан с капиталистическим миром и не мог остановиться в своем поступательном движении.

В последние годы своей жизни Насер эд-Дин шах полностью подпал под влияние консервативных придворных кругов, окружил себя безынициативными, корыстолюбивыми приближенными, которые являлись яростными противниками каких-либо реформ. В эти годы авторитет центрального правительства заметно упал. Большая часть управления страной

была изъята из шахского контроля. Многие доходные операции правительства оказались в руках иностранных монополий. На местах усилилась децентрализация, доходы из провинций почти не попадали в центр²⁴.

Подводя итоги, можно констатировать, что социально-экономическое и политическое развитие Ирана во второй половине XIX века свидетельствовало о том, что в стране назрела объективная необходимость проведения реформ, призванных приспособить страну к новым социально-экономическим условиям, складывающимся под воздействием проникновения в Иран иностранного капитализма. В то же время проявилось, что иранское общество в своей массе было не готово к восприятию реформ, выявились определенная узость социальной базы реформ, которые не получили достаточно широкой поддержки в стране. Но идеи, заложенные в реформах, способствовали развитию прогрессивной общественной мысли в Иране, получившей свое яркое воплощение в конституционном движении 1905—1911 годов.

Примечания

¹ Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983, с. 97.

² Рустем М. Персия при Наср-Эддин-шахе (с 1882 по 1888 гг.). СПб., 1897, с. 73.

³ Подробно о реформах Таги-хана см.: Анаркулова Д. М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX в. М., 1983.

⁴ Кузнецова Н. А. Указ. изд., с. 234.

⁵ Анаркулова Д. М. Указ. изд., с. 55—57.

⁶ Там же, с. 129—130.

⁷ Bakhash Sh. Iran: Monarchy, bureaucracy. Reform under the Qajars: 1858—1896. L., 1978, с. 77—80.

⁸ Keddie N. R. Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891—1892. L., 1966, с. 27—29.

⁹ Анаркулова Д. М. Общественно-политическая деятельность Мальком-хана. Душанбе, 1984, с. 83—84.

¹⁰ Nashat G. The origins of modern reform in Iran, 1870—1880. Illinois, 1982, с. 25—30.

¹¹ Ibid., с. 72—73.

¹² Ibid., с. 54.

¹³ Ibid., с. 60.

¹⁴ Ibid., с. 52—54, 97.

¹⁵ Curson G. Persia and the Persian Question. L., 1892, с. 614.

- ¹⁶ Кулагина. Экспансия английского империализма в Иране. М., 1981, с. 25—26.
- ¹⁷ Bakhsh Sh. Указ. соч., с. 185.
- ¹⁸ Ibid., с. 190—193.
- ¹⁹ Ibid., с. 141.
- ²⁰ Nashat G. Указ. изд., с. 114.
- ²¹ АВПРИ, ф. Миссия в Персии, 1888 г., д. 1813, л. 38—39.
- ²² Там же, л. 43.
- ²³ Там же, л. 67.
- ²⁴ Bakhsh Sh. Указ. соч., с. 292.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИРАНА

Иранский опыт экономической модернизации оказался одним из самых своеобразных на Востоке, вовлек в себя и «белую», и «исламскую» революции. Нельзя не видеть в этом влияния созданной в процессе длительного исторического развития экономической системы, способной еще в начале XIX в. обеспечивать активный баланс в торговле с европейскими странами готовыми изделиями¹, воздействия на начальных этапах проникновения в Иран различного по видам капитализма Англии и России.

Процесс экономической модернизации, включающий в себя совершенствование не только производительных сил, но и производственных отношений, оказался наиболее труден в отношении последних, оказавшихся более устойчивым компонентом традиционной иранской экономики, тесно связанным с религиозными, культурными и бытовыми особенностями иранского общества. И хотя осознание экономического пре-восходства европейских стран совершенно отчетливо произошло уже в начале XIX в., проблема модернизации путем использования европейских форм организации экономического порядка разрешалась в процессе ожесточенной социально-политической и идеологической борьбы между сторонниками почти безоговорочного подражания западным образцам организации общества и столь же яростными защитниками национальных традиций, вплоть до осуществления идей автаркии. Наиболее ярким выражением соприкосновения в середине XIX в. иранской социально-политической системы, достигшей в своем развитии достаточно высокого уровня, и молодой, набирающей силу, формационной системы Запада стали байдские восстания и реформы Таги-хана. Несмотря на разгром движения, одним из его главных последствий стало то, что оно зародило осознание необходимости институтов личной неприкосновенности и частной собственности. По мнению

некоторых иранских ученых, движение бабидов оказало значительное влияние на восприятие Ираном необходимости присоединиться к европейскому типу развития². Особенно важную веху в экономической истории Ирана сыграли реформы Таги-хана, который став в 1848 г. первым министром Насер эд-Дин шаха, смог за три года своей реформаторской деятельности оставить незабываемый след в истории и памяти народа. Проведение реформ он начал под несомненным влиянием турецких реформ Танзимата, в свою очередь вызванных необходимостью адаптации восточного общества к европейским влияниям. Это была попытка ускорить экономическое развитие Ирана путем внедрения капиталистических форм предпринимательства, использования технических достижений европейских стран на государственных, частных предприятиях, и одновременно создания системы защиты национальных форм промышленности торговли, которые, по убеждению реформатора, в это время еще не исчерпали своих потенциальных возможностей для развития или усвоения западного опыта³. Падение Мирзы Таги-хана, которое фактически означало отказ от дальнейшего углубления реформ, объяснялось многими причинами, в том числе вмешательством соперничающих в Иране держав, а главное — неподготовленностью иранского общества к их восприятию. Иранская система все более и более стала обнаруживать свою неспособность к ускорению развития на самостоятельной основе, а освоение элементов нового капиталистического порядка приобрело крайне затяжной характер. Уже в конце XIX в. болезненное национальное чувство отсталости и необходимости использования западных принципов экономического развития нашло компромисс в признании лишь технико-финансового превосходства Запада, не подвергая при этом сомнению приоритет собственно иранских культурных, а главное — религиозных ценностей, что отчетливо проявилось в воззрениях Мальком-хана. В современном Иране подобное представление о модернизации как заимствовании лишь технических достижений Запада нашло свое отражение в концепциях идеологов исламского режима.

Сам процесс модернизации шел не постепенно, а скачкообразно. И это может служить подтверждением тому, что сам процесс и уровень развития зависел, главным образом, от объемов вносимых элементов нового мирового порядка, а также от структуры этих элементов, одни из которых сразу могли прижиться на иранской почве и дать результаты, а другие нет.

В условиях сохраняющегося государственного суверенитета большую роль при этом имела политика центральной власти. С приходом в 20-х годах к власти новой династии Пехлеви произошел скачок в процессе модернизации страны, главными составляющими которой явились национализм и государственный капитализм.

Уже первые годы правления Реза-шаха произвели ошеломляющее впечатление на современников, главным образом, из-за массовости и скорости привнесения в иранское общество элементов европейской цивилизации и капиталистических форм хозяйствования. Силой подавив сепаратистские движения и добившись концентрации в своих руках силы государственной власти, Реза-шах создал современную экономическую и социальную инфраструктуру, обращая особое внимание на расширение светского образования, внедрение европейских норм поведения и быта, ввел нормы буржуазного права, которые подготовили отмену в 1928 г. капитуляционного режима, юридически подтвердившего равный подход к понятию права, свободы личности и собственности в Иране и в европейских странах. Была сделана попытка прорыва в процессе модернизации, которая требовала комплексного заимствования новых форм организации хозяйства и общества. Необходимо было наращивать производительные силы и менять менталитет общества с тем, чтобы оно могло воспринять и использовать эти производительные силы. Отличительной особенностью этого периода модернизации, ориентированного на привнесение западного опыта, стало ограничение связей с мировым хозяйством лишь торговыми. Следуя принципам национализма, правительство Реза-шаха отказалось от привлечения внешних займов, а выдвигавшиеся Ираном условия использования иностранных инвестиций фактически преградили им путь в страну. Конечно, продолжала действовать Anglo-Iранская Нефтяная Компания, но эволюция ее капитала и его строения практически не влияли на формирование современных форм предпринимательства, так как развитие нефтяной промышленности в Иране носило настолько анклавный характер, что даже вблизи нефтепромыслов не возникало никаких сопутствующих национальных производств. Тем не менее, влияние АИНК на развитие страны, в том числе на процессы модернизации, были велики, так как за счет концессионных платежей осуществлялось техническое и организационное переоснащение армии, и частично были профинансированы работы по завершению строительства Трансиран-

ской железной додоги. Кроме того, на предприятиях АИНК работали тысячи иранских рабочих, инженеров и служащих, приобретая мировоззрение работников капиталистически организованных форм производства.

Следующим этапом модернизации экономики, явно ориентированным на прямое замствование опыта развитых капиталистических стран, особенно США, стал период «белой революции» (60—70-е гг.), или «революции шаха и народа». Главным фактором трансформации иранской экономики в более или менее однородное экономическое пространство стала аграрная реформа, а высокие темпы роста и экономического развития базировались на проводимой индустриализации. Реформы шахского периода в целом были направлены на подрыв традиционных институтов социально-общественной жизни, на быстрейшее внедрение современных форм хозяйствования, особенно со второй половины 70-х годов, когда в результате резкого повышения доходов от нефти Иран стал закупать не только наиболее качественные изделия, но и промышленные предприятия «под ключ». Привлекая в страну иностранные инвестиции, увеличивая финансовые возможности государственного сектора как крупнейшего предпринимателя страны, Иран превратился в 70-е годы в один из полигонов новых мировых технологий и производства, эффективность которых еще не была выявлена в странах, их поставлявших.

В начальный период реформ индустриализация и рост крупных современных производств стимулировали появление мелкого промышленного предпринимательства, а трансформация традиционных производств не выходила за рамки допустимой социальной напряженности. Хотя структура мелкого предпринимательства изменилась, но численность его значительно увеличилась — с 1974/65 г. по 1972/73 г. — более чем в два раза. Однако уже в первой половине 70-х гг. происходит резкая трансформация мелкой промышленности, обеспечивавшей большую часть занятости. Буквально за какие-то 3—4 года после 1972/73 г. оказывается сведенным на нет участие мелких форм хозяйства в процессах производственного инвестирования, а число мелких городских промышленных предприятий вновь возвращается в 1976/77 г. к уровню десятилетней давности. Такое быстрое сокращение более чем на 40% от числа оставшихся не могло не стать фактором, дестабилизирующим социальную ситуацию.

Шахская политика модернизации экономики смогла обеспечить высокие темпы роста всех отраслей. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1967/68 — 1976/77 гг. составили 10,8%, в том числе обрабатывающей промышленности — 12,8%⁴. Национальный доход в расчете на душу населения за 10 лет реформы — с 1962/63 г. по 1972/73 г. — увеличился со 172 долл. до 457 долл., а в 1977/78 г. — до 2020 долл. Однако углублявшаяся неравномерность в распределении доходов, вымывание мелкого и среднего предпринимательства, особенно из-за быстро монополизирующегося рынка, оказавшегося в руках немногих торгово-промышленных государственных и частных групп, тесно связанных с иностранным капиталом, чрезмерное вмешательство государства в экономику, включая ценообразование, вызвали нарастание негативных процессов. Темпы роста национального продукта снизились, стала нарастиать инфляция, появился «черный рынок», росли спекуляция, коррупция и взяточничество. Ускоренное развитие капитализма, обеспеченное на начальных этапах авторитарностью власти, через полтора десятка лет сплотнулось об эту авторитарность. Невиданная концентрация политической и экономической власти в руках шахской семьи и немногих монопольных групп, их тесная связь с иностранным капиталом и чрезвычайно высокий уровень сложившейся зависимости иранского потребительского, а главное — производственного рынка от поставок из развитых стран — вызвали растущее недовольство шахской моделью модернизации страны, которая была разрушена революцией 1978—1979 гг. Массовость антишахского движения, его отчетливая антизападная направленность, несмотря на очевидные для всего мира достижения в экономическом росте, показала, что в конкретных условиях 60—70-х гг. применение технологий и методик западной экономической и особенно социальной практики не дали ожидаемого результата. Если доминирующая в иранском обществе система ценностей еще в 60-е годы не противоречила в целом направленности социально-экономического развития, то к концу 70-х гг. опорой бюрократически-монополизированного иранского капитализма стали социальные приоритеты, которые не смогли занять доминирующих позиций в обществе.

С точки зрения институциональной теории, ориентированной в значительной мере на развивающиеся страны, исламскому режиму удалось для стабилизации созданной им социально-общественной системы учесть влияние человеческого

фактора, взаимосвязь между чисто экономическими и социально-институциональными факторами. Многие из положений ислама, касающихся взглядов на государство и экономику, обеспечивали легитимность нового порядка. В систему исламских ориентиров вписывались и такие человеческие качества, присущие иранцам и оказывавшие непосредственное влияние на экономическое развитие, как привычка к патернализму, склонность к фанатизму, к поиску внешних врагов как источнику бед, мифологизированность сознания.

Кроме попыток полнее использовать традиции и религиозный фактор, исламский режим за первое десятилетие своего существования не привнес сколько-нибудь принципиально иных, по сравнению с прошедшим историческим периодом, факторов в процесс модернизации производственных сил, в возможность повышения качества жизни общества. Даже наборот, жизненный уровень населения снижался, особенно по сравнению со странами, вставшими на путь применения рыночных моделей капиталистического развития. Промышленное производство падало, зависимость страны от продажи нефти на мировом рынке не ослабевала.

Но этот отрицательный результат можно расценить и как позитивный, с точки зрения осмыслиения правительственными кругами истинного положения Ирана в мировом хозяйстве и его возможности к саморазвитию. Что имеется при этом в виду?

Сторонники исламского режима считали, что смена политического режима, ориентированного на западный капитал, сможет сделать страну экономически независимой — и с точки зрения нефтяной промышленности, и с точки зрения влияния иностранного капитала на внутренний рынок. Кроме того, хотя шах утверждал, что благодаря его реформам Иран модернируется ни по западному, ни по советскому варианту, а по собственному — третьему, иранское общество воспринимало созданную шахом узкомонополизированную экономическую модель как западный капитализм, неадекватный в целом интересам иранского общества.

Проведя национализацию и «сняв» слой бюрократически-монополизированной верхушки, национализировав нефтяную промышленность и значительно ограничив связь с мировым капиталистическим рынком, теоретики «тоухидной экономики» считали, что этим самым снимутся помехи для саморазвития иранской экономики на базе «здравой конкуренции» всех видов собственности.

В течение первого десятилетия существования режима ясно обозначилась чрезмерная зависимость от нефти. И не только как источника валютных поступлений, но и бюджетных средств. Конечно, иранская экономика не носит столь рентного характера, как некоторые другие нефтедобывающие страны. Тем не менее фискальная политика, как один из важнейших регуляторов современного хозяйствования и одна из составляющих успеха экономической модернизации, из-за нефтяных поступлений не играла сколько-нибудь значительной роли. Исламский режим не внес ничего нового в развитие фискальной системы.

Опыт десятилетнего развития выявили также, что сложившаяся за годы шахского режима зависимость иранской экономики от мирового рынка достигла такого уровня, что резкий отрыв от него угрожал не просто сбоями в развитии, но и стагнацией экономики, особенно промышленных отраслей. А условий технологического «прорыва» или даже случайного шанса для такого прорыва исламская экономика не дала. Стало очевидным, по крайней мере в отношении современных отраслей производства (а остальные отрасли оказались способны лишь на самоподдерживающий рост), что масштабированное перенесение в 60—70-е гг. технологий из развитых стран и строительство иностранными фирмами промышленных предприятий не обеспечило в дальнейшем его самостоятельного развития. Иранская промышленность, во всяком случае, в том технологическом и отраслевом наборе, какой был создан в 60—70-е гг., могла качественно функционировать лишь в рамках мировой производственной системы.

Более того, пока иранская экономика пыталась выйти из-под влияния ТНК, последние стали внедрять в другие страны уже более передовые технологии, и ряд ведущих иранских отраслей, в том числе электроника, потеряли свою значимость с точки зрения современного спроса. Таким образом, уникальная возможность сравнить Иран 70-х гг., когда он был полигоном передовых технологий, и 80-х гг., с его попытками саморазвития, позволяет выявить тенденции модернизации иранского общества как восточного общества. Получается, что капитализм нужно встраивать для каждой страны в определенном наборе элементов, которые могут сделать экономическое развитие поступательным. Стало очевидным преимущество стран, избравших не импортзамещающий, как Иран, а экспорт ориентированный тип индустриализации, который в большей степени обеспечивал превращение зависи-

мости от мирового рынка во взаимозависимость. Даже различие в региональном наборе отраслей создавало разные возможности для дальнейшего развития. Так, строительство государственным и частным сектором современных предприятий оказалось более успешным в процессе создания Тегеранской агломерации, а набор отраслей Тебризской агломерации менее успешен с точки зрения ее дальнейшего саморазвития.

Обособившись от мирового рынка, Иран не только не усилил свою самостоятельность, а стал терять свой экономический потенциал. ВВП падал; еще более значительно — в 3—4 раза в условиях увеличения темпов прироста населения — упали размеры валового продукта на душу населения⁵.

Безусловным достижением режима, с точки зрения модернизации социально-экономической жизни, стала его деятельность по развитию сельской инфраструктуры, включая строительство дорог, аэропортов, жилищ, газификацию, электрификацию, развитие средств связи. Был повышен уровень грамотности — с 49 % до 74 %, в т. ч. в городах — с 67 % до 82 %. Режим широкого финансировал геолого-изыскательские работы, позволившие увеличить роль природных факторов в развитии ранее отсталых регионов. Этим были подготовлены условия для следующего витка модернизации экономики и общества. Этот следующий виток — реформы правительства Рафсанджани.

В основе новой экономической политики лежит постепенное разгосударствление экономики и ее либерализация. Набор элементов политики либерализации практически одинаков с другими странами, переходящими к рыночной модели развития. Это — приватизация, усиление роли фискальной политики, либерализация внутренней и внешней торговли, отмена дотаций на продовольствие и государственному сектору, рыночное ценообразование. Это, так сказать, средства, а цель — ускорить экономическое развитие с тем, чтобы способствовать созданию «идеального» общества, которое, «с точки зрения мусульман, сравнимо с критериями современного развитого общества». Свой новый курс Рафсанджани воспринимал именно как средство приблизиться к «каравану цивилизации», говоря его словами, что «в тот исторический период, когда мир после эпохи Ренессанса шел по пути прогресса, иранские правительства не исполняли свои обязанности должным образом, а потому отстали от каравана цивилизации»⁶.

Можно согласиться с иранским определением революции 1978—1979 гг. как цивилизационной⁷, если считать новым цивилизационным витком именно современное капиталистическое общество. Но в программе либерализации экономики, помимо набора инструментов, которые обеспечили бы переход к рыночной экономике, должны присутствовать и такие стратегические ориентиры, которые бы стали стимулами внутреннего развития и конкурентноспособного развития в рамках мировой системы. Эти направления экономической политики, хотя непосредственно не являются элементами либерализации экономики, но органически связаны с ней и смогут сделать переход к рыночной экономике необратимым.

Одним из таких направлений является политика привлечения иностранного капитала, разрешающая участие до 50% в совместных компаниях. Правительство за счет государственной собственности обеспечивает гарантии иностранному капиталу, который направляется в строительство дорог, мостов, нефтепроводов, экспортные отрасли обрабатывающей промышленности. Это один из главных факторов модернизации, а также повышения роли иранского частного сектора, долю которого в иранской экономике предлагается поднять за период второго пятилетнего плана, т. е. к концу века с 25% до 40—50%.

Новым направлением экономической политики является стремление повысить качество социальной и экономической инфраструктуры, особенно информационных систем. Очевидно стремление к созданию однотипного по качеству экономического пространства и управления, к формированию современной структуре спроса.

Еще одним направлением является переход к экспорт-ориентированной экономике. Уже достигнутый уровень либерализации иранской экономики позволил установить возможный набор таких отраслей, так как многие из созданных при шахском режиме производств без государственных вливаний в виде дешевых валютных средств, электроэнергии обнаружили свою неконкурентноспособность. Поэтому сейчас наиболее конкурентными и экспорториентированными отраслями станут энергетика, нефтехимия, производство химических удобрений. Причем стратегическим направлением экономической политики является не просто повышение ненефтяного экспорта и экспорториентированных производств, а развитие обрабатывающей экспортной промышленности. И это сознательный выбор иранского режима не только с точки зрения

экономической эффективности. Иранские сторонники либерализации считают, что ориентация на сырьевые отрасли, находящиеся в руках госсектора, объективно склоняют экономику к ее централизации; сырьевая экономика — это, как правило, протекционистская экономика. Доходы от экспорта сырьевых отраслей, особенно в исламской системе, поступают непосредственно в руки государства. Ориентация же на обрабатывающую промышленность может сделать процесс либерализации необратимым.

Важную роль в осуществлении нового витка модернизации может сыграть создание свободных экономических зон. Так как капитализм, несмотря на долгий путь его развития в Иране, продолжает переноситься, главным образом, определенными сегментами, что порождает трудности адаптации, экономические зоны являются наиболее безболезненной формой анклавного развития. При существующем в Иране сильном идеологическом противодействии экономическим реформам принятая программа создания свободных экономических зон также может стать стимулом как внутреннего развития, где национальный и иностранный капитал взаимодействуют в условиях свободной конкуренции, так и повышения конкурентоспособности Ирана на мировом рынке. Собственность иностранных инвесторов может составлять 100% капитала компаний, банки действуют, даже если они образованы иранцами, без исламских ограничений. Все предприятия освобождаются от налогов на 15 лет. Именно здесь могут выявиться те условные факторы, которые смогли бы повысить конкурентоспособность Ирана, выявить нужные мировому хозяйству отрасли, выработать стратегию фирм и т. п., т. е. всего того, что составляет набор «конкурентного ромба» М. Портера⁸. И это принесло свои результаты, т. к. к 1996 г. подано заявок от иностранных инвесторов на 5 млрд. долл., которые они готовы вложить в электростанции, нефтехимию, сталелитейные комплексы, гостиничную индустрию.

Движение иранской экономики, таким образом, находится в русле общемировой тенденции, хотя Иран в своем переходе к либерализованной экономике фактически приходит к созданию «смешанной экономики» в ее европейском понимании. Сохраняется и мощный государственный сектор, и государственное вмешательство в экономику. Достигнутое в иранском обществе хрупкое равновесие между сторонниками и противниками реформ в значительной мере опирается на возможности государственного сектора использовать рыночные методы

хозяйствования для своего развития, сохранив тем самым основные экономические рычаги в руках исламского государства. Сторонники рыночных реформ считают, что Иран движется по пути создания собственной рыночной модели развития, отличной от американской, немецкой, японской и других, и для него необходимо создание такой экономической модели, которая бы обеспечивала функционирование и рыночных механизмов, и государственного контроля за экономикой⁹. В этом взгляде на экономическую политику 90-х гг. можно увидеть и осознание собственной вторичности стадиального уровня, достигнутого в центрах мирового капиталистического хозяйства, и поиск возможностей развития преимущественно на иранской основе, т. е. своего «иранского капитализма», в котором огромную роль будет играть государственный протекционизм в самых различных формах. Такое видение дальнейшей модернизации иранского общества не противоречит исламским взглядам на экономику и положениям Конституции, давая возможность экономически и психологически подготовить иранское общество к освоению научно-технических достижений, используя собственные природные и человеческие ресурсы, создать такую структуру хозяйственного устройства, которая окажется способной к инновационным процессам на национальной основе.

Примечания

¹ Вывоз в Западную Европу иранских готовых изделий в начале XIX в. превышал вывоз в 6,5 раза. Расчет на основе данных о торговле через Трапезунд, приведенных в «The Economic History of Iran. 1800—1914», с. 132.

² Нури З. Аргаме шайтан. Тебриз, 1950, с. 40.

³ Внимание к использованию национальных традиций, акцент в экономической деятельности на государственном секторе, в рамках которого создавались первые в стране модернизированные, оснащенные европейским оборудованием и наемной рабочей силой предприятия, объясняет интерес к Мирзе Таги-хану современных лидеров исламского режима. Еще в 60-х годах Али Хашеми-Рафсанджани была написана книга «Амире Кабир юахрамане мобарезе ба эстемар».

⁴ Расчет по: «Сальнаме-е амарне кешвар сале 2536», с. 658.

⁵ Из-за различного курса риала ВВП на душу населения оценивается по-разному. По компенсационному курсу Центрального банка в 1987 г. он составлял 528 долл. В 1989 г., по оценке журнала «Хафте наме» — 1540 долл.

⁶ Третий взгляд. 1996, № 37, с. 10.

⁷ Фаршид ~~Хаким~~. Как кому видится Исламская революция. — Азия и Африка сегодня, 1994, № 8—9, с. 61.

⁸ Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. N. Y. 1990, с. 69—178.

⁹ Третий взгляд. 1995, № 35, с. 23.

ИРАН: МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОСЛЕ ШАХА?

Прежде чем говорить о модернизации в Иране в шахский период и после свержения монархии в 1979 г., очевидно, надо сказать несколько слов о модернизации вообще.

Прежде всего — о самом термине «модернизация». Этот термин, разумеется, западного происхождения. Несмотря на то, что в персидском языке существуют эквивалентные термины, они тем не менее малоупотребимы в сравнении с калькой с французского «moderner» (обновлять, модернизировать) — «модернизе кардан». Хотя все они переводятся на русский язык как «современивание», «обновление». Интересно, что в персидском языке понятия «модернизация» и «модернизировать» обозначаются одним и тем же словом, т. е. на лингвистическом уровне модернизация воспринимается как процесс внешнего воздействия на общество (чего нет в русском языке, к примеру). В этой связи отметим другую интересную, на наш взгляд, особенность восприятия иранцами, опять же на лингвистическом уровне, проблему реформ, которые непосредственно связаны с модернизацией и являются неотъемлемой частью этого процесса. В данном случае более широко употребляется персидский термин «эслахат», нежели европейский — «реформа». Суть персидского «эслахат» значительно отличается от европейского варианта. Если у европейцев слово «реформа» означает преобразование, изменение, переустройство чего-либо, то «эслахат» у иранцев значит исправления, улучшения, усовершенствования, т. е. скорее всего процесс исправления общества, возврата к естественному пути развития, от которого люди периодически отклоняются. Поверхностный анализ употребления и восприятия в Иране двух терминов — «модернизация» и «реформа» приведен здесь с единственной целью: обратить внимание читателей, что столь широко распространенные на Западе и в России многие научные термины в странах Востока не всегда имеют

свои национальные эквиваленты. Это вызвано не только спецификой исторического развития этих стран, где многие процессы, определяемые европейской терминологией, либо вообще отсутствовали, либо протекали и развиваются сейчас иначе, чем в Европе, а тем более в Америке. Потому вполне естественно, что различие в отношениях к модернизации и реформам между европейцами и иранцами наблюдается уже на терминологическом, культурно-языковом уровне, а следовательно и в какой-то мере -- на уровне этно-психологическом.

Каждый народ по-своему понимает свое место и роль в истории (свою историческую миссию, если угодно). Причем это понимание меняется в зависимости от этапов его развития, культурно-исторического наследия, состояния мирового сообщества и т. д. Чем древнее и богаче историческое прошлое, тем в большей степени народ (и его руководство) стремится, при определенных условиях, к возрождению былой славы, международного признания или даже гегемонизма пусть даже на региональном уровне. Особенно это свойственно странам с невысоким уровнем социально-экономического развития и относительно сильным воздействием на них внешних факторов, к которым можно отнести и иностранное присутствие в различных его формах. Естественно, что такие государства (хотя и не только они) стремятся преодолеть свою социально-экономическую отсталость и ослабить зависимость от внешних факторов, используя опыт, накопленный так называемыми «передовыми странами», к которым в настящее время относят прежде всего страны Запада, США, Японию, и которые можно во многих аспектах рассматривать как образцы для подражания. Например, с точки зрения их международного авторитета, экономической и военной мощи, уровня жизни населения и существующих программ социального обеспечения и т. п. Собственно использование опыта развития стран Запада для преодоления отставания от них можно рассматривать и как процесс модернизации в самом общем его смысле. В разное время использовался и различный опыт. Если сначала модернизация предполагала прежде всего индустриализацию общества с соответствующими изменениями в его социальной структуре, традиционных институтах, административно-управленческом аппарате и т. п., то позднее более важным становится использование передовых технологий для построения современного государства, с точки зрения его экономической и военной мощи прежде всего.

Таким образом, можно в более узком смысле определить модернизацию на Востоке как процесс перенесения западных идей, материализованных, в первую очередь, в передовых технологиях на местную почву. Конечно, нельзя считать, что модернизация предполагает неизбежное повторение западного опыта и механическое перенесение его в ту или иную страну. Тем не менее, модернизация на Востоке — это приспособление к западной модели развития, приспособление общества к западным стандартам. Прежде всего в области экономики. Однако при этом неизбежно затрагивается система традиционных институтов и ценностей, которые претерпевают исчезновение. Модернизация, естественно, сопровождается изменениями в той или иной степени, либо даже обречена на разрушение каких-то старых форм, иначе это не модернизация, не «обновление». Вместе с тем она не исключает сохранение и использование прежних форм организации общества, наполняя некоторые из них новым содержанием. В Иране, в частности, это характерно и для шахского и послешахского периодов.

Направление модернизации, ее характер, масштабы и формы определяются как внутренними потребностями страны и интересами правящих элит, так и интересами внешних сил, в том числе и транснациональных корпораций, способных поощрять развитие данного процесса или тормозить его.

Во времена шахов династии Пехлеви (1925—1979 гг.) руководство Ирана, несомненно, проводило политику модернизации страны, которая по-разному воспринималась различными социальными слоями и политическими силами внутри страны и промышленно развитыми странами мира в зависимости от конкретной исторической ситуации. Для нас в данный момент представляется интерес правление последнего шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви когда в начале 60-х годов он провозгласил начало «белой революции», т. е. революции мирной и бескровной, которая однако и началась не без кровопролития, и кровью завершилась, зайдя в тупик.

«Белая революция», или «революция шаха и народа», а проще — программа модернизации Ирана — была задумана как средство разрешения внутренних противоречий, которые неоднократно (в 50-е годы и в начале 60-х годов) приводили страну к кризисным ситуациям. Конечно, модернизация Ирана в тот период была вызвана объективной исторической потребностью перехода страны к более высокому уровню развития, но далеко не последнюю роль здесь сыграли и инте-

ресы США, которые не просто порекомендовали шаху программу реформ, но и оказали давление на монарха, поскольку были не менее шаха заинтересованы в стабилизации политической обстановки и в предотвращении революционных катаклизмов в этой стране. Шах, находившийся под жестким контролем США и их спецслужб, был вынужден согласиться с требованиями своих хозяев.

Заинтересованность США в стабильном и достаточно сильном Иране объяснялась, разумеется, как его нефтяными богатствами, так и теми задачами, которые возлагали на шахский режим страны Запада и США: защита политико-экономических интересов США в районе Персидского залива, особенно после ухода оттуда Великобритании (в 1967 г.), к которому американцы готовились заранее. При этом они, по признанию ответственных лиц из администрации США, рассматривали Иран и Саудовскую Аравию как «ключевые страны» залива, способные обеспечить стабильность в регионе и гарантировать бесперебойные поставки нефти из стран Персидского залива на Запад. Кроме того, Иран рассматривался и как бастion антикоммунизма на Ближнем и Среднем Востоке. Одновременно США поддержали программу военного строительства Ирана и способствовали развитию отношений Ирана с арабскими государствами Персидского залива, явно отдавая предпочтение Ирану, что проявилось довольно ярко в начале 70-х годов, когда иранские войска высадились (30 ноября 1971 г.) на островах Абу Муса, Малый Томб и Большой Томб, причем на последнем произошла перестрелка с полицейскими эмирата Рас-эль-Хайма (которому принадлежал остров), приведшая к человеческим жертвам. Естественно, что осложнились отношения Ирана с арабскими странами Персидского залива. Однако уже к концу 1972 г. Иран нормализовал отношения со всеми странами региона, кроме Ирака, что произошло не без помощи США, которые еще в начале 60-х гг. поддержали провозглашенный шахом «новый курс» иранской внешней политики. Он означал формальный отход от односторонней проамериканской ориентации и более широкое развитие отношений с другими странами мира, в том числе и с социалистическими. Развитие отношений Ирана с СССР и социалистическими странами, давало возможность не только как бы выпустить революционный пар из иранского котла, но и привлечь иностранный капитал в строительство тех объектов, в развитие которых западные страны предполагали не вкладывать деньги. Это уже после 1973 г., когда

цены на нефть стремительно повысились, Иран превратился в действительно богатое государство, которое могло достаточно щедро расплачиваться за предоставляемую ему иностранную помощь.

На практике же «новый курс», или политика «позитивного национализма», основывалась, как говорил шах еще в 1962 г., на защите иранских интересов «и на союзе и сотрудничестве с Западом». Используя огромные доходы от нефти и опираясь на поддержку США, шах рассчитывал, что к 90-м годам Иран войдет в число передовых промышленных стран мира. Проводимые им реформы, первой и основной из которых была земельная реформа, постепенно стали охватывать различные сферы жизни иранского общества. В какой-то степени он копировал (что естественно) не только европейский, но и американский опыт. Даже чисто формально. К примеру, по типу американского «Корпуса мира» он стал создавать «корпуса»: просвещения, здравоохранения, реконструкции и развития и т. п. В них молодые люди работали вместо службы в регулярной армии, выполняя соответствующую назначению корпуса функцию в отдаленных районах страны: учили грамоте, навыкам соблюдения гигиены и оказания первой медицинской помощи, помогали в строительстве народнохозяйственных объектов и т. п. Интересно, что после свержения монархии были воссозданы аналогичные структуры, но под другими названиями. В ряде случаев термин «корпус» был заменен на слово «джихад». Хотя остался один «корпус» — Корпус стражей исламской революции (КСИР), но это уже не религиозно-просветительская пропагандистская организация, к которой можно отнести шахский «Корпус веры», а действительно военная структура, способная и призванная катить врагов «истинной веры».

В то же время, в своей книге «Белая революция», опубликованной в 1967 г., шах говорит о «белой революции» как о «сугубо иранской революции», которая «совместима» с духом и традициями иранского народа; с иранским «гением», который способен перерабатывать чужой опыт и при необходимости вырабатывать «новое мышление». Проводимые им реформы шах рассматривал как перманентную, фундаментальную великую социальную революцию, которая должна привести народ к национальному благосостоянию, покончив с социальной несправедливостью и т. д. и т. п. Неомотря на пространные рассуждения о реформах, как специфически иранском явлении, отвечающем не просто интересам народа,

ю и религиозному духу страны, исламу, который, с его слов, всегда пребывает в гармонии с эволюционными изменениями и переменами в обществе и т. д., шах тем не менее призывал изменить старый и архаичный уклад общества. Он писал, что строить свое будущее с тем, чтобы войти в число динамично развивающихся стран, прогрессивных и свободных наций можно только на основе «нового порядка», поскольку старый общественный порядок, существовавший столетия, не сумел разрешить социальные противоречия и решить проблемы социальной несправедливости и т. д. По этой работе шаха можно отчетливо понять, что его программа реформ сводилась прежде всего к копированию западной модели развития (экономического, социального и политического). Несмотря на присутствующие в книге «выпады» против абстрактных иностранцев и «агентов иностранного влияния», «пятой колонны» и неких иностранных сил, мешавших всеядному развитию Ирана по пути прогресса и т. д., шах неукоснительно проводил мысль, что Иран должен все-таки идти по западному пути развития, несмотря на имеющееся у него специфическое историко-культурное наследие. Если необходимо, то можно изменить или поломать традиционные устои, создать более гибкую идеологию. Если необходимо, то можно изменить и ислам, приспособив его к идеям шахской модернизации («революции») и проч. В первое время модернизация «по шаху» получила поддержку народа и привела к глубоким изменениям. Быстрыми темпами, особенно в 70-е годы, развивалась промышленность, расширялась сеть образовательных учреждений, успешно осуществлялась борьба с неграмотностью, модернизировались вооруженные силы и т. д. Социальные же программы финансировались недостаточно, о чем откровенно говорил сам шах, полагавший, что необходимо тратить 20% бюджета на оборону, т. к. «независимая страна — это вооруженная страна», и что если он сейчас будет «строить больницы, не имея средств для их защиты, то когда-нибудь вместо больниц у нас будут одни руины». Шах даже однажды помышлял о приобретении ядерного оружия, но вследствие счел, что для такой страны, как Иран, иметь ядерное оружие «глупо и нереалистично». Хотя есть мнения, что окончательно от этой мысли он не отказывался. Несмотря на огромные военные расходы, уровень жизни народа постоянно повышался, начиная с 60-х годов. Заметно менялся и внешний облик страны. Менялись и сами иранцы, которым шахская пропаганда интенсивно внушала мысль о величии иран-

ской нации и иранской цивилизации. С одной стороны, это вело к формированию националистического и даже национал-шовинистического сознания в определенных социальных слоях общества, а с другой стороны, у большей части населения такая пропаганда вызывала и противоречивое чувство национальной гордости, и недоумение в связи с растущими социальными противоречиями (которые шах обещал сгладить, в частности, сократить разрыв в уровнях доходов) и все возрастающим разносторонним присутствием, которое все чаще стало расцениваться как негативное, поскольку не только не способствовало повышению уровня жизни широких слоев в той мере, в какой это ими ожидалось, но и оказывало разрушительное воздействие на те традиционные институты, которые исторически служили опорой в жизни большей части населения страны. Этим, разумеется, пользовались силы, оппозиционные шахскому режиму, в том числе исламские, понимавшие, что шахская националистическая прозападная программа модернизации дает «сбои».

Понимал это и шахский двор. Поэтому в 70-е гг. появляется новая книга иранского монарха — «К великой цивилизации», где шах учел отчасти изменившуюся в стране обстановку, приняв во внимание нежелание иранцев всецело подражать Западу. Ими были внесены некоторые корректизы в теорию создания процветающего Ирана. Прежде всего более широко представлена идея самобытности Ирана и иранской цивилизации. «Промышленные общества» Запада подвергаются критике, поскольку превращают человека в «элемент технологии» и вообще они лишены духовности. Шах предложил как бы новую модель будущего иранского общества. Он обещал народу построить общество нового типа: свободное, демократическое, в котором всем будет гарантировано материальное благополучие и условия для всестороннего развития личности на основе «ценностей национальной культуры», которая рассматривалась им как неотъемлемая часть иранской цивилизации и «созидательный фактор» будущей «великой цивилизации», преемницы арийской цивилизации, непрерывно развивающейся на протяжении всего времени с момента своего возникновения, что не было присуще, по утверждению монарха, ни одной другой цивилизации в мире. Возлагая вину за нерешенность острых социальных и политических проблем на «бюрократический аппарат», непомерно разросшийся и взявший на себя «принятие политических решений», шах обещал в будущем ликвидировать его и ввести

«широкое участие всех социальных групп» в решение общего сударственных дел. Провозглашая лозунг особого иранского пути развития, монархический режим в то же время подчеркивал свою приверженность к расширению отношений с «исламским миром», от которого никогда не отделял Иран. Более того, шах говорил о большом вкладе иранцев в «развитие великой исламской цивилизации», призывал к «укреплению религиозных основ», необходимых для стабильного и прочного государства, но считал при этом, что «действительное понимание ислама», в отличие от его реакционных интерпретаций, заключается в поддержке монархии и предложенной ею программы развития, которая предполагала, что в будущем Иран сохранится светским государством. Не случайно еще в 1965 г. Иран отклонил идею короля Фейсала о создании регионального «исламского пакта». Среди многих причин отказа была, вероятно, и та, что шах не был заинтересован в создании региональных объединений на исламской основе.

Можно ли говорить о том, что шах опасался ислама или недооценивал его значение в Иране? По всей вероятности, шахский двор сознавал, насколько велико влияние ислама и священнослужителей в народе, и действительно опасался противодействия со стороны религиозного института и связанных с ним традиционных структур, иначе он не прибегал бы к репрессиям. Однако здесь мы не будем анализировать причины падения шахского режима, что не является нашей целью, тем более, что об этом уже много написано. Отметим лишь, что сегодня мы вряд ли узнаем тайные страницы истории исламской революции, которая привела к падению монархии. Очевидным пока является то, что шах переоценил свои возможности по безболезненному разрушению традиционных структур общества и принудительному приспособлению ислама к националистической идее модернизации, которую он пропагандировал. Не последнюю роль в судьбе иранской монархии сыграла и «дружба» шаха с США, которые в значительной степени определяли характер и направления модернизаторской политики шахского двора.

Итак, несмотря на внешнее благополучие и могущество, режим в 1979 г. прекратил существование. Исламская революция 1978—1979 гг., казалось бы, прервала процесс модернизации, развивавшийся при шахе Пехлеви. Согласно прогнозам многих исследователей, аналитиков и политиков, она должна была отбросить страну далеко назад с точки зрения

экономического развития, состояний науки, техники, культуры и т. д. После свержения шахского режима в западных СМИ появлялись статьи и разного рода материалы с предсказаниями скорого падения новой власти и в результате волны народного гнева, которая сметет режим реакционных мулл, тянувших страну назад в средневековые.

После смены в Иране политического строя и провозглашения государства Исламской Республикой Иран (ИРИ) прошло уже более 17 лет. Режим пал. И вряд ли кто-то скажет, что Иран — это средневековое государство. Исламская Республика Иран сегодня движется достаточно высокими темпами по пути экономического и научно-технического прогресса, опережая многие мусульманские страны, а тем более Россию, по многим параметрам. И это несмотря на все усилия, предпринимаемые США и их союзниками по destabilизации иранского режима и подрыву экономики ИРИ.

Тем не менее, можно ли однозначно утверждать, что послешахское руководство страны проводит курс на модернизацию Ирана? Если да, тогда что представляет собой эта модернизация? И неужели представители духовенства готовы и способны проводить реформистскую политику с целью модернизации своего общества и государства? Тем более, если речь идет о таких людях, как аятолла Хомейни, его единомышленниках и последователях?

Конечно, нельзя ставить знака равенства между аятолой Хомейни, основателем ИРИ, и его последователями, соратниками или даже единомышленниками, как нельзя утверждать и того, что ИРИ создана исключительно на основе идей Хомейни и исключительно приверженцами имама (этот почетный титул Хомейни получил после возвращения в Иран). Тем более нелепо считать, что в Иране могут существовать национальные лидеры, отвергающие современные достижения науки и техники и отказывающиеся использовать их в своих странах. Если даже их кто-то считает «консервативными», «радикалистами» или «фундаменталистами».

И все же религиозные деятели (служители культа) всегда являлись хранителями прежде всего традиционных ценностей и их защитниками от посягательств извне, направленных на трансформацию или ликвидацию хотя бы их части. Соответственно, следуя этой логике, священнослужители в силу своей сословной принадлежности просто обязаны противиться процессу модернизации, который должен неизбежно сопровождаться изменением (и даже разрушением) традицион-

ных структур и ценностей. В то же время зарубежные и отечественные исследователи выделяли среди исламского духовенства и особую категорию людей, склонных приспособливать ислам к «требованиям современности», обозначая их термином «модернисты». Однако такая классификация духовенства (подразделение священнослужителей на модернистов, традиционалистов, фундаменталистов, консерваторов и т. п.) весьма условна. И вполне естественно, что даже в трактовке указанных категорий существует большой разнобой и противоречия, поскольку нет четкой грани между всеми указанными категориями священнослужителей, нельзя в жизни найти «чистого» модерниста, традиционалиста или фундаменталиста. Их просто не существует. Те же модернисты никогда не отказывались от защиты традиционных устоев и фундаментальных основ ислама. А традиционалисты и фундаменталисты никогда не отрицали целесообразности использования достижений западной цивилизации и даже атеистической «советской империи». Другое дело, что к выбору новых идей, технологий и ценностей других цивилизаций священнослужители всегда относились по-разному, по-своему понимая целесообразность привнесенных в общество тех или иных новшеств. Иными словами, вряд ли правомерно (не говоря уже о целесообразности) подразделять священнослужителей, а тем более религиозно-политических деятелей, на вышеупомянутые категории, которые (категории) более уместны для характеристики тенденций в религиозно-общественной мысли в странах Востока.

Несмотря на это, вскоре после падения шаха новый режим благодаря прежде всего западным исследователям и СМИ получил характеристику исламского фундаменталистского режима, где понятие «исламский фундаментализм» интерпретировалось исключительно со знаком минус. Однако говорить об исламском фундаментализме как явлении сугубо реакционном и одновременно признавать способность фундаменталистов модернизировать свою страну — довольно сложно, если вообще возможно. Тем не менее, отрицать хотя бы теоретическую возможность изменения режима изнутри — также не очень-то перспективная позиция как для исследователя, так и для политика. Потому наибольшее распространение получил подход к «фундаменталистскому» режиму как неоднозначному и способному к саморазвитию в силу неоднородности составляющих его религиозно-политических сил, представленных «либералами», «умеренными», и «радикала-

ми». «Либералы» и «умеренные» — это более или менее потенциальные сторонники расширения сотрудничества с Западом и восстановления отношений с США со всеми вытекающими последствиями и возможностями новых преобразований в ИРИ. По их мнению, благосостояние страны и ее народа будет и должно определяться не следованием идеям имама Хомейни, якобы враждебно относившегося к Западу (западной цивилизации), а сотрудничеством со странами Запада и отходов от жестких исламских норм не только в проявлениях внешней приверженности исламу, но и в сфере социально-экономической, во внутренней и внешней политике. К «радикалам» относят противников такого курса, препятствующих объективному процессу модернизации в силу своей «консервативности». Первые воспринимаются как сторонники развития рыночных отношений и рыночной экономики, вторые — как противники ослабления государственного контроля над обществом. Однако считать одних сторонниками прогресса и модернизации, а других — их оппонентами — можно лишь с оговорками, с достаточно глубокой аргументацией. Ведь сами понятия «прогресс», «модернизация» понимаются далеко неоднозначно не только простыми людьми, социальными слоями общества, но философами и политиками. И не случайно, что дискуссии на эту тему никогда не прекращались. Кроме того, известно, что в политике вчерашний радикал сегодня может стать и умеренным, и либералом. И религиозные убеждения не всегда этому препятствуют, а порой могут и способствовать. Все зависит от конкретно-исторической ситуации.

Оказывается, что среди правящего духовенства т. н. «фундаменталистского» режима есть люди, способные не просто руководить государством, но готовые и желающие всестороннего развития иранского общества с использованием опыта зарубежных стран, в том числе и немусульманских. Правда, это было ясно еще при жизни имама Хомейни, который прямо говорил, что он против проникновения в страну и распространения чуждых ее мусульманскому населению идей, но ни в коем случае не против использования западных технологий и научных знаний.

Первые годы после исламской революции, которая, как и любая другая революция, сопровождалась разрушениями, было приостановлено экономическое и научно-техническое развитие страны. Не способствовала этому и ирано-иракская война. Страну покинули многие специалисты и предприниматели, опасавшиеся за свои жизни и капиталы. И тем не менее

Иран, опираясь прежде всего на внутренние ресурсы, продолжал развиваться. Особенno после окончания войны. Достаточно привести в пример хотя бы тот факт, что темпы прироста ВВП в Иране в период первого пятилетнего плана (1989—1994) составили 8 % в год. Интересно, что в это время Иран, так же как и Россия, пошел по пути создания рыночной экономики, предполагавшей либерализацию цен, приватизацию государственных предприятий, привлечение иностранного капитала (от услуг которого новые власти, даже при Хомейни, никогда не собирались отказываться), создание свободных экономических зон и т. д. Фактически Иран при нынешнем руководстве не нашел новых путей и последовал уже проторенным шахом путем. И исламские нововведения этому не помеха. В результате осуществления первого пятилетнего плана Иран достиг неплохих успехов, особенно в первые годы его реализации. Однако введение свободных цен, как и следовало ожидать, негативно сказалось на жизненном уровне населения, стали набирать силу инфляционные процессы. Поэтому второй пятилетний план был скорректирован в сторону удления большего внимания программам социального обеспечения, защиты интересов малоимущих слоев. Отказаться от «защиты обездоленных» нынешний режим не может, т. к. в этом случае он будет обвинен в отходе от «линии Хомейни». Что касается экономической модернизации, то она, как видим, продолжает осуществляться и новым режимом, поскольку для Ирана это жизненно необходимо в неменьшей степени, чем было при шахе, а возможно и в большей. Поскольку если во времена шаха Иран в своем стремлении стать мощной региональной супердержавой пользовался поддержкой такого могущественного государства, как США, то после исламской революции претензий на лидерство в регионе (и не только здесь) у Ирана меньше не стало, но США превратились из союзника в противника. И тем примечательнее успехи ИРИ. Особенno на фоне российской «модернизации», которая сопровождается разрушением высокотехнологичных, научноемких производств, подрывом отечественной науки и высшего образования (как впрочем и среднего), спадом производства, массовым обнищанием населения, снижением численности населения, переходом отдельных предприятий и целых отраслей к феодальным формам производства (когда рабочие трудятся бесплатно, либо за паек или же с ними расплачиваются товарами, а не деньгами). А ведь нашей «модернизации» помогают страны За-

пада и прежде всего США. По крайней мере есть такая версия.

И в России, и в Иране произошла смена режимов, и был произведен грандиозный передел собственности. Появились новые собственники в обеих странах. В Иране, можно сказать, возник даже специфический управленческий слой, представленный духовенством, который можно, наверное, охарактеризовать как религиозно-политическая бюрократия. В результате перераспределения собственности именно этот слой превратился в крупного собственника, имеющего специфические государственно-корпоративные интересы, которые определяются его местом в структуре управления государством, сословной принадлежностью и идеологическими установками, унаследованными от Хомейни. И эти люди заинтересованы в укреплении своего государства. Они не только развивают экономику страны, но и модернизируют вооруженные силы, стремятся к расширению своего влияния на международной арене, используя формально новые подходы как во внутренней, так и во внешней политике.

Помимо модернизации экономики, как продолжения шахской политики, исламские власти предприняли одно время попытку реализации концепции «исламской экономики», о которой в стране много спорили, но единственno, что попытались использовать, так это — запретить «гриба» (лихва, ссудный процент). Правда, на практике он тем не менее сохраняется, что достаточно хорошо видно уже из прочтения «Закона о банковских операциях без ростовщического процента», принятого еще 30 августа 1983 года.

Очень важной отличительной чертой нынешнего режима является то, что он сумел модернизировать систему социального обеспечения, благодаря которой в значительной степени обеспечивает в стране социальную и политическую стабильность. Эта система базируется на основе различного рода фондах, непосредственно государственных субсидиях и опирается на широкую сеть мечетей, как ячеек социальной поддержки населения (через мечети, в частности, распределялись талоны на продукты и товары первой необходимости по льготным ценам или даже бесплатно). Как уже отмечалось, режим не может отказаться от поддержки малоимущих слоев, именуемых в официальной идеологии «обездоленные», поскольку он возник, согласно официальной доктрине, для защиты обездоленных и при их непосредственной поддержке. По этой причине руководство Ирана просто не может отка-

заться от развития социальных программ без риска потерять власть. Хотя по сути ничего специфически исламского здесь нет. Этот опыт созвучен западной практике поддержки малымущих.

В определенной степени можно сказать, что исламская революция привела к модернизации (обновлению) политической системы Ирана. Однако при более внимательном рассмотрении проблемы обнаруживается, что на смену одному монарху пришел в сущности другой монарх, но в иных одеждах и под другим именем — «рахбар» (вождь, лидер), который мог передать власть по своему усмотрению, обладал фактически неограниченными полномочиями, хотя часть их делегировал президенту, парламенту. После смерти Хомейни политическая система обрела более четкие формы и нормы функционирования. Президент и парламент стали играть более заметную и более самостоятельную роль. И это, правда, не исламская специфика, а скорее опять западное заимствование. Как ни парадоксально может звучать, но у имама Хомейни была мысль централизовать религиозный институт в Иране и фактически лишить религиозных авторитетов их традиционного права на издание фетв (решений религиозных авторитетов, обязательных для их последователей). Он предлагал идею коллективной выработки фетв, которые приобретали бы законную силу и значение общенациональной директивы после одобрения ее большинством моджтаждидов. Меньшинству же предлагалось отказаться от выступлений и распространения своей особой точки зрения во имя сохранения единства общины. Рассматривались и другие шаги по централизации религиозного института и подчинению его исламскому руководству государства. Однако такого рода модернизация не удалась. И Хомейни не смог изменить этот традиционный институт, вовлечь его в политику и полностью подчинить интересам политики, т. е. государству и ему лично.

Можно и далее показывать те или иные специфические черты и политические акции исламского режима и объяснять, что в них нового, что унаследовано в измененной форме от шахских времен, а что перенято у промышленно развитых стран Запада. Однако это нам мало поможет в приближении к пониманию исторического значения исламской революции, для Ирана по крайней мере. Наверное, надо взглянуть на проблему несколько иначе. Понятно, что руководство современного Ирана не может и не желает отказываться от идеи модернизации и социально-экономического прорыва в буду-

щее. Однако оно видит перспективу страны не в преимущественной ориентации на Запад, который готов допустить разведение Ирана до определенных границ, а в союзе с мусульманским миром, в составе этого пока еще достаточно разобщенного, но стремящегося к объединению пространства, с его огромными людскими и природными ресурсами, которыми в первую очередь будут пользоваться наиболее развитые мусульманские страны. К их числу относится, конечно, и Иран.

В настоящее время, видимо, бессмысленно ставить перед собой цель достичь уровня жизни (прежде всего потребления) стран Запада и США. Земля просто не выдержит такой нагрузки и «задохнется» от отходов человеческой жизнедеятельности. Кроме того, Запад — это постоянно развивающаяся, модернизирующаяся цивилизация, которая часто характеризуется как постиндустриальная.

Возможно ли догнать Запад или стать с ним вровень, следуя традиционно принятым нормам? И есть ли в этом смысл вообще? Возможно, что исламская революция в Иране — шаг в поисках ответов на эти вопросы.

Что до строгих исламских норм, введенных в мусульманском Иране, то они, во-первых, не так уж бесчеловечны с точки зрения восточного менталитета. Тем более, что крайности исламских наказаний, так пугающие европейцев, на практике встречаются крайне редко. Кроме того, надо вспомнить, что в прогрессивной Франции еще не так давно отрубали головы. И, наконец, корректировка всех исламских норм — в руках той религиозно-политической бюрократии, о которой говорилось выше. Не исключено, что именно она окажется наиболее успешной в трансформации традиционных структур, если те будут препятствовать процессу модернизации иранского общества, теперь уже под знаменем ислама.

ПЛАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИРИ В 1982—1994 гг.¹

В зависимости от особенностей конкретного хода истории той или иной страны и рассматриваемой сферы модернизации (в частности, экономики в целом или ее отдельных отраслей, сферы просвещения, культуры и т. д.) точки отсчета или начала процесса модернизации могут существенно отличаться друг от друга.

Падение монархии в Иране в феврале 1979 года в результате революции 1978—1979 гг. и установление после этого исламского режима, сумевшего сосредоточить в своих руках всю полноту экономической и политической власти, то есть в руках шиитских богословов, создавших и фактически, и юридически теократическое государство, привнесло специфику в вопрос определения точки отсчета процесса модернизации в Иране как в стране, так в обществе.

Определялось это тем, что исламский режим по политическим (облаченным в религиозную оболочку), экономическим, культурным, внешнеполитическим постулатам был шагом назад по сравнению с периодом династии Пехлеви и подлинно модернизаторской ее деятельностью, особенно в 60—70 гг.

В то же время установление исламского режима именно в силу указанных выше его характеристик создало великолепный порог для исследования вопроса: стал ли происходить в нем, внутри его, какой-либо процесс, который можно было бы назвать если не модернизацией, то потугами к модернизации.

Факты дают основание сказать, что пятнадцатилетняя история деятельности исламского режима Ирана свидетельствует о наличии в нем не только потуг, но и универсальных усилий к модернизации в различных сферах жизни иранского общества.

Причина появления таких усилий лежит в осознании режимом того, что альтернативной может стать возврат стра-

Но к слаборазвитости, из которой она ценою огромных трудностей выкарабкивалась и к концу 70-х годов преуспела в этом. К сожалению, это движение было прервано.

В качестве нового варианта развития была предложена трагикомичная история «тоухидной экономики» или, как ее еще называли, «экономика божественной гармонии» с ее не менее трагикомичным адептом Абуль Хасаном Банисадром², которого можно без особой натяжки назвать помазанником Хомейни. Теория эта и по своему содержанию, и по тем принципам, которые она в себе содержит, обрекала экономику на движение вспять.

К счастью для иранского общества, с самого начала деятельности исламского режима она проявила свою несостойчивость и практически ушла в небытие вместе с политическим крахом Банисадра в июне 1981 г.

Следует иметь в виду, что исламскому режиму предшествовали пять планов экономического и социального развития Ирана, принятых и в целом успешно реализованных в период правления Мохаммеда Реза Пехлеви. Новый режим не отказывался от самой идеи разработки и реализации таких планов в качестве ориентиров и организующих начал экономического и социального развития иранского общества. Разработка таковых была начата еще при правительстве Мехди Базаргана.

Первым результатом стал проект, разработанный весной 1982 г. под названием «Основные общие направления экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран на 1361—1381 (1982/83—2002/3)». Я не собираюсь здесь говорить о содержании этих направлений.

Для замысла данной статьи важно другое: характер и содержание высказываний лиц, стоявших у истоков этого и других проектов, планов, поскольку в них раскрывалась философия планирования.

В связи с указанным выше проектом 10 июля 1982 г. тогдашний директор Плановой и бюджетной организации М. Т. Банки в интервью газете «Кейхан» отмечал, что в проекте была принята во внимание «конечная цель исламского общества»: «совершенствование рода людского, его освобождение от всех безбожников и покорность Аллаху». Экономическое, политическое и культурное развитие, предусмотренное в проекте, служило «устранению тех помех, которые препятствуют роду человеческому и исламскому обществу встретиться с Богом»³.

Позволяю себе полагать, что слова М. Т. Банки можно воспринимать даже на этом раннем этапе существования исламского режима как исламизированную форму проекта плана, призванную демонстрировать благочестивость содержания данного проекта.

16 августа 1983 г. меджлису для утверждения был представлен проект под названием «Первый план экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран 1362—1366» (1983/84—1987/88 гг.).

В этот день премьер-министр ИРИ Мусави в своей речи добивался его утверждения. Он называл его доказательством возможности разработки исламской модели развития и ориентиром для независимого движения обездоленных во всем мире. В постскриптуме к первому тому плана он охарактеризовал его как служащий Богу во имя основания общины верующих, которые впервые за четырнадцать веков истории ислама преуспели в том, чтобы должным образом исламизировать себя⁴.

Парламентские протоколы от 16 августа 1983 г. зафиксировали и такие слова Мусави в защиту планирования и плана: «Еще одна причина, требующая социально-экономического планирования в новообразованной Исламской Республике, заключается в уверенности, которая должна быть внушена обездоленным всего мира в том, что Исламская Республика Иран — поскольку она основывается на религии и поскольку она оказалась в состоянии защитить себя как политически, так и в военном отношении — в состоянии и экономически определять направление, которого она будет придерживаться. Это дает ИРИ — уже на международном уровне — возможность превратить свои внушительные динамичные и четко разработанные планы в ориентиры для обездоленных и вдохновлять их на несокрушимое противодействие влиянию противостоящего им западного и восточного империализма»⁵.

Казалось бы, что после таких слов проект плана должен был быть принят с восторгом. Однако он принят не был. Даже при том, что Мусави сослался на ст. 44 Конституции ИРИ, гласящую, что «экономический строй Исламской Республики Иран основан на государственном, кооперативном и частном секторах и на регулярном и четком планировании».

Как бы зная, что среди исламистов есть люди, которые при внешне положительном отношении к планам развития, внутренне ставят под сомнение любое планирование, основываясь при этом на положениях ислама, Мусави в своей речи перед

парламентом, намекнул на наличие таких возражений, сказав, в частности, следующее: «Существовало опасное направление мысли, согласно которому никакие планируемые и организованные меры, направленные на защиту общественного блага, невозможны и не могут быть полезны до пришествия скрытого двенадцатого имама»⁶.

При этом он добавил, что такие раскольники не остановятся ни перед чем в своем отрицании планирования; они распространяли письма, распускали слухи и осуждали планирование как причуду Соединенных Штатов⁷.

Если действительно были ссылки на пришествие двенадцатого имама, то это убийственный по своей несостоинственности аргумент, являющийся при этом основным положением махдизма — течения в шиизме. Согласно этому течению, только пришествие двенадцатого имама — имама Махди (Мухаммада аль-Аскари), который якобы таинственным образом был живым взят на небо между 871 и 878 годами и пребывает там по сей день, способно устраниТЬ зло, царящее на земле. При этом чем больше зла на земле, тем лучше для ожидающих Махди, ибо тем скорее он придет. В данном случае трагикомизм ситуации состоял в том, что Мусави, нужно полагать, был вынужден отнести к этому аргументу серьезно, не осмеливаясь ставить под сомнение само «пришествие» как таковое. Выдвижение же самого аргумента говорит о том, что в высших сферах ИРИ имелись непримиримые противники планирования, которые не гнушались прибегать к религиозно-политическому шантажу.

Несмотря на такое противодействие Первый план экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран был принят. Но это был не план на 1983/84—1987/88 гг., а на 1989/90—1993/94 гг. А утвержден он был в 1990 году (заметим, между прочим, после смерти Хомейни). И он был практически свободен от исламского антуража и славословия. Это свидетельствовало о модернизации философии планирования в ИРИ, философии, которая встречала сопротивление внутри Плановой бюджетной организации. Но до поры до времени такое сопротивление не было результативным.

Интересное свидетельство по этому поводу содержит книга двух иранских авторов, опубликованная в США в 1984 г. под названием «Политическая среда экономического планирования в Иране, 1971—1983: от монархии к Исламской республике». Авторы ее — Хосейн Разави и Фируз Вакил. В частности, они пишут: «...в январе 1982 г. Плановая и бюджетная

организация представили Экономическому совету документ под названием «Система планирования». Система была одобрена, а затем (по крайней мере теоретически) внедрена в практику. Этот документ представлял собой поворотный пункт в политико-экономических делах страны. Его значимость заключалась не в представлении системы как таковой, а в изменении подхода к позиции. В предшествовавшие пять лет Хомейни настойчиво требовал, чтобы на все навешивали ярлык «исламский». С трудом можно было найти параграф в административной переписке, в котором не был бы использован термин «исламский» при описании чего угодно. Однако, как ни удивительно, авторы не только не использовали термин «исламский» как штамп, а даже ухитрились избежать его где-либо в тексте. Субъекты исламской экономической системы были оставлены за пределами документа и не играли никакой роли в определении системы планирования. Вместо этого система планирования рассматривалась как «механизм, который разрабатывает план развития». Система была замыслена так, что предусматривалось «наличие потоков информации снизу вверх и сверху вниз»⁸.

Сравнение этого обстоятельства с показанным выше требованием Хомейни навешивать ярлык «исламский» на все и вся в разрабатывавшихся проектах планов и директивных документах по экономике показывает, что такой прием Хомейни, примитивный и по сути и по форме, представлял собой попытку использования предельно политизированного ислама для воздействия на общественную психологию в таких вопросах, как экономическое, социальное и культурное развитие страны, эволюцию которой он всем содержанием сотворенного им исламского режима стал превращать в инволюцию и тем самым создал своеобразный порог, споткнувшись о который, объективные потребности жизни общества вынудили власть встать на путь пусть робкой, но модернизации самого режима.

Описанный выше примитивный прием, к которому прибег Хомейни, отнюдь не свидетельствовал о примитивности его натуры. Он скорее свидетельствовал о его ставке на, как ему казалось, наивность широких масс верующих. Если уж говорить о личности Хомейни, то крайнее своеобразие ее, причем своеобразие, отнюдь не обозначенное знаком плюс, хотя и отмеченное крайней изощренностью ума, было видно уже в самые первые годы его деятельности как главы исламского режима.

«Не секрет, что действия Хомейни как личности часто не укладываются в рамки ни логического мышления, ни полити-

ческой борьбы, ни даже логики, продиктованной инстинктом самосохранения (если можно так сказать о режиме). Не секрет также, что у Хомейни свое, специфическое мировосприятие и свои критерии ценностей. Здесь в связи с этим уместно вспомнить, что известно немало случаев, когда одна личность в силу стечения обстоятельств обретала практически неограниченную власть, и когда после его ухода с общественной арены обнаруживалось, что там, где люди некогда видели особую искушенность, тонкую политическую игру ума и прозорливость, была лишь горсть гипертрофированных человеческих страстей, отмеченных явным знаком минуса и стоивших огромных жертв целым народам» — было отлечено мною еще в 1981 г.⁹

Итак, в 1990 г. был утвержден так называемый «Первый пятилетний план Исламской Республики Иран» на 1989/90—1993/94 гг.¹⁰.

Документ этот, определявший будущее экономического, социального и культурного развития страны, не содержит в себе ничего, что говорило бы о том, что он предназначен для общества, в котором власть находится в руках исламских богословов. Не зная, что план относится к ИРИ, можно было бы его принять за план, относящийся к любой другой развивающейся стране, руководители которой озабочены ее дальнейшим развитием и по возможности улучшением положения широких слоев ее населения. Никаких специфических норм ислама, регулирующих экономическую жизнь страны и быт ее населения.

Лишь в одной из директивных статей «Количественный и качественный рост общественной культуры, образования, обучения, науки и технологий в обществе при специальном внимании к молодому поколению» (имеет 20 подпунктов) присутствуют три подпункта, в которых так или иначе фигурирует ислам как категория, при этом в контексте, отнюдь не имеющем сколько-нибудь решающего значения¹¹.

11 декабря 1994 г. меджлис ИРИ утвердил Закон о втором плане экономического, социального и культурного развития Ирана. Второй план охватывает пятилетний период — с 21 марта 1995 г. по 20 марта 2000 года¹². Располагая полным текстом Второго плана, можно с большим основанием судить, продолжалось ли формирование (теперь уже с конца 80-х и в первой половине 90-х годов, т. е. в период разработки Второго плана) тенденций религиозной деидеологизации и деполитизации.

В этом сложном по структуре документе есть звенья, по содержанию которых, исходя из их названий, можно судить о

степени религиозной, исламской идеологизированности и политизированности плана как продукта исламского режима, безраздельно господствующего во всех сферах жизни страны. Тем более примечательно, что содержание этих звеньев не дает основания сказать, что задачи плана подчинены целям дальнейшей исламизации страны. Ввиду большой ответственности такого заявления, я привожу полный текст этих звеньев¹³. Если судить и по полному тексту плана, то и в смысле буквы текста, и по духу его план нацеливает как государство, так и общество в целом на мобилизацию усилий, направленных на продолжение процесса преодоления экономической отсталости страны, процесса, начатого еще в дореволюционные десятилетия и поставившего страну к кануну революции 1978—1979 гг. на грань преодоления этой отсталости.

Содержание Второго плана дает основание сказать, что ко времени его утверждения меджлисом ИРИ руководство исламского режима нашло в себе силы отойти очень далеко и от предельного экономического экстремизма Хомейни, который завел бы страну в тупик отсталости, и от предельно религиозно идеологизированной и политизированной теории экономического бытия, также загонявшей общество в тупик.

Под первым обстоятельством я имею в виду публично высказанный Хомейни летом 1981 г. тезис концептуального уровня, в котором гораздо больше было буквального смысла, чем метафоричности: «Нам автомобили не нужны. Сядем на ослов и будем духовно чище»¹⁴.

Под вторым я имею в виду так называемую «теорию тоухид-ной экономики» или «экономики божественной гармонии».

Видную роль в преодолении такого рода препятствий, в том, что в конечном итоге Второй семилетний план оказался нацеленным на продолжение решения проблемы преодоления экономической отсталости, и догмы ислама не стали путами, сковывающими действия инстанций, определяющих процесс экономической и социальной модернизации ИРИ, сыграл Али Акбар Хашеми-Рафсанджани¹⁵.

Ислам как религия во Втором плане присутствует, но он присутствует так, что не дает основания сказать, что он определяет задачи плана, стратегию и тактику его реализации, его общие и конкретные цели. Наоборот. Он присутствует в нем в тех пределах, которые не препятствуют стратегии и тактике плана, нацеленной на преодоление экономической и социальной отсталости и подчинен этому движению. Сама же разработка стратегии и тактики покоятся на учете и требованиях за-

кономерностей, выявленных в ходе развития мировой экономики. Важным свидетельством учета этих закономерностей в плане является стремление составителей формировать экономическую структуру, способную обеспечить расширенное воспроизведение по преимуществу на национальной основе при многосторонней вписанности в мировую экономику. Задачу эту предусмотрено решать на основе глубокой модернизации¹⁶ имеющихся отраслей и обеспечивать их развитие при постоянном использовании и внедрении достижений мирового научно-технического прогресса.

Иран остается исламской республикой. Не лишено основания предположить, что исламская республика оказывается в состоянии сохранить себя в качестве таковой не в последнюю очередь благодаря тому, что с конца 80-х годов стали брать верх тенденции религиозной деидеологизации и деполитизации в сфере экономики, социальной жизни, науки, снимающие препятствия с пути модернизации этих сфер, хотя вся полнота политической власти продолжает оставаться в руках мусульманских богословов.

После всего изложенного правомерен вопрос: что дала так называемая исламизация страны установленному после свержения монархии исламскому режиму кроме того, что режиму удалось захватить и монопольно сосредоточить политическую власть в руках шиитских богословов?

Для последних это было великой победой, даже можно сказать осуществлением вековечной мечты. Но привнесла ли эта так называемая исламизация что-либо принципиально новое в роль шиизма в иранском обществе как источника духовности для верующих, сняла ли она какие-либо запреты в указанном выше смысле с религиозной жизни страны, как, скажем, это произошло в бывших республиках СССР после его распада?

Представляется, что достаточный ответ на поставленный вопрос читатель может сформулировать, ознакомившись с суждениями концептуального уровня, относящимися к исламу, его роли в духовной жизни Ирана, которые были высказаны Мохаммедом Реза Пехлеви в его книге «К великой цивилизации» незадолго до революции 1978—1979 гг.: «Этот раздел книги у меня есть желание закончить изложением самого жизненно важного вопроса, который связан с интеллектуальностью и культурой и в органическом единстве с которым находится духовная жизнь любого общества, и с его помощью обеспечить всему изложенному в данной книге благоприятное завершение. Это вопрос о религиозной вере и необходимости

ее максимального укрепления во всех слоях иранского общества и на всех его уровнях.

Религиозные убеждения составляют дух и квинтэссенцию интеллектуальной жизни каждого общества, ибо без этого прочного залога ни одно общество, как бы оно ни было про-двинуто в материальном отношении, не может не быть заблудшим и сбившимся с пути. Подлинная верая является величайшим залогом здоровья духа и нравственной устойчивости, а также высочайшей охранительной силой каждого человеческого существа при столкновении его с большими и малыми проблемами и трудностями жизни и в то же время могущественным интеллектуальным охранителем каждого общества. Ни одно сообщество не сможет, ссылаясь на какой-либо идеологический принцип или предлог, считать себя не нуждающимся в этом наинужнейшем факторе прочности и стойкости человеческих обществ, и все такого рода попытки, которые предпринимались до сих пор, оказывались попытками безрезультатными.

Нашему народу выпало великое счастье находиться под знаменем самых прогрессивных, самых высоких принципов веры, то есть священных принципов ислама. Это — учение, высокие нормы и предписания которого вобрали в себя наиболее совершенные материальные и духовные достижения человечества, и на каждом этапе социального роста оно способно быть самым совершенным путеводителем как отдельного человека, так и общества в целом.

Слава нашей революции, секрет ее полного успеха также заключается в том, что абсолютно все ее принципы имели источник вдохновения дух и сущность высокого учения ислама.

Очевидно, что подлинный смысл ислама не имеет ничего общего со злоупотреблением его принципами в корыстных, демагогических или реакционных целях и все такого рода домогательства (к сожалению, наше общество как в прошлом, так и в наш век оказывалось жертвой таких злоупотреблений) в корне противоположны подлинному духу и смыслу ислама. Как раз нашей основной целью при строительстве иранского общества дня нынешнего и дня завтрашнего и является максимально возможное распространение и утверждение этого духа и подлинного смысла ислама в данном обществе, с тем, чтобы на этой основе иранское общество века «великой цивилизации» было бы действительно обществом, наделенным верой, безупречным, чистым и максимально пользующимся духовными ценностями.

Разумеется, мы относимся с уважением и ко всем взглядам, связанным с другими вероучениями, бытующими в Иране и являющимися неотъемлемой частью иранского общества, ибо всякая вера заслуживает уважения. Не заслуживает уважения общество, отринувшее веру»¹⁷.

Думается, что те крайности, доходившие до нелепостей, которые допускались исламским режимом ИРИ в первые годы существования при попытках разработки концепций и составления плана экономического, социального и культурного развития страны, определялись опасениями шиитских богословов, и прежде всего самого имама Хомейни относительно недостаточной прочности их политической власти. Видимо, те тенденции десидеологизации и деполитизации экономической политики ИРИ, которые я попытался проследить в данной статье, порождались наряду с объективными факторами, диктовавшими необходимость возвращения к стратегии преодоления экономической отсталости и модернизации народного хозяйства (в том числе и ради сохранения «самого режима»), своей субъективной основой имели и имеют поиски деятелями режима условий сохранения своего политического господства в стране и своих позиций в мировом сообществе.

Примечания

Для того чтобы осуществить этот замысел, я вынужден в начальной части данной статьи привести ряд фактов и высказываний официальных лиц ИРИ, которые использованы мною в статье «О так называемом «Первом плане Исламской Республики Иран» (1989/90—1993/94)», опубликованной в журнале «Восток», 1996, № 6.

² Человек из близкого окружения Хомейни еще со времен пребывания последнего в Нёфль ле Шато (Франция) осенью 1978 г. С января 1980 г. (с одобрения Хомейни) по июнь 1981 г. являлся первым президентом ИРИ. Был отстранен от должности и тайно бежал из страны во Францию.

³ Shirazi Asghar. Islamic Development Policy. The Agrarian Question in Iran. Boulder, 1993, с. 107.

⁴ Ibid., с. 107—108.

⁵ Ibid., с. 104.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Razavi Hossein and Vakil Firouz. The Political Environment of Economic Planning in Iran, 19771—1983: From Monarchy to Islamic Republic. West view Press / Boulder and London, 1984, с. 115.

⁹ Арабаджян А. З. О социально-экономическом и политическом курсе руководства ИРИ.— Академия наук СССР. Институт востоковедения. Специальный бюллетень № 4 (217). М., 1981, с. 13.

¹⁰ Five-Year Plan.— Iran Focus Supplement, March 1990.

¹¹ Чтобы избежать голосоловности, приведу их полностью:

Б. Руководящие указания:

3.15. поддерживая внутренний и международный туризм и содействуя ему в обмене опытом и знаниями для ознакомления с наследием исламской и иранской цивилизации и культуры, содействовать росту уровня национального и исламского взаимопонимания и единства посредством поддержки, поощрения к организации публично-правового участия негосударственного капитала и руководства этим процессом.

3.16. улучшая исследования в области возрождения и обновления использования культурного наследия страны, культурных ценностей исламской революции и истории ее священной защиты.

3.17. пропагандируя и публикуя труды и мемуары великого вождя революции.

3.18. расширяя участие женщин в социальной и культурной жизни общества, а также на поприще общественного образования, поддерживая одновременно принципы семьи и возвышающие ценности отличительных черт исламской женщины.

¹² «Кануне барнаме доввоме тоусеэ эктесади, эджтемеи ва фархангие джомхурне эсламие Иран (1374—1378) мосаввабе 20.9.1373 маджлесе шоурае ислами. Джомхурис эсламие Ирак, сазмане барнамэ на будже, 1374» («Закон о втором плане экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран (1995/96—1999/2000), утвержденный 12.12.1994 Собранием исламского совета», Исламская Республика Иран, Плановая и бюджетная организация, 1995, (б. м.).).

¹³ Среди 14 пунктов, в которых сформулированы основные качественные характеристики задачи плана, на первом месте находится «Усилия по воплощению в действительность социальной справедливости». Содержание ее раскрыто также в 14 пунктах, в которых нет ничего об исламе (зато говорится о необходимости снижения «коэффициента Джинни», при решении задачи улучшения качества общих условий жизни, включая совершенствование распределения доходов и богатства).

На втором и третьем местах стоят задачи, которые по своему содержанию могли бы стать воплощением религиозно-идеологической и религиозно-политической направленности на дальнейшую исламизацию общества, однако не стали таковыми. Это пункты второй и третьей «Качественных задач плана», которые в свою очередь состоят из целого ряда подпунктов. В виду принципиальной важности сделанного выше утверждения считаю необходимым привести их полностью.

«2. Повышение эрудированности общества на основе исламской морали, а также всеобщего просвещения путем:

1. Представления вниманию общества и пропаганды личности, морали, мыслей и произведений его светлости имама Хомейни.

2. Формирования и проведения согласованной политики в области морального и интеллектуального просвещения общества.

3. Количественного и качественного роста производства и распространения аудио-визуальных программ, способных выполнить роль народного университета страны.

4. Расширения методов прямого обучения в областях, связанных с моральными и интеллектуальными ценностями с учетом наличия различных возрастных групп (особенно молодежных и подростковых) и потребностей каждого района страны.

5. Распространение культуры и чувства ценности личного и коллективного достоинства на основе всеобщей солидарности.

6. Воспитание духа ответственности, организованности всеобщей взаимопомощи и социальной сплоченности.

7. Должной организации и формирования целостности существующих органов, организаций и фондов, которые каким-либо образом связаны с выработкой политики, принятием решений и осуществлением пропагандистско-просветительской деятельности в стране.

8. Воспитания и распространения культуры довольствования малым и экономии, неприятия расточительства, растранижирования и мотовства в общественном и частном секторах и предложения подходящей модели бытия.

9. Передачи гражданам деятельности в области исполнительства, культуры, искусства, спорта и усиление общественного соучастия в этих областях при уделении внимания со стороны государства разработке соответствующей политики, принятию решений и контролю.

10. Воспитания духа национальной солидарности и уважения к закону и ценностям исламской революции, сохранения чувства святости семьи и укрепления чувства ответственности за принятые решения в политической и социальной сфере.

11. Всеобщего распространения спорта и физического воспитания, особенно среди молодежи с целью закалки тела и духа и плодотворного заполнения досуга.

12. Уделения особенного внимания при разработке планов и предусмотрении возможностей вопросам физического воспитания и заполнения досуга.

13. Большего участия женщин в общественной, культурной, преподавательской деятельности при сохранении достоинства семьи и высочайших ценностей женщины как личности, исповедующей ислам.

14. Мобилизации всех возможностей и средств, необходимых для исключения дурных привычек, борьбы с общественным разложением и организации культурного натиска.

15. Приложения усилий, направленных на распознавание козней и уловок, средств и методов культурного наступления врага и разработки планов для энергичного противодействия ему.

16. Уделения внимания организаций и расширению деятельности мечетей как очагов повышения нравственных установок и интеллектуальных ценностей.

17. Первенства воспитания над образованием в вопросах разработки политики, планов и исполнения их на различных уровнях сферы образования и в обществе в целом.

18. Непрерывной прямой помощи государства сфере культуры, ее укрепления и развития».

«3. Наставление молодежи и подростков в областях, относящихся к религиозной вере, внутренней культуре, созиданию, науке, искусству и технике, физическому воспитанию, человеческим взаимоотношениям, семейной и общественной жизни, участию в различных сферах культуры, общественной, политической и экономической жизни посредством:

1. Укрепления исламского образа мышления, религиозной веры и побуждения к праведным действиям, исполнению религиозных обрядов и почитания религиозных традиций.

2. Пропаганды достойного поведения — личного, в семье и обществе, борьбы против распространения непристойного образа действий под воздействием просачивания чуждой культуры.

3. Пропаганды различных примеров поведения членов семьи пророка (мир их душам и телам) как высоких образцов поведения — личного и общественного.

4. Дальнейшего укрепления внутренней и политической убежденности в правильности управления и руководства исламским обществом.

5. Заботы о воспитании творческого духа, новаторства в области науки, культуры, искусства.

6. Планирования, направленного на раскрытие блестящих и выдающихся способностей и направление их в сферы, в которых нуждается страна, и борьба против утечки мозгов.

7. Осведомление молодых людей о богатом культурном исламском и национальном наследии и борьбе с духом самопрезрения и самоотчуждения перед лицом западной культуры.

8. Ознакомления молодых людей с новинками науки и техники при соблюдении ими их обязательств перед исламскими ценностями.

9. Укрепления чувства уверенности в себе и доверия к возможностям, открываемым профессией.

10. Усиление научной основы и критического мышления, а также поощрения к исследовательской работе и чтению книг.

11. Распознавания внутренних и внешних врагов и укрепления духа противления культурному вторжению, социальным порокам и преступности.

12. Разработки планов, направленных на достойное использование досуга.

13. Необходимого внимания здоровью тела и бодрости духа, а также сохранения радости и свежести молодости посредством всеобщего распространения физической культуры.

14. Поощрения заключения браков и создания семей, предусматривающее создание благоприятных условий и вселение обоснованных надежд, сокращения формальностей и обеспечения информированности в вопросах, касающихся шариатского образа действий и норм при выборе супруги и семейных норм.

15. Создания необходимых предпосылок для деятельного участия молодых людей в политических, социальных и экономических делах и упрочения духа взаимопомощи и принятия на себя ответственности».

Даже на фоне приведенных выше текстов тех звеньев 2-го плана, в которых наиболее полно нашла отражение роль, отводимая исламу, примечательно и следующее: указанным двум звеньям следуют, в частности, два звена, также имеющих отношение к человеческому фактору, а стало быть и религии, хотя их содержание и относится к экономике: «Рост производительности...» (14 пунктов, реализация которых призвана выполнить поставленную задачу) и «Обучение необходимой рабочей силы...» (18 пунктов). В данном случае заслуживает внимания их, так сказать, вступительный «аккорд». Это — «Распространение культуры труда и производства, а также воспитание чувства трудовой чести в целях повышения производительности рабочей силы» и «Расширение обучения в области культуры, воспитания убеждений, науки, техники и других сферах» соответственно.

Отчетливо проявившаяся во Втором плане тенденция фактической религиозной деидеологизации и деполитизации, имеющая целью по возможности устранение такого рода препятствий на пути глубокой и всесторонней модернизации страны, «сбалансирована» помимо встречающейся в нем категорий «исламских ценностей», как и часто фигурирующей формулой «исламская революция», еще и наличием в этом плане примечания № 55, предписывающего правительству выделять в государственном бюджете «отдельную статью», предусматривающую ассигнование средств на

пропаганду личности, трудов Хомейни и их издания. При этом ссылка делается на принятый 5 ноября 1989 г. «Закон о порядке сохранения произведений и памяти Его светлости имама Хомейни (да будет над ним благоволение Всевышнего). В нем, в частности, предусматривается и печатание ассигнаций и чеканка монет с изображением портрета Хомейни, а также вывешивание его портретов во всех учреждениях ИРИ, как внутри страны, так и за ее рубежами.

¹⁴ О времени и обстоятельствах, при которых сделано было это заявление, а также реакции на нее высокопоставленных функционеров ИРИ, см.: Арабаджян А. З. О так называемом «Первом плане Исламской Республики Иран» (1989/90—1993/94) — Восток, 1996, № 6. Сколько мало в нем было от метафоры, можно судить по тому, что Конституцией ИРИ, утвержденной в декабре 1979 г., использование иностранного капитала в виде займов, кредитов и услуг было запрещено. Запрет этот был снят в результате внесения изменений в Конституцию уже после смерти Хомейни в июне 1989 г. Следствием стали многомиллиардные контракты с иностранными компаниями на строительство промышленных и иных технических современных объектов в экономике страны.

¹⁵ Насколько позиция Рафсанджани отличалась еще в описываемое время от позиции Хомейни, можно судить по небольшому, но весьма симптоматическому эпизоду, описанному мною там же как очевидцем.

¹⁶ Под глубиной модернизации я имею в виду прежде всего степень затронутости сферы производства, включая в это понятие и производственную инфраструктуру.

Коль скоро данная статья так или иначе посвящена Ирану, отмечу, что высказанное суждение есть основание проиллюстрировать примером, взятым из истории народного хозяйства этой страны, примером, относящимся к середине 20-х годов, когда она стала делать первые приносившие результаты шаги к модернизации народного хозяйства. Пример этот относится к работе мысли, к осознанию необходимости глубокой модернизации и представлен страстным желанием автора книги, которую можно назвать замечательной и в наши дни. Это — книга под названием «Ключ к экономической независимости Ирана». Вышла она в свет в 1925 г. Автором ее является Ахмед Матин-Дафтари. В ней он, частности, писал, заглядывая в будущее страны: «День, когда мы поставим силы и сокровища, скрытые в горах Эльбурса, на службу своей экономике, день, когда печи, в которых плавится железо, рассеют свой густой дым над этой страной, день, когда жидкое железо, белое и испепеляющее, бурля, устремится в изложницы и на других этапах своего движения превратится в металлические рельсы и другие изделия... — день этот можно будет считать предвестником счастливого будущего нашей экономики». С программой модернизации Ирана, предложенной указанным автором, как и с концепцией и стратегией экономического развития дореволюционного Ирана, рассмотренных в их эволюции, читатель может ознакомиться по книге: Арабаджян А. З. Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60—70 годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики). М., 1983. Возможно, эта цитата поможет более понять, почему в данной статье я даю резкую оценку экономической позиции Хомейни и Банисадра и пишу с чувством удовлетворения о возвращении последующих руководителей ИРИ к задаче преодоления экономической отсталости страны.

Поскольку я затронул вопрос глубины модернизации, не выходя за рамки темы данной статьи, лишь отмечу, что знакомство с текстом Второго плана дает основание сказать следующее. Составители плана не только исходят из необходимости модернизации экономики, но и ставят задачу обеспечения модернизации с учетом того, что научно-техническая революция, осуществляемые в ходе ее НИОКР и порождаемые ими новые производительные силы, так сказать, поднимают планку критерия модернизации как категории исторической, имеющей своей основной постоянное развитие науки и техники.

¹⁷ Мухаммад Реза Пахлави «Бесең тмаддон-э бозорг» (Б. м., б. г.). На перс. яз. Мухаммед Реза Пехлеви. «К великой цивилизации», с. 337—338.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ИРАНА И СТРАН РЕГИОНА

80-х — 90-х годов

Сегодня мы являемся свидетелями неуклонно нарастающей интеграции развивающихся стран в систему мирового хозяйства. К середине 90-х годов этот процесс становится более интенсивным и находит свое выражение в сопредельных сферах национальной жизни — идеологии, политике, культуре на региональном уровне.

Прежде всего отметим явно сопутствующую экономическим интеграционным процессам обособительную тенденцию в развитии национальных культур, в частности, повышенный интерес к трактовке собственной культурной самобытности. На наш взгляд, сочетание в мировом развитии сегодня внешне как бы взаимоисключающих процессов — интеграционных и обособительных — закономерно и охватывает оно не только страны Востока и изучаемого нами региона. Проблема «самоидентификации» («айдентити») сегодня существует как глобальная, заполнившая собой сферу общественного сознания и развитых и развивающихся стран.

Каковы же корни этого явления? Они отчасти могут быть объяснены тем, что сама стратегия интеграционных процессов в мире накануне XXI века диктует усиление поисков оптимальной модели национального развития. Такая модель развития отрабатывается через обобщение и мобилизацию национальной культурной традиции, исторического опыта. Путем переосмысливания исторических трудов, религиозно-философской литературы и классической поэзии.

Аналогичные тенденции сегодня наблюдаются и в области востоковедных российских исследований, где в последние пять-шесть лет особое внимание привлекла проблема места и роли России на азиатском континенте¹. Весьма продуктив-

ными являются поиски социо-культурной роли России в европейском и азиатском ареале, идеи формирования евразийской цивилизации, центристской модели общественного устройства для России и формулы «согласия», вокруг которых сегодня концентрируются интеллектуальные течения нашего общества². Следует также отметить не менее значимую линию в изучении и осмыслении контактов истории России со странами исламского региона — это преобладание цивилизационного принципа, т. е. особого интереса к сопоставлению культуры, религии, образа жизни и выявлению совместимых принципов менталитетов и идей, способствующих диалогу и взаимодействию³. Данному более глубокому осмыслению ислама способствует и перевод Корана на русский язык, выполненных на высоком текстологическом уровне М. — Н. О. Османовым⁴.

Цель данной статьи — проследить как трактовались идеи иранской культурной самобытности в общественной мысли Ирана и как они влияли на культурно-политическую доктрину страны в регионе на протяжении выбранного нами периода.

На протяжении 70-х — 90-х годов роль культурных традиций, культурного наследия в жизни иранского общества пережила разительную трансформацию. И эта эволюция идей определялась задачами и целями модернизации страны с конца 40-х годов XX века. Если на ранних этапах модернизации осмысление исторического прошлого призвано было как бы декорировать облик социума, смягчать и сглаживать в сознании людей неизбежность перемен, соединяя прошлое и настоящее, т. е. играть роль фактора компенсаторного, сглаживающего терни модернизаторства, то после начала «белой революции», с конца 60-х годов культурное наследие стало доминировать в государственной идеологии. В последнее десятилетие правления Мохаммеда Реза Пехлеви культурное наследие стало структурообразующим элементом в познании стратегии дальнейшего пути иранского общества. Именно на свои культурные традиции опиралось общественное сознани при встрече с незнакомым будущим.

Модернизация страны уже с 60-х гг. проходила под знаком пробуждения национального самосознания. Историческая и культурологическая проблематика воплотилась в исследованиях иранского эпоса, доисламской и исламской религиозной мысли, классической поэзии, древней истории. Именно эта эпоха породила плеяду известных ученых — Забихолла Сафа, Абдолхосейна Зарринкуба, Сейда Хосейна Насра,

Эхсана Нераги, Реза Барахани, Нодушана Али Эслами, Але Ахмада, Али Шариати⁵.

В эти годы в иранской общественной мысли начала формироваться как бы самостоятельная область знания — «культурное наследие» («мирасе фарханги»), дающая выход пробудившемуся национальному самоопределению («ходагхи») и одновременно стимулирующая поиск рациональной модели развития страны.

Если шахская культурная политика опиралась на тезис непрерывной культурной традиции иранской государственности двух с половиной тысячелетий, то после 1979 г. в культурно-идеологической практике исламского государства получили развитие идеи исламского реформатора социалистической ориентации Али Шариати. Это были идеи «возврата к себе», к своим исламским корням («базгашт бе ход»). Данный тезис возврата к своим корням весьма гибко и произвольно трактовался исламскими политиками в зависимости от потребностей времени.

Так, исламские идеологи после образования ИРИ декларировали отказ от общеиранского культурного наследия и его трактовки периода монархии. После 1979 г. это понятие уже не включало в себя период древней доисламской цивилизации и отныне начиналось для граждан ИРИ только с 7 века, когда в Иране был принят ислам. После начала ирано-иракской войны (1982 г.) пространство культурного наследия и истории еще более сузилось и свелось к истории только шиитской ветви ислама. С 1984 по 1989 г. культурное наследие в массовой пропаганде и учебниках исчерпывалось трактовкой событий иранской революции и подробным изучением биографии имама Хомейни. Упоминание о четырнадцати веках ислама служит как бы бледным фоном для событий 1978—1979 гг.

Концепция исламского пути развития была поставлена на службу сугубо прагматическим целям шиитского духовенства и режима. Во все области духовной жизни страны стали вынедряться идеи и понятия исламской революции. В общественной и политической жизни стала доминировать теологическая символика, окрашивающая собой не только понятия культуры, но и экономические и правовые термины (например — «тоухидная экономика»). Официальная идеология поставила перед собой задачу, опираясь на политический опыт революции, дать цивилизационное обоснование современному исламскому государству. Для этой цели была предпринята попыт-

ка пересмотреть всю историческую и культурную традицию общества. Отсюда стремление выработать новую (по сравнению с эпохой монархии) трактовку истории и систему образности, опирающуюся почти исключительно на традиции мусульманства, или — еще уже — на традиции шиизма в его схематизированном варианте, приспособленном к политическим потребностям исламского режима. Произошла «ревизия» и переосмысление недавней истории с целью идеализации образа революции, ее вождей и участников. При этом все реже упоминается в школьных учебниках и на страницах печати о религиозно-политическом наследии таких видных исламских деятелей, проповедников теории исламской политической активности, как Али Шариати и аятолла Телегани.

В массовой литературе 80-х — 90-х гг. преобладает религиозно-патриотическая и военная тематика. Сразу после 1979 г. поэма Фирдоуси «Шах-наме» была запрещена шиитскими властями, как и все прочие издания, в которых упоминалось слово «шах». Это насильтвенное сужение культурно-исторической памяти вело к застою в жизни страны, поэтому оно воспринималось в Иране крайне болезненно и вызывало протесты.

Тем не менее, отрицая все идеологические постулаты шахского режима, правящая религиозная элита ИРИ отдавала себе отчет в значимости самого института «культурного наследия» в жизни общества. Поэтому в 80-е годы официальная пропаганда культурного наследия (в усеченном, исламизированном и меняющемся объеме), а также отводимая ему роль в укреплении государства еще более усилилась по сравнению с периодом Мухаммеда Реза Пехлеви.

С конца 80-х годов, после прекращения ирано-иракской войны и кончины имама Хомейни наблюдается ослабление жесткого исламизированного идеологического курса, а в политике и культурной жизни страны заметнее начинает пропступать традиционный, собственно иранский элемент. Оживляется культурная жизнь, свидетельствуя о новых общественных настроениях в социально-политическом климате страны. С начала 90-х ггов в Иране вновь стало издаваться множество литературно-публицистических и научно-информационных журналов светского характера, таких как «Келк», «Гердун», «Аргеван», «Адабияте дастан», «Ше'ер», «Кейхане фарханг», «Пейам». В декабре 1990 г. в литературную жизнь страны была возвращена эпическая поэма Фирдоуси «Шах-наме». В поэзии, как бы компенсируя недавний запрет

«Шах-наме», распространялось множество современных сти-хов, навеянных реминисценциями из «Шах-наме» (так назы-ваемый «фирдоусизм» — по терминологии иранских крити-ков).

Тенденция к освобождению культуры достаточно стабиль-на. Но следует отметить, что власти при этом действуют весь-ма гибко, без резких откатов от культурно-политических принципов ислама, введенных в жизнь после 1979 г. По-преж-нему работают исламские исследовательские центры в Куме и Мешхеде, религиозные дисциплины продолжают занимать главенствующее место в школьной и университетской системе образования. Строго соблюдаются шиитские догматы веры, регулирующие повседневную жизнь.

Наряду с этим возрождение традиционных ценностей (возврат в культурный обиход наследия Фирдоуси, поэтиче-ского творчества великих мистиков и философии суфизма) происходит в определенной последовательности. Первые по-пытки преодолеть культурный вакуум, в котором оказалась страна к концу 80-х годов, были предприняты после кончины имама Хомейни и связаны с его именем. Ко дню первой го-довщины его смерти было приурочено издание в 1990 г. сбор-ника мистических газелей Хомейни «Вино любви». Читатель увидел в этой книге Хомейни в неизвестном до той поры об-лике — суфийского поэта-мистика, тонкого лирика, раскрывающего сокровенные уголки души. Сборник «Вино любви» должен был подчеркнуть важную, может быть самую глав-ную черту духовного облика лидера — его органическую связь с классической традицией поэзии на фарси: в памяти потомков он должен оставаться и как поэт-суфий, владеющий суфийской символикой.

Моя жизнь подошла к концу,
а возлюбленная моя так и не появилась,
Моя история подошла к концу,
а конца этим горестям так и не видно,
Моим рукам дэстался кубок смерти,
а кубка вина я так и не увидел,
Пронеслись надо мной годы,
а милости от возлюбленной я так и не увидел,
Птица души пала в клетке,
потеряв оперенье и никогда
Не появится тот, кто должен
сокрушить эту клетку⁶.

Когда в декабре 1990 г. в Тегеране под эгидой ЮНЕСКО с большой пышностью был прведен международный конгресс «Тысячелетие составления критического текста «Шах-наме», это событие (как и издание газелей Хомейни) означало существенное изменение культурной политики. Большая часть докладов принадлежала ученым стран азиатского региона — Пакистана, Афганистана, Турции, Индии, Китая. Организатором конгресса был Институт культуры при министерстве культуры и просвещения, возглавляемый доктором Боруджерды, зятем Хомейни.

Иранская сторона провозгласила приверженность классической традиции в культурной политике. Одновременно было продемонстрировано стремление объединить ученых Азии и всего мира вокруг ценностей персидской классической поэзии и наследия Фирдоуси. Значение общих культурных ориентиров для региона Ближнего Востока и Центральной Азии иранская политическая элита начала осознавать еще в конце 80-х годов. Не случайно имам Хомейни, как исламский харизматический лидер, предпринял перед самой кончиной попытку объединения региона под знаком сохранения чистоты и неприкословенности ислама, под знаком идеологической непримиримости мусульманских принципов и западных культурно-эстетических установок. И тогда, в феврале 1989 года, на весь мир прозвучала подписанная им фетва — смертный приговор английскому писателю индийского происхождения Салману Рушди за его сатирический роман «Сатанинские стихи». Эта акция была направлена на то, чтобы объединить исламский мир, противопоставив его в культурно-религиозном плане западному миру.

Нерешенная и по сей день судьба писателя и его книги, вовлеченность в эти события интеллектуалов Запада, духовных и политических лидеров мусульманских стран, обычных людей во многих странах, говорит о том, что культурно-религиозная проблематика выходит ныне на передний край политической и общественной жизни восточных обществ, определяя порой темы и возможности их приобщения к новой цивилизации будущего.

Культурная политика Ирана 90-х годов свидетельствует о том, что его лидеры ведут интенсивные поиски путей модернизации своего общества и места страны в регионе, опираясь на истоки национальной культуры, ее позитивные традиции и укорененность в культурной памяти соседних стран. Постепенно начинает оформляться и культурно-политическая доктрина

рина ИРИ, опиравшаяся на серию мероприятий и акций общегосударственного и регионального масштаба. Вот некоторые из них.

В феврале 1994 г. в Тегеране состоялась конференция иранистов и преподавателей персидского языка и литературы России и стран СНГ, приуроченная к 15-й годовщине исламской революции в Иране. Конференции была придана высокая политическая значимость. С докладами по культуре выступили главы всех основных министерств и видные иранские деятели науки. Участников приняли тогдашний президент ИРИ Али Хашеми Рафсанджани и духовный лидер Ирана — аятолла Хаменеи. Во всех выступлениях подчеркивалась роль языка фарси в исторических связях и общении стран региона — Индии, Пакистана, Турции, Афганистана, северного Китая. Фарси был провозглашен «вторым языком ислама», а Коран на фарси — важным фактором консолидации мусульман региона. Подчеркивалась необратимость и важность классической поэзии на фарси — фарсиязычных поэтов Индии, Пакистана, Таджикистана, потребность распросстранения и изучения творчества Икбала и поэтов индийского стиля — Бедиля и его школы. Мощным культурно-консолидирующим фактором были признана суфийская поэзия и философия суфизма (Моулави Руми и Саэбе Тебризи) для народов Турции, Афганистана, Пакистана. Особый акцент прозвучал в трактовке роли классического эпоса (Фирдоуси) для народов Центральной Азии и всего региона.

Именно на перечисленные факторы возлагается задача создания почвы для интегрирования в регион с общими культурными и экономическими предпосылками.

В 1995 году в Тегеране была проведена аналогичная конференция иранистов и преподавателей языка фарси из Индии, Бангладеш, Турции, Пакистана, с докладами ученых и выступлениями государственных лидеров страны.

В том же году в культурно-политической доктрине ИРИ появились новые мотивы — отчетливое стремление расширить ее рамки за счет восстановления историко-географических контактов и geopolитических интересов. 4 сентября 1995 г. в Исфаганском Университете министр иностранных иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти открыл научную конференцию по проблемам Великого Шелкового Пути, в которой участвовало 30 иранских и зарубежных университетов.

О роли и значении Ирана в Великом Шелковом Пути было прочитано 17 докладов учеными Ирана, Пакистана, Индии, Японии, Франции, Великобритании и Германии.

В своем вступительном слове Велаяти подчеркнул экономическую и культурную значимость Шелкового Пути, «сочединившего между собой еще в глубокой древности многие народы и государства Востока и Запада»⁷. Была подчеркнута выдающаяся роль иранских ученых прошлого — Аль-Бируни, Ар-Рази, Авиценны и Ибн-Мусы Хорезми в распространении передовых идей и научных достижений среди сопредельных народов, населявших земли вдоль Шелкового Пути.

Весьма информативным и значимым в политическом плане было выступление Али Акбара Велаяти в Индии на конференции индийских промышленников в Калькутте, посвященной столетию этой организации. Прежде всего он отметил «новую, достойную роль стран региона с начала 90-х годов в деле созидания нового мирового порядка на основе своей национальной сущности и независимости»⁸. Обращаясь к индийской аудитории, Велаяти провозгласил действенность исламского принципа Али Шариати «Возврата к себе» («базгашт бе ход»), который, по его мнению, «действенен и проявляется в культурном, политическом и экономическом контексте жизни региона». Далее была нарисована перспектива включения Индии в региональные связи Ирана и Центральной Азии, успех и благоприятный отклик которых «гарантирует общее для этих стран культурное наследие». Обращение к данному тезису прозвучало в речи Велаяти несколько раз, и даже в тех ее разделах, которые касались конкретных экономических, демографических и geopolитических аспектов: «Азия в силу своих особенностей может стать одним из мировых центров силы. С одной стороны, у нас есть богатое культурное наследие древнего Ирана, Индии и Китая, образующие фундамент нашего развития. А с другой — в нашем распоряжении красивейшая и богатейшая природа и несметные запасы полезных ископаемых, прежде всего — нефти и газа. Эти потенциальные возможности могут быть реализованы только в рамках всестороннего сотрудничества в рамках региона». В ходе этого визита Велаяти предложил конкретную экономическую программу ирано-индийского сотрудничества, суть которой коротко можно сформулировать как предложение к Индии вливаться в программу ЭКО: это строительство железных дорог в Иране, восстанавливающих Шелковый Путь, газопровод из Ирана в Индию, эксплуатация

нефтегазовых месторождений Центральной Азии и экспорт этих ресурсов через порты Персидского залива и Османского моря посредством трубопровода, развитие легкой и тяжелой промышленности. Культурные планы совместного сотрудничества, по предложению Велаяти, предусматривают вовлечение Индии в развитие культурных связей между народами Ирана, Индии и Центральной Азии «на основе многочисленных письменных памятников историко-литературного и этнографического характера последних шести веков». Предусматривается привлечение иранских и индийских экспертов для восстановления памятников древности в странах Центральной Азии.

Из примечательных особенностей нового в культурно-политической жизни страны 90-х годов — культурный и геополитический интерес к России. Как говорилось выше, в массовых и литературных изданиях наблюдается стремление дать широкую информацию о литературе и художественных течениях западного и восточного мира. Отчетливо заметен пиетет перед русской культурой. Только в 1992 г. появились переводы стихов А. Ахматовой, «Путешествия в Армению» О. Э. Мандельштама, из классической литературы — сборники рассказов Л. Н. Толстого в 2-х томах, рассказы Ф. М. Достоевского, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, перевод поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах». В Иране традиционно сильное литературоведение, и здесь приятно отметить переводы с русского В. В. Набокова «Уроки русской литературы», Л. Гроссмана «Достоевский — жизнь и творчество». В общих и специальных дискуссиях иранских критиков часты ссылки на произведения Чехова, Тургенева, Грибоедова и других русских авторов.

Стоит также отметить широкое освещение литературы всего региона Таджикистана, Турции, Афганистана, Пакистана, Египта и Ирака. Достаточно полно представлена в иранских изданиях западная современная проза и поэзия и произведения писателей Латинской Америки. В художественных изданиях проблематика ислама по отношению ко всему остальному материалу занимает место 1 : 20.

В целом сегодня культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе отходит от чисто исламских постулатов и ориентируется на распространение и пропаганду памятников иранской культурной традиции — языка фарси, поэзии фарси, текста Корана на фарси, реконструкции исторических традиций

онных связей, распространению общих этических доисламских и исламских принципов. Исламское наследие присутствует в доктрине лишь как некий общий фон.

Примечания

¹ Гудыменко А. В. Россия в системе глобальной координат: подходы к проблеме.— Восток, 1994, № 3, с. 5; Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия (тезисы). М., 1992.

² Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992; Россия и Восток: проблемы взаимодействия (тезисы). М., 1992.

³ Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995; Лось В. А. Россия, Восток и Запад: на пути к устойчивой цивилизации третьего тысячелетия.— Окружающая среда и социально-экономические процессы в исламском мире. М., 1994.

⁴ Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. М., 1995.

⁵ Кляшторнна В. Б. Иран 60—80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990, с. 65—105.

⁶ Бадейе эшг. Ашаре арефанде хезрате эмама Хомейни. Техран. 1990, с. 25.

⁷ Новости из Ирана (буллетень посольства ИРИ в России), 8.09.1995, № 7, с. 10.

⁸ Эттелаат, 9.01.1995; цит. по: Третий взгляд. (буллетень посольства ИРИ в России) 25.04.1995, № 35, с. 13.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АФГАНИСТАНЕ (конец XIX—XX вв.)

Модернизация конца XIX — начала XX в. в странах Востока явилась следствием вторжения европейской цивилизации, военной, экономической и политической экспансии европейских держав. Мусульманские страны не столько не могли ей успешно противостоять, сколько не могли приспособиться к новым реалиям. Передовые люди этих стран понимали важность достижений в различных областях науки, просвещения и применения их в своих странах. Во всех государствах Среднего Востока (Пакистан, Афганистан) нововведения не были исключением. Модернизация начиналась с вооруженных сил. Однако, реорганизация армий требовала подготовленных специалистов, что влекло за собой необходимость в создании новых учебных заведений, новых программ, новых государственных учреждений. Чтобы оценить, каковы были изменения в системе просвещения Афганистана, обратимся к истории его развития. Ислам, получивший распространение в Афганистане с VIII в., определял все стороны жизни страны. Вместе с ним население Афганистана восприняло первую систему образования, в которой основное место в процессе обучения занимало изучение Корана. В средних и высших школах преподавалось мусульманское право, арабский и персидский языки, литература, математика, история мусульманских завоеваний и династий, медицина. Мусульманские школы способствовали развитию культуры и науки в стране. Основными научными центрами Афганистана в средние века были крупные города: Балх, Газни, позже стали Герат, Кандагар и Кабул.

Заметные положительные результаты в становлении системы просвещения Афганистана, связанные с проходившими в стране процессами модернизации общества, произошли в 70-е гг. XIX в. — начале XX в.

Известный афганский просветитель начала XX в. Махмуд Тарзи отмечал, что одной из причин отсталости страны и состояния просвещения являлось пренебрежительное отношение правящих кругов к науке и образованию, засилие суеверий, ставших тормозом общественного развития. Он писал, что в «Любом из городов Панджаба можно найти больше образованных людей, чем во всем Афганистане»¹. Корни такого печального положения он видел в том, что страна не имела своих учителей. Тормозом на пути развития образования являлась также политика Великобритании, направленная на искусственную изоляцию Афганистана от остального мира. После установления независимости (1919 г.) правительство страны приступило к проведению политических и социально-экономических преобразований, что положительно сказалось и на развитии социальной инфраструктуры страны (системе просвещения, радио и связи, печати и т. д.). Эмир Аманулла-хан так оценивал важность просвещения для Афганистана: «Во имя независимости стремитесь к просвещению. Без учения и совершенствования Афганистан будет подобен слабому ребенку; но овладев знаниями, он в десятки раз увеличит свою внешнюю и внутреннюю силу и займет подобающее место среди других великих народов. Посылайте же своих детей в школы; удаляйте их от себя; посылайте их за границу»².

Исторически сложилось так, что народы, населяющие территорию Афганистана, отличались друг от друга по языку, культуре, религиозным верованиям. Среди них выделялись иранские, тюркские, монгольские, индийские племена. Обычаи, язык складывались под влиянием миграционных процессов, при вторжении завоевателей.

В начале XX в. система просвещения Афганистана продолжала оставаться, в основном, в ведении мусульманских богословов, программы учебных заведений были рассчитаны на изучение исламских наук и только начальных сведений по письму, чтению и арифметике. Обучением охватывалась очень незначительное число детей и молодежи, в основном, из богатых семей. Имелись частные преподаватели, которые давали детям отрывочные знания по современным наукам. В конце XIX в. постепенно открываются первые школы европейского типа, находившиеся на государственном обеспечении. К этому времени относится появление первых печатных книг и газет.

Попытки модернизации общества, обновления в различных сферах экономики Афганистана просматривались на рубеже XIX и начале XX вв. и особенно после завоевания независимости. С этого времени расширились связи Афганистана с другими странами. В качестве преподавателей в афганские учебные заведения приглашаются специалисты из Франции, Англии и т. д. За прошедшие десятилетия в стране были открыты несколько лицеев («Хабибия», «Истикляль») и первое женское учебное заведение («Заргуна») в 1921 г. Школа отличалась рядом предметов, необходимых для девочек (кулинария, шитье, домоводство).

В столице Афганистана был открыт первый лицей с военным и гражданским отделениями. В этом учебном заведении религиозные науки, историю преподавали афганцы, а приглашенные иностранные специалисты вели занятия по математике, географии, химии, естествознанию и т. д. На гражданское отделение принимались только дети из зажиточных семей: их готовили для работы на дипломатической службе, в судах, госучреждениях.

Однако после свержения в начале 1929 г. эмира Амануллы-хана многие преобразования, начатые при нем, были отменены или приостановлены³. Несмотря на недостатки из-за спешности в проведении реформ в период Амануллы-хана результаты, в целом, были заметны. Так, были приняты новые законы, способствовавшие общему подъему экономики, культуры и, в частности, системы просвещения. Расширилась сеть светских школ, строились новые; прокладывались дороги, открывались промышленные предприятия. К концу 20-х гг. несмотря на определенные изменения в области системы просвещения Афганистана, страна оставалась одной из самых бедных и отсталых стран в мире.

До 40-х гг. основные учебные заведения страны были сосредоточены в Кабуле. В провинциях первый лицей (1936 г.) был открыт в Кандагаре. Затем организовались начальные и средние школы европейского типа в Чарикаре, Баглане, Ханабаде, Лагмане, Герате, Мазари-Шарифе⁴. В 1947 г. в Кабуле был открыт лицей «Хушхалькан» для детей пуштунов из Северо-Западной пограничной провинции и «полосы племен» Пакистана.

Проведение социально-экономических реформ, возведение новых для страны капиталоемких предприятий — электростанций, автодорог и т. д., предприятий легкой промышленности, пищевой, способствовало развитию частного капитала.

Накануне второй мировой войны в Афганистане была предпринята попытка ввести планирование экономики. Новое время требовало значительного числа квалифицированных национальных кадров, специалистов различного профиля для всех сфер экономики.

На протяжении 40—80-х гг. несмотря на отдельные успехи в развитии системы просвещения основные учебные заведения страны все же остаются сосредоточенными в крупных городах (Кабуле и др.). Начальные школы с шестилетним обучением также располагались в городах, а трехгодичные — в сельских районах. Средние учебные заведения находились в столице и крупных городах. Были организованы школы-интернаты, предоставлялись льготы учащимся, выплачивались стипендии. В лицеях и полных средних школах (7—12 классы), по своим программам близким к европейским школам, обучались в основном дети имущих слоев населения.

Следует заметить, что в средние века и много позже дари, родной язык для многих народов среднего Востока и для таджиков, населяющих Афганистан, был государственным языком. На нем велось государственное делопроизводство, создавались литературные произведения. Язык дари, отвечая традициям, долго оставался государственным языком страны, в то время как язык пушту использовался как средство общения простого народа. Долгое время (почти до конца 50-х гг.) обучение в школах, издание книг, газет, передачи по кабульскому радио велись только на двух языках — дари и пушту, что соответствовало двум наиболее многочисленным группам населения страны: пуштунам и таджикам, обладающим основными материальными богатствами (крупные землевладельцы, купцы). Стремление национальных меньшинств сохранить свою культуру, пользоваться своим языком приводило к столкновению и противоборству с официальными приверженцами языка пушту или дари.

При острой нехватке учителей для расширения средних школ и пополнения педагогического состава с 40-х гг. открываются педагогические училища, которые в 50-е годы стали выполнять задачи по выпуску преподавателей для начальных и средних школ, где имелись отделения по подготовке в высшие учебные заведения.

С 1957 г. существует еще один женский лицей «Рабия Балхи». В состав учителей входило 24 человека, а число учащихся насчитывало более 1400 чел. Первые 20 человек закончили его в 1958 г.⁵ В 1946 г. состоялся первый выпуск ли-

цея «Ахмад Шах Баба» (Кабул) с программой, обычной для всех подобных заведений. Окончившие поступали в Кабульский университет или в зарубежные университеты.

К середине 50-х гг. в Афганистане появились новые лицеи, возникшие на базе начальных и средних школ в различных провинциях страны (в Чарикаре, Баглане, Ханабаде, Лагмане, Герате и др.). Однако многие сельские районы школ не имели, или занятия здесь проводились на природе, под открытым небом. До 1978 г. обучение во всех учебных заведениях страны, издание книг, газет велось только на языках дари и пушту. Язык и культуры национальных меньшинств подвергались дискриминации. В унитарном государстве неизбежно происходило подавление культурного развития малых народов.

С 20-х гг. школы страны подчинялись Министерству просвещения. По Конституции страны 1931 г. было объявлено, что «начальное обучение для детей афганских подданных обязательно»⁶. Упор делался на соблюдение заповедей Ислама. Все же вплоть до 80-х гг. это правило не соблюдалось по разным причинам. Мешали и нехватка учителей, зданий для школ, оборудования, учебников и т. д. Особенно тяжелое положение в организации школ, как уже упоминалось выше, складывалось в сельских районах Афганистана. На протяжении многих лет грамотность в стране оставалась на низком уровне (среди мужчин — около 20%, среди женщин -- менее 5%)⁷.

При содействии ЮНЕСКО с 1964 г. в Афганистане начала действовать Педагогическая академия (в Кабуле), имеющая два отделения: магистратуры (подготовка преподавателей с высшим образованием для педагогических колледжей и лицеев) и колледжа, который готовил учителей для начальных и средних школ.

По словам известного исследователя Афганистана В. А. Ромодина, создание афганских лицеев имело несомненно положительное значение для развития культуры. «Во-первых, была положена основа для создания новой интеллигенции, пусть на первых порах немногочисленной, но получившей современное образование и унаследовавшей лучшие национальные традиции»⁸.

После апрельского переворота 1978 г. власти предприняли попытку прежде всего решить проблему ликвидации массовой неграмотности населения. С этой целью организовывались курсы по ликвидации неграмотности. (Так, в 1983 г. на

курсах обучалось более 630 тыс. граждан). В 1981 г. состоялся I съезд учителей страны, открылись первые новые сельские школы.

В 70—80-х годах система образования Афганистана включала начальное, неполное среднее и высшее образование. В планы начальной школы входили предметы: Коран, языки дари, пушту, арифметика, история, рисование, физкультура. В сельских школах преподавал один учитель, а число учеников достигало 10—25 человек. Основными предметами были: арифметика, письмо, отдельные практические навыки, основы религии. В 1953 г. в стране была создана первая школа для детей кочевников, которая передвигалась вместе с населением летом на пастбище, а зимой возвращалась в село. В такой школе не было постоянного здания, занятия велись на открытом воздухе: по трем учебникам и Корану. Имелись единичные сельские женские школы, где срок обучения составлял 6 лет⁹.

С 80-х гг. в Афганистане среди трудоспособного населения, равного 9,3 млн. чел., грамотные составляли только 11% (хотя с 1960 г. по 1974 г. число начальных и неполных средних школ выросло с 1191 до 3781, а число учащихся в них — с 184659 до 732416 чел.). Увеличилось также количество средних и специальных профессионально-технических школ (с 47 до 236). К началу 80-х гг. число студентов в Кабульском университете, открытом в 1946 г., составило 6024 чел. В 1973 г. открыт Кабульский политехнический институт (построенный с помощью СССР). В том же году в Кабуле начал работу автомеханический техникум, а в 1975 г. в Мазари-Шарифе — горно-нефтяной техникум. Несколько средних технических учебных заведений было открыто ранее с помощью западных стран.

С конца 1978 г. существует первая в истории страны Академия наук Афганистана. К началу 80-х гг. в стране на общее число населения с 15 млн. чел. имелось всего 4185 школ всех типов. Только 14% детей и подростков школьного возраста и молодежи училось в школах и техникумах или других учебных заведениях. Система просвещения представляла собой совокупность учебных заведений, применявших современные методы обучения (общеобразовательные школы, профессионально-технические и высшие учебные заведения) и частично традиционные методы (в мусульманских школах — медресе). Больше половины школьных зданий требовали ремонта. Не хватало учебников, оборудования. Для детей тру-

дящихся путь к образованию практически был закрыт. Так, в конце 80-х гг. в торговых школах более половины учащихся составляли дети государственных служащих, в школах по делопроизводству около 70% учащихся были дети помещиков, они же доминировали среди учащихся в сельскохозяйственных школах, в технических училищах. Лишь в промышленных и механической школах учились сыновья ремесленников, интеллигенции, получавшие стипендии от министерства просвещения. Несмотря на военные действия, начавшиеся в 1980 г. и продолжавшиеся до последнего времени, правительством Афганистана предпринимались меры по дальнейшему реформированию системы просвещения, подъему науки и системы здравоохранения, расширению и усовершенствованию подготовки национальных кадров, развитию национальной культуры. Началось составление новых школьных программ, росло число школ и других учебных заведений. В средние и высшие учебные заведения был расширен доступ детям бедняков. Для борьбы с неграмотностью при министерстве просвещения был организован департамент по ликвидации неграмотности. 2 апреля 1980 г. Революционным советом страны был принят декрет «О ликвидации неграмотности». Создавались курсы по обучению грамоте, вечерние кружки, где занимались люди разных возрастов. В 1983 г. число таких курсов, по официальным данным, достигло 31,5 тыс.; на них обучалось 632,5 тыс. чел. (число преподавателей составляло 15812 человек¹⁰. Для обучения грамоте специальные программы были разработаны в армии.

Значительные изменения произошли в системе профессионального образования и высшей школе. Были открыты новые профессиональные школы, 26 из них находились в ведении министерства высшего и специального образования, 14 — министерства здравоохранения и 1 школа — министерства связи¹¹. С общее число обучавшихся в них достигло уже в начале 80-х годов 7626 человек. В конце мая 1980 г. в Кабуле был проведен первый в истории страны съезд учителей. На нем было отмечено, что в стране многое делается для борьбы с неграмотностью, для повышения уровня знаний среди молодежи, для подготовки национальных кадров специалистов. До 1978 г. в Кабуле имелись мужские лицеи «Хабибия», «Истикляль», «Неджат» и «Гази», выпускники которых могли продолжать образование в Кабульском университете.

В Кабуле было также три женских общеобразовательных лицея («Заргун», «Малалай», «Рабия Балхи»).

Профессионально-технические заведения (педагогические, технические, торговые и ремесленные училища) в основном были расположены в крупных городах: Кабуле, Кандагаре, Шибиргане, Мазари-Шарифе, Фарахе и других. После 1978 г. впервые были открыты училища по подготовке квалифицированных рабочих, где занимались выходцы из рабочей среды и крестьянства. Учащиеся этих учебных заведений находились на полном государственном обеспечении. Были созданы вечерние профессиональные учебные заведения.

К началу 80-х годов в стране имелись техникумы: педагогические — 14 с числом студентов 4109, финансово-бухгалтерский — 7, учащихся — 420, сельскохозяйственные — 1, учащихся 3422, автомеханический — 1, учащихся 75, горно-нефтяной, 382 студента¹².

Среди высших учебных заведений Афганистана самым значительным продолжал оставаться Кабульский университет. В нем имелись факультеты: медицинский, естественных наук, фармацевтический, инженерный, сельскохозяйственный, экономический, гуманитарных наук, теологический, юридических наук и политических наук, педагогический. Важно отметить, что в Кабульском университете обучение стало бесплатным. Выплачивалась небольшая стипендия нуждающимся студентам, каждый третий бесплатно получал место в общежитии и питание. С ноября 1978 г. в Джалаабаде был открыт Нангархарский университет, имевший факультеты: медицинский, сельского хозяйства, инженерный, гуманитарный. В начале 80-х годов число студентов здесь достигло 1 тыс. человек.

Кабульский политехнический институт превратился в крупный центр по подготовке национальных кадров, который имел факультеты гражданского, промышленного, дорожного строительства, гидрологии, геологии, полезных ископаемых.

На протяжении многих десятилетий весьма прочными оставались связи с Советским Союзом в области просвещения. Из СССР в Афганистан направлялись преподаватели, ученые, специалисты-практики, занимавшиеся обучением афганцев. Группа молодых жителей Афганистана отправлялась в СССР для прохождения учебы. Многие рабочие специальности были получены афганцами на предприятиях, возводимых с помощью СССР. Подготовкой афганских студентов занимались высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента и других городов. Производственную практику аф-

ганские рабочие и специалисты проходили в городах Армении и Азербайджана¹³.

Развитию культуры национальных меньшинств на протяжении многих десятилетий уделялось мало внимания. Только в начале 80-х годов был готов проект открытия двадцати школ в местах, где жили хазарейцы. Но план так и не был выполнен. Предпринимались попытки даже в период войны 1979—1988 гг. открыть национальные школы на севере страны, в районе проживания узбеков, туркмен.

В 80-е гг. на становление социальной инфраструктуры страны, как и на систему просвещения, негативно повлияла сложная военная обстановка. По данным афганской печати, за последние десятилетия в стране было разрушено более 2000 школ. Имеющиеся школы оказались в непригодных для занятий условиях. В классах, расположенных нередко под открытым небом, обучалось по 60 и более человек, не хватало преподавателей, оборудования, мебели. Из-за войны многие дипломированные специалисты выехали за рубеж.

Согласно государственному плану экономического развития на 1986—1991 гг. в стране намечалось расширить подготовку национальных кадров различного профиля. Особое внимание предполагалось уделять борьбе с неграмотностью населения, расширению сети начальных школ в сельских районах. Количество детей школьного возраста, принятых в школу, должно было увеличиться в 1,8 раза¹⁴. К сожалению, эти наметки остались на бумаге.

Хотя еще в начале 90-х гг. продолжала действовать Афганская Академия наук, в дальнейшем она перенесла свою деятельность за рубеж¹⁵.

Представители научной интеллигенции в 90-х годах работали главным образом в эмиграции. Как отмечал бывший ректор Кабульского университета академик Абдул Ахмад Джаведи, Академия наук Афганистана продолжала вести разностороннюю полезную работу (научные публикации за рубежом), встречи с зарубежными учеными, планирование научных задач, на деле учитывая стабилизацию положения в будущем. В случае решения афганского кризиса и укрепления внутриполитической обстановки в дальнейшем Академия наук Афганистана сможет стать полезной в деле развития экономики страны и ее культуры. Представители научных слоев неоднократно выступали за сохранение научных обществ (историческое общество, энциклопедическое общество «Дайратуль моареф Армани» и др.).

Несмотря на политическую нестабильность и военные действия, проводилось в жизнь положение об обязательном начальном бесплатном образовании, которое однако практически соблюдалось лишь в Кабуле. Здесь школьным обучением были охвачены почти все дети шестилетнего возраста. Начальные классы полностью обеспечивались учебниками.

В целом по стране только каждый пятый ребенок мог посещать школу. Значительные трудности в сфере борьбы с неграмотностью были связаны с отсутствием у населения понятия необходимости получения образования, непонимания его социальной ценности. Вовлеченная в качестве прямых участников в военные действия, молодежь Афганистана большей частью не могла учиться, сражаясь в рядах противоборствующих сил.

В районах, находившихся под контролем неправительственных войск и отдельных отрядов, создавались школы по типу старых мусульманских. Многие специалисты и молодежь студенческого возраста стремились покинуть страну и выехали за рубеж.

Оценивая развитие системы просвещения Афганистана за последнее время, можно отметить, что в 80-е гг., несмотря на военные действия, были осуществлены многие мероприятия по ликвидации дискриминации языков национальных меньшинств. Обучение в школах для всех граждан Афганистана объявлялось бесплатным, а начальное — всеобщим и обязательным. По желанию родителей можно было выбрать язык обучения для детей. Стали выходить газеты на узбекском языке («Юлдуз»), на туркменском языке («Горани»), на белуджском («Собх»). Среди преподавателей школ к 90-м годам насчитывалось 22 тыс. учителей разных национальностей: более 15 тыс. таджиков, более 5 тыс. чел. — пуштунов, около 1 тыс. чел. — узбеков, были и туркмены, белуджи.

Правящие круги Афганистана на протяжении всего рассматриваемого периода в той или иной степени пытались реорганизовать экономику в целом и модернизировать систему просвещения. Но их намерения осуществились лишь в малой степени.

Разрешение внутриафганского конфликта и установление мира в стране, безусловно, откроет возможности для возобновления процесса модернизации Афганистана, позитивно отразится на состоянии сферы просвещения.

Примечания

- ¹ Ромодин В. А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX — первая треть XX в. М., 1983, с. 64—80.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Белозерцев Е. П. Народное образование в Республике Афганистан. М., 1988, с. 10, 11.
- ⁵ Там же, с. 15.
- ⁶ Конституции буржуазных стран. Т. III. М., 1936, с. 64.
- ⁷ Белозерцев Е. П. Указ. изд. с. 16.
- ⁸ Ромодин В. А. Указ. изд., с. 19.
- ⁹ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА за 1977—1980. Кабул, с. 38.
- ¹⁰ Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. М., 1982, глава IX.
- ¹¹ Материалы государственного плана экономического и социального развития ДРА на 1361—1362 (1982—1983). Кабул, 1982, с. 137.
- ¹² Ромодин В. А. Указ. из., с. 79. Теплинский Л. Б. Указ. изд., глава IX.
- ¹³ Материалы государственного плана экономического и социального развития ДРА на 1361—1362 (1982—1983). Кабул, 1982, с. 137.
- ¹⁴ Теплинский Л. Б. Указ. изд., глава IX.
- ¹⁵ Еженедельник «Союза свободных журналистов Афганистана». № 23, 15.VI.1995.

СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПАКИСТАНЕ

Каждое отдельно взятое государство отличается спецификой собственной истории, особенностями экономического развития. Однако из всех стран рассматриваемого региона (Турция, Иран и Афганистан) Пакистан особо выделяет то, что это самое молодое государство, история развития которого насчитывает менее полувека. На наш взгляд, именно этот факт — молодость государства — во многом, вероятно, определяет специфику пакистанской экономики, в том числе современного этапа ее развития.

Обретя независимость в 1947 г., но не имея национальной экономики как таковой, Пакистан, несмотря на богатые природные ресурсы, сразу оказался в тесной зависимости от мирового рынка. Именно широкие инвестиции, внешняя помощь, вливание иностранного капитала позволили Пакистану создать, а в дальнейшем развить национальную экономику, сохраняя свою традиционную ориентацию на аграрный сектор.

Постоянная зависимость Пакистана от мирового рынка в значительной степени определяет специфику экономической модернизации страны — необходимость внедрения новых технологий в отрасли, ориентированные на экспорт — сельское хозяйство (рис и хлопчатник), отчасти текстильная промышленность. При этом процесс модернизации носит поступательный, эволюционный характер, без ломки традиционных устоев и системы экономических отношений внутри страны.

Интерес мирового рынка к Пакистану не случаен: это, во-первых, богатый природный потенциал страны; во-вторых, специфика геостратегического положения — на стыке Центральноазиатского и Южноазиатского регионов (условно Пакистан может быть отнесен к обоим), на пересечении важных торговых путей, включая, в частности, и возрождающийся Великий Шелковый Путь, открытый выход к Индийскому океану.

© М. Ю. Морозова, 1997.

С середины 1980-х гг. Пакистан сохраняет неуклонно стабильный курс экономического развития. Причина видится в богатом агроприродном потенциале, что позволяет решать продовольственную проблему (при среднегодовых темпах роста населения 3%), активно выходить на внешний рынок (в основном за счет экспорта хлопкового волокна и риса), компенсируя тем самым проблемы технологической модернизации и энергоресурсов и сохраняя в целом рациональное соотношение в системе природа — общество. (Впрочем, в последнее десятилетие, то есть с середины 1980-х гг., в экологическом равновесии Пакистана наметилось определенное обострение деструктивных процессов, которые пока не приобрели необратимого характера).

Это происходит не столько благодаря, сколько вопреки специфике геостратегического положения страны — в районе повышенной политической нестабильности, частых вооруженных столкновений, внутриполитических противоречий (конфликты на религиозной и этнической основе, контрабанда оружием, наркобизнес).

Важное значение для сохранения стабильной экономики имеет специфика исторического развития Пакистана, связанная отчасти с наследием британской колониальной системы, но в основном с сохранившейся прочностью традиционных социальных структур. Эффективность экономической политики государства основана при этом на ее способности сохранить существующую стабильность как социо-природного равновесия, так и традиционной структуры пакистанского общества.

В 1947—1950-х гг. Пакистан рассматривался в качестве государства, унаследовавшего от Британской Индии отсталые северо-западные районы, в 1960-х — как слаборазвитая страна, находившаяся на начальной стадии становления национальной экономики (что, естественно, не было бы осуществимо без широкой внешней помощи). С конца 1960-х гг. вследствие относительно высоких достижений в сельскохозяйственном производстве (в ходе «зеленой революции», кстати, также занесенной извне) и общего подъема экономики при значительных объемах внешних инвестиций, Пакистан становится аграрно-индустриальной страной среднего порядка среди прочих стран «третьего мира».

По существу именно этот экономический статус сохраняется за Пакистаном и поныне — страна «со средним достатком», основой экономики которой остается сельское хо-

зяйство. В этом, видимо, заинтересован и мировой рынок, а потому большинство вносимых в Пакистан современных технологий (равно как и основная часть зарубежных инвестиций) нацелены на такие приоритетные для Пакистана отрасли, как земледелие (включая систему ирригации и экологию) и легкая промышленность. Все это, естественно, взамен на насыщение внешнего рынка сельскохозяйственным сырьем и текстильной продукцией.

В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть следующее обстоятельство. На наш взгляд, именно аграрная ориентация экономики в течение ближайших 20 лет станет тем фактором, который позволит Пакистану не только сохранить экономическую стабильность, но и значительно расширить свои позиции на мировом рынке.

Предположение основано на прогнозах глобального масштаба, выдвигаемых экспертами различных стран и международных организаций: в течение ближайших десятилетий главным видом стратегического сырья на планете станет пресная вода. Обостряющиеся в последние годы продовольственная и экологическая проблемы как на региональном, так и на мировом уровнях подтверждают обоснованность подобных прогнозов. При этом именно обширный регион Центральной Азии (наряду с другими зонами аридного климата) может уже в ближайшее время столкнуться с резким обострением проблемы водообеспечения. Наглядные примеры превращения пресной воды в стратегическое сырье широко известны — «водные войны» в Средней Азии, Аральский кризис, споры вокруг водных ресурсов Тигра и Евфрата, Асуанской плотины и др.

Богатые агроприродные, в первую очередь, водные, ресурсы Пакистана являются основой его стабильной экономики и гарантией перспективного развития. Проблема упирается в дефицит земельного фонда и наметившиеся в последние годы деструктивные процессы в экологическом равновесии (загрязнение окружающей среды, почвенная деградация, нарушение баланса пресных вод в виде частых наводнений).

Вследствие ограниченности земельного фонда увеличение сельскохозяйственного производства на практике возможно исключительно за счет интенсификации земледелия, восстановления плодородия на выпавших из сельскохозяйственного оборота землях (засоление, заболачивание, истощение гумусного слоя). И в том, и в другом случае в основе сельскохозяйственной стратегии государства должна быть реконструкция (но не расширение) ирригационной системы.

Являясь одной из крупнейших в мире, последняя была и остается базисным фундаментом пакистанского земледелия, а по сути — и всей экономики страны. Вот почему вопрос о ее реконструкции является в настоящее время приоритетным. На это, в частности, обращают внимание и ведущие международные эксперты — наглядный пример «модернизации извне».

В настоящее время из всей поступающей в русла каналов воды непосредственно на нужды орошения тратится не более 11%, а значительная ее часть теряется на инфильтрацию и испарение. Эффективно на полив сельскохозяйственных угодий используется не более 30% доступных запасов пресных вод¹.

Для того, чтобы интенсивность земледелия возросла в два — два с полтиной раза, объем используемой для орошения воды должен возрасти до 200 млрд. куб. м, по сравнению с нынешним уровнем в 100 млрд. Эта цель, в отличие от проблемы дефицита пригодной для обработки пахотной земли, вполне осуществима при условии расширения скважинной ирригации и реконструкции системы каналов (для использования транзитно стекающих паводковых вод и сокращения потерь воды). Вместе с тем, прогнозами допускается и возможный дефицит пресной воды: по некоторым оценкам, к 2000 г. объем доступной для орошения воды может сократиться до 118 млрд. куб. м при минимальной прогнозируемой норме в 120 млрд. куб. м².

В отличие от продовольственной и водной проблем более остро стоит вопрос об энергетическом потенциале страны. Нефтеперерабатывающая промышленность удовлетворяет потребности Пакистана в нефти менее чем на 30%. Относительно велики запасы природного газа, однако уже к 2000 г. ожидается постепенное сокращение газодобычи, и Пакистан будет вынужден импортировать в больших количествах и этот вид сырья. Именно дефицитом топливных ресурсов (помимо чисто политических аспектов) определяется стремление Пакистана закрепить свои позиции в рамках Организации экономического сотрудничества, расширив в первую очередь экономические связи с Туркменистаном и Ираном.

Гидроэнергетический потенциал Пакистана достаточно высок, однако существующие ГЭС обеспечивают в настоящее время лишь 15% потребляемой энергии. Для расширения гидроэнергетического комплекса Пакистану, безусловно, не обойтись без широких иностранных инвестиций, в первую

очередь со стороны МБРР и МВФ (так же как и в случае с ирригацией). В последние годы особый акцент делается на строительство станций малых и средних мощностей с активным привлечением частных инвестиций (как пакистанских, так и иностранных). Вместе с тем, строительство новых ГЭС сопряжено с целым комплексом не только экономических и экологических, но и политических проблем: вопрос напрямую связан с проблемой баланса пресных вод, поэтому он нередко приводит к межпровинциальным и межэтническим столкновениям.

Поскольку в настоящее время можно говорить о неисчерпаемости водных ресурсов Пакистана, которые используются далеко не полностью (особенно в области гидроэнергетики), экономика страны имеет широкие перспективы для своего поступательного развития по пути технологической модернизации. Степень практического использования природного потенциала будет, естественно, определяться эффективностью государственной экономической политики.

Вторым (после природного) значимым фактором, обеспечивающим стабильность современной пакистанской экономики, является специфика социальной структуры общества. Поскольку этой широкой и довольно комплексной проблеме было посвящено немало исследовательских работ российских востоковедов, в первую очередь С. Ф. Левина³, остановимся лишь на кратких, обобщающих оценках.

Как уже было отмечено, специфика географического положения современного Пакистана — плодородные земли долины Инда, обеспечивающие относительно высокие урожаи главных сельскохозяйственных культур, широкие возможности ирригационного строительства — обусловили традиционно аграрную структуру населения. Основные отрасли промышленности (хлопкоочистительная, текстильная, пищевая, производство сельскохозяйственной техники и удобрений), равно как и структура экспортных поставок (хлопок-сырец и хлопковое волокно, текстильные изделия, очищенный рис высоких сортов) также непосредственно связаны с сельским хозяйством.

В настоящее время в сельской местности проживает около 70% населения, а чистая сельскохозяйственная продукция (не считая продуктов ее переработки) обеспечивает около 25% ВВП⁴. Основу пакистанского общества по-прежнему составляет именно сельское население, сохраняющее традиционные уклады и структуры (различные формы издольной

аренды, мелкие крестьянские хозяйства, немногочисленный, но богатый и влиятельный слой традиционных помещиков, современные фермеры-предприниматели, вынужденные применять наемный труд согласно закрепившимся в той или иной сельской общине традициям).

О прочности и незыблемости традиционных структур в сельской местности свидетельствуют неудачные попытки проведения аграрных реформ, направленных на перераспределение земельной собственности, введение потолка землевладения и внедрение государственного контроля в сложившуюся систему аграрных отношений.

Последняя попытка проведения аграрной реформы была предпринята З. А. Бхутто в январе 1977 г. Она не только не получила практического воплощения, но, наряду с программой национализации мелких предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, вызвала резкую оппозицию среди различных социальных групп, что завершилось государственным переворотом.

Еще один наглядный пример прочности традиционных аграрных структур — многочисленные, но в целом безуспешные попытки государства ввести систему сельскохозяйственного налогообложения. Впервые закон о сельскохозяйственном подоходном налоге был принят З. А. Бхутто в 1977 г. (параллельно с законом о реформе землевладения), но он остался на бумаге. М. Зия-уль-Хак в ходе своей широко рекламируемой программы исламизации экономики пытался ввести налог ушр (десятина, $\frac{1}{10}$ часть собранного урожая), однако и это правительственное решение не было принято верхними слоями пакистанской деревни — экономически сильными и политически влиятельными помещиками.

Впрочем, аналогичные трудности возникли и при введении «очистительного» налога закят в 1980 г. и при поэтапном переходе кредитно-финансовой системы на исламские принципы в 1981—1985 гг. Как справедливо отмечала И. В. Жмуида, «действия пакистанских властей по исламизации не привели к созданию особой мусульманской структуры. Особенности же приспособления ее к капиталистическим основам общественного развития создавали многие трудности по охвату и срокам претворения в жизнь этого процесса»⁵.

Беназир Бхутто, в отличие от своего отца, уже не рискует перекраивать традиционную систему землевладения, однако вновь пытается ввести сельскохозяйственный подоходный налог — в основном под давлением МВФ и МБРР, активно

внедряющихся в управление пакистанской экономикой со своими экспертными советами. Формально закон о налоге был принят в январе 1994 г., однако в реальности он, скорее всего, вновь окажется пустым лозунгом, который вряд ли будет принят традиционным сельским обществом (без применения жестких насилиственных методов).

В относительно большей степени, по сравнению с сельской, модификации подверглась городская общественная структура. В первую очередь, это проявилось в закреплении и расширении устойчивых позиций крупной промышленной, торговой и финансовой буржуазии, в то время как процессы становления слоев среднего предпринимательства, квалифицированного рабочего класса, или же обнищания маргинальных слоев городского общества не носят массового характера. Причина видится в устойчивости все тех же традиционных укладов — смесь клановых, родо-племенных, национально-этнических, религиозных связей. Все эти социальные структуры сохраняют в целом традиционные прочные внутриобщинные отношения (типичные примеры — пуштунская, синдская, панджабская буржуазия, община исмаилитов, мюхаджирская община в Карачи).

Все относительно серьезные противоречия, иногда вплоть до кровопролития, возникают, как правило, не внутри отдельной общины, а на межобщинном уровне, то есть носят не столько социальный, сколько межэтнический или межрелигиозный характер (как например, шиитско-суннитские столкновения, участившиеся конфликты между мохаджирами и коренным населением Карачи).

Господствующее положение в современном пакистанском обществе занимает национальная буржуазия, которая, подразделяясь на несколько группировок (в основном по национальному признаку), не может не быть заинтересованной в сохранении прочных традиционных структур. Сама по себе национальная буржуазия Пакистана стала настолько прочной, разветвленной и влиятельной (как например, исмаилитская община Ага-хана), что никакие смены правящего режима — будь то панджабец Наваз Шариф или же Беназир Бхутто, имеющая прочные родовые связи с синдской земельной аристократией, — не в состоянии переломить сложившиеся устои.

Наваз Шариф, кстати, является наглядным примером трудности, а часто невозможности, внедрения современного предпринимателя в традиционную структуру политической

власти. Одержав победу на парламентских выборах в 1990 г. и приступив к реализации четко спланированной программы модернизации пакистанской экономики (приватизационная кампания, широкие инвестиции в сельское хозяйство, энергетику, транспортную инфраструктуру, поощрение малого и среднего предпринимательства, закрепление позиций Пакистана в рамках ОЭС и многое другое), он смог продержаться во главе правительства менее трех лет. Одна из возможных причин отставки Шарифа видится в том, что в целом обоснованная и эффективная экономическая политика его кабинета не имела под собой прочного социального базиса.

В настоящее время в Пакистане сложился ряд предпринимательских групп, для которых характерна прочная опора именно на традиционные социальные структуры, равно как и тесное переплетение финансовых, промышленных и торговых интересов. В условиях существования смешанной экономики государственный сектор развивается в интересах буржуазии, а наиболее прибыльные сферы, несмотря на частые колебания в экономическом законодательстве, остаются, как правило, в частном секторе.

Если для экономики Пакистана термин «модернизация», то есть коренная реконструкция, внедрение современных технологий и т. п., допустим с определенными оговорками — здесь большое значение имеет аграрная ориентация страны, то в отношении социально-экономической структуры пакистанского общества в целом этот термин следует, на наш взгляд, применять с еще большей степенью осторожности. Пакистанское общество за свою краткую историю не претерпело кардинальных структурных изменений: все попытки со стороны государства внести структурную перестройку в систему общественных отношений, то есть «модернизировать» их, себя не оправдали. Менялись лишь форма, но не содержание, оболочка, но не структурная основа — здесь, поэтому, более уместно говорить о трансформации, модификации.

Как уже было отмечено, в 1950—1960-е гг. Пакистан сохранял за собой статус отсталой аграрно-индустриальной страны, продвигавшейся медленными темпами по пути экономического развития.

После 1971 г. (отделение Восточного Пакистана, внутриполитическая нестабильность, приход к власти Пакистанской народной партии во главе с З. А. Бхутто и взятый им курс на национализацию экономики и аграрные реформы — то есть, по сути — на «модернизацию» общественного строя) в раз-

витии пакистанской экономики наступил определенный спад. Приход к власти генерала М. Зия-уль-Хака, избравшего курс исламизации экономики, а также негативный внешнеполитический фактор (война в соседнем Афганистане) также явились определенным тормозом для экономического развития Пакистана.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно Зия-уль-Хак стал тем лидером, при котрором экономика страны начала приобретать черты стабильного развития. Еще при Зия-уль-Хаке акцент был сделан на развитие среднего и мелкого предпринимательства как в сельском хозяйстве, так и в промышленном секторе, при неуклонном соблюдении госконтроля над приоритетными отраслями экономики.

В итоге на протяжении последнего десятилетия (1985—1995 гг.) Пакистан, несмотря на частые смены правящих режимов, неуклонно набирает темпы экономического роста, сохраняя свой традиционный статус аграрно-индустриальной страны.

Подобная стабильность определяется, в первую очередь, четкой целенаправленной экономической политикой государства — развитие частной собственности (начатая Б. Бхутто в 1989 г. и продолженная Навазом Шарифом приватизация экономики) при сохранении государственного контроля над производством продовольствия, хлопка, а также над энергетикой и ирригацией. При этом государство не внедряется (в отличие от периода правления З. А. Бхутто), а именно пла- номерно регулирует эти отрасли.

Показательно, что некоторые колебания в экономической политике государства от частного сектора к государственному и наоборот определяются не столько политической платформой правящей партии, сколько прогнозируемым на текущий сельскохозяйственный сезон урожаем главных продовольственных культур и хлопчатника.

Наглядный пример — временный кризис в пакистанской экономике в 1993—1995 гг. в связи с резким падением урожая хлопчатника. Негативное влияние на хлопководство, помимо неблагоприятных погодных условий, оказало также широкое распространение вирусных заболеваний среди посевов хлопчатника. Подобный спад отразился не только на внутреннем и внешнем рынках Пакистана, но и на мировом хлопковом рынке.

В последние годы именно природный фактор все чаще выступает определяющим при регулировании цен на внутрен-

нем рынке, разработке проектов строительства малых и средних гидроэлектростанций (с активным привлечением иностранных инвестиций), широко рекламируемой программе «Народный трактор», нацеленной на поощрение фермерского земледелия.

Внешнеторговая политика государства также находится в прямой зависимости от природы: введение различных льгот для частной торговли в сезоны высокого урожая хлопчатника и риса, а иногда, напротив, введение квот на ввоз и вывоз определенных видов продукции (например, того же хлопкового волокна).

В настоящее время можно говорить об относительной стабилизации экономического курса Пакистана. В основе экономической стратегии лежит осуществление госконтроля над системой природопользования (будь то земледелие или энергетика) и экологическим равновесием, а также поощрение частного предпринимательства при сохранении незыблемости традиционных социальных структур.

* * *

Давая, в заключение, общую оценку специфике экономического развития Пакистана на современном этапе, а также перспектив на ближайшие десятилетия, можно сделать следующие выводы.

1) Богатый агроприродный потенциал позволяет Пакистану сохранять стабильные темпы экономического развития, равно как и прочное положение на мировом рынке.

2) Высокая степень интеграции в мировое хозяйство позволяет Пакистану поддерживать достигнутое социо-природное равновесие, компенсируя в то же время вносимую извне модернизацию (в основном технологическую) путем расширения своих поставок на внешний рынок.

3) Модернизация экономики происходит по пути эволюционного прогресса — плавное поступательное развитие без радикальных преобразований (которые, как правило, не приемлются пакистанским обществом), затрагивая отрасли, приоритетные для пакистанской экономики — земледелие, ирригация, энергетика, хлопкоочистительная и текстильная промышленности.

Иными словами, модернизация экономики имеет место в Пакистане, но происходит она по эволюционному пути: будучи интегрированной в мировой рынок и подчиняясь его законам и требованиям, страна продолжает курс на развитие

в целом сбалансированной экономики, сохраняя как достигнутый социо-природный баланс, так и сложившееся равновесие в социальной структуре общества (которое постепенно модифицируется, адаптируясь к новым условиям).

И еще один вывод, вытекающий в ходе анализа современной пакистанской экономики. В самом начале статьи мы особо отметили, что по сравнению с Турцией, Ираном и Афганистаном Пакистан является самым молодым государством. Если однако расширить рамки исследования до границ всего Центральноазиатского региона, включая и постсоветскую Среднюю Азию, то здесь имеется уже много новых независимых государств, значительно «моложе» Пакистана.

Не повторят ли все эти суверенные государства описанный выше «пакистанский путь» модернизации — вливание иностранного капитала, западных технологий в освоении природных ресурсов этих стран. Однако, в отличие от пресной воды (которой в настоящее время в изобилии наделен Пакистан), запасы нефти и газа отнюдь не являются неисчерпаемыми.

Примечания

¹ Dawn, Karachi, 8.04.1993, с. 12.

² The News, Islamabad, 2.02.1994, с. 11.

³ См., например, такие работы С. Ф. Левина, как: Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., 1983; К характеристике политической элиты Пакистана (1970—1977). — «Народы Азии и Африки», 1979, № 2; Буржуазия развивающихся стран: традиционные и неотрадиционные связи.— «Азия и Африка сегодня», 1982, № 10; Этапы и особенности формирования мусульманской буржуазии из общины исмаилитов-ходжа.— Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1990.

⁴ Подсчитано по: Economic Survey 1993—94. Government of Pakistan. Islamabad, 1994, Statistical Appendix, с. 2, 21.

⁵ Жмуида И. В. Исламское кредитование в Пакистане и его социально-классовая сущность.— Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1990, с. 60.

Подробнее об исламизации пакистанской экономики и ее социальной сущности см. также следующие работы И. В. Жмуида: Исламские принципы в экономике Пакистана.— ААС, № 4, 1981, с. 24—27; Исламские принципы в экономике Пакистана.— Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982, с. 158—177; Исламизация экономики.— Пакистан. Справочник. М., 1991, с. 275—278.

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПАКИСТАНЕ

Идеи модернизации точно так же, как и в других развивающихся странах, имеют в Пакистане много сторонников. Модернизация понимается большинством из них как путь достижения высоких темпов экономического роста, как средство, с помощью которого страна может занять достойное место в международном сообществе. Однако вместе с тем объективные обстоятельства, препятствующие осуществлению широкой модернизации всех сторон жизни в этой стране, не являются главными. Пожалуй, преобладает в этом отношении субъективный фактор.

В самом деле, сама идея модернизации традиционного общества имеет в Пакистане сильных оппонентов в лице исламских традиционалистов, особенно фундаменталистов. По существу вопрос стоит сегодня так же, как более сорока лет назад — в первые годы существования страны — каким должно быть государство: теократическим, «истинно исламским» или современным демократическим, живущим в соответствии с требованиями секулярной конституции. Как и раньше, главными полюсами политической борьбы были модернисты и традиционалисты, так и сегодня ситуация по существу остается прежней.

Полувековая история Пакистана показала, что демократия на протяжении всего этого времени оставалась слабым ростком, которому не давал пустить глубокие корни целый ряд обстоятельств. Среди них религия поначалу не занимала главного места. Основным препятствием на пути демократического развития страны была социально-политическая обстановка и ее определяющая черта — отсутствие сильного или даже быстро развивающегося класса национальной буржуазии. Этот фактор в немалой степени сохраняется и сегодня.

Ислам начал выходить на широкую политическую арену в Британской Индии только на заключительном этапе борьбы Мусульманской лиги и ее лидера М. А. Джинны (1876—1948) за Пакистан, когда был выдвинут тезис о невозможности дальнейшего совместного проживания в одном государстве мусульман и индусов (то-есть так называемая теория двух наций)¹. Конечная цель этой борьбы предусматривала создание конфессионально обособленного государства мусульман южноазиатского субконтинента. Исламский фундаментализм не имел ровно никакого отношения к движению за Пакистан. Во главе последнего в качестве общепризнанного и неоспоримого лидера стоял убежденный секулярист и демократ М. А. Джинна. Все исламские ортодоксы, улемы, в равной степени противостояли М. А. Джинне, но не могли тягаться с ним по степени политической популярности.

Отсутствие сформировавшейся буржуазии, а следовательно и идеологии, которая стимулировала бы буржуазно-демократическое развитие Пакистана, предопределило существование политической борьбы после достижения независимости. Идеологические пустоты стремились заполнить исламисты. Вся история независимого Пакистана после смерти М. А. Джинны в 1948 г. — это история размывания принципов секуляризма и демократии, история борьбы исламистов различных толков против сторонников секулярного, демократического подхода к политике и вопросам государственного устройства.

В процессе возникновения новой идеологии — «идеологии Пакистана» в 50—60-е гг. лозунги секуляризма, демократии и либерализма звучали все более приглушенно, теряли свою актуальность. При молчаливом пособничестве правящих кругов создавалась не соответствовавшая исторической правде мифология движения за Пакистан. Одновременно шел стимулируемый государством (режимом М. Айюб-хана в 1958—1969 гг.) процесс укрепления буржуазии, которая, по расчетам властей, в трудный для них момент могла бы послужить опорой традиционной элиты. Расчет этот строился на том факте, что несмотря на признаки появления пакистанских монополий, в целом национальная буржуазия была все еще слаба, чтобы бросить вызов власти традиционной элиты из среды земельной аристократии и во многом зависела от всесильной бюрократии.

Время правления З. А. Бхутто (1971—1977) вселило надежды в сторонников модернизации через демократическое развитие. Казалось, страна получила шанс избавиться от

власти военно-бюрократической и землевладельческой олигархии, а заодно — и от все более настойчивых притязаний на власть с с стороны исламских ортодоксов. Однако один лишь тот факт, что режим З. А. Бхутто в своей основе был секулярным и формально демократическим, не был достаточным основанием, чтобы гарантировать развитие демократической традиции. В конечном счете он не оправдал надежд демократов и не только не преумножил их силы, но проложил путь к тиранию исламских фундаменталистских сил и армейской тирании². Идея мусульманского национализма, предусматривавшая создание секулярного, демократического Пакистана, сделала полный круг и в конце концов была превращена в идею исламского теократического государства, отрицавшую и секуляризм, и демократию³. Демократические институты упразднялись один за другим как не соответствовавшие исламским предписаниям, верховными постепенно становились законы шариата.

Превращение ислама в государственную религию было обусловлено, во-первых, тем, что исламская религиозная идеология и так была в Пакистане господствующей формой общественного сознания, а во-вторых, тем, что это диктовалось конъюнктурными политическими потребностями военного режима М. Зия уль-Хака, так как обеспечивало в глазах большей части населения легитимность военной власти.

Известен итог такого поворота событий — исламизация и милитаризация пакистанского государства и общества, выразившаяся в массовом насаждении военного персонала в структуру гражданской власти, в систематическом насилии над институтами гражданского общества — политическими партиями, независимой судебной системой, образованием, культурой, профсоюзами, печатью. Исламизация, проводившаяся во всех областях жизни, по сути представляла собой то, против чего в свое время предостерегал М. А. Джинна — т. е. такого положения, когда представители отдельных, угодных властям религиозных группировок захватывают в государстве господствующие позиции, и их естественным желанием становится возведение своей идеологии в ранг государственной с присущим ей пониманием добра и зла. М. А. Джинна поэтому считал, что Пакистан сохранит государственность и сможет достичь успехов на пути либерализма только в том случае, если в основе его государственности будут лежать принципы секуляризма.

Из этого было бы неправильно делать вывод, что ислам и демократия несовместимы. Ислам в понимании просвещенных модернистов, начиная с Сайд Ахмад-хана (1817—1898) — личное дело каждого мусульманина, а не орудие государства. Это символ принадлежности к отдельной культуре, даже отдельной цивилизации. Здесь, однако, важно сдлать одну оговорку. Как показывает опыт Пакистана периода М. Зия уль-Хака (1977—1988 гг.), если какая-то категория (партия) исламистов становится партнером государства в выполнении задачи подчинения граждан определенному режиму, если она становится официально назначенным авторитетом в составлении правил жизни и поведения, тогда ислам превращается в орудие угнетения, средством установления тирании. А поскольку такой категорией исламистов становятся, как правило, фундаменталисты, наиболее активная и организованная политическая сила среди исламистов, то сама логика, как и жизненная практика, подводят к выводу — не ислам и демократия, а исламский фундаментализм и демократия несовместимы.

Небезынтересно проследить, как пакистанские улемы превращались в важный фактор национальной политики. Превращение это складывалось из мелких уступок демократических сил. Первой, принципиально значимой вехой на этом пути было принятие Резолюции о целях Конституционной ассамблеи в 1949 г. Этот документ, ставший впоследствии частью конституции страны, разделил граждан Пакистана на первый (мусульмане) и второй (немусульмане) сорт, способствовал росту сектантской вражды между различными группами внутри мусульманской общины, а главное — дал легальные основания улемам совершить подлог — идентифицировать взгляды М. А. Джинны с платформой экстремистских религиозных сил, что предвосхитило появление «идеологии Пакистана». Представляя резолюцию в Конституционной ассамблее, тогдашний премьер-министр Лиакат Алихан сделал акцент на стремлении лидеров движения за Пакистан строить свою жизнь в соответствии с предписаниями и традициями ислама, однако не уточнил, что имелись в виду общие принципы, а не законы шариата. Улемы, таким образом, получили основания утверждать, что он, а также М. А. Джинна имели в виду именно образование исламского государства, а не просто следование культурным и цивилизационным традициям ислама.

Теоретики фундаментализма, прежде всего А. А. Майдуди⁴, в своих работах концентрируют внимание на критике взглядов, расходящихся с их собственными, не предлагая взамен ничего конструктивного. Часто приходится слышать осуждение «чужеродных» идей и практики жизни, но чего-то позитивного, представляющего собой рациональную модель поведения для мусульман, или политической теории, не предлагается. После смерти М. А. Джинны некоторые из его последователей, в том числе и в Мусульманской лиге, поддались на пропаганду фундаменталистов и перешли в их лагерь, ожидая от них позитивной программы, которая содержала бы в себе практически реализуемую концепцию дальнейшего развития Пакистана в соответствии с исламскими принципами. Кое-кто из них поддержал вмешательство армии в 1977 г. в политику и программу исламизации, сформулированную Джамаате Ислами и военными властями к 1979 г. В своих ожиданиях они ошиблись жесточайшим образом, поскольку уже на раннем этапе стало совершенно очевидно, что все эти широко рекламировавшиеся заявления о введении исламской системы и скором наступлении эры благополучия и социальной справедливости имеют целью исключительно корыстные устремления, направленные на укрепление власти военных. Никакой эффективной программы они не имели ни тогда, ни позже.

С падением режима Зияуль-Хака возможности улемов влиять на умы и действия масс значительно уменьшились, хотя не исчезли совсем. Оптимизм, однако, внушают некоторые позитивные настроения среди политически активной части населения Пакистана. При всей неопределенности и неизвестности факторов, определяющих отношения ислама и политики в Пакистане, одно остается предельно ясным — электорат в этой стране несмотря на приверженность идеалам ислама исключительно прагматичен, а в каком-то смысле и секулярен. В результате выборов, которые когда-либо проводились в стране, ни разу не то что большинства, но даже значительного числа голосов не получали религиозные партии. Их представительство в Национальной ассамблее всегда было номинальным⁵.

Начиная с 1988 г., последовательная череда выборов стала фактом политической жизни Пакистана. Если это устойчивая тенденция, то можно считать, что страна успешно адаптируется к демократическим традициям и начинает испытывать органическую потребность во всесторонней модерни-

зации и демократии как образе жизни и системе правления. В этом случае можно говорить о стабилизации демократического процесса. Беда однако в том, что наряду с этой тенденцией существует и другая, прямо противоположная ей.

За одиннадцать лет правления военного режима во главе с Зия уль-Хаком в Пакистане выросло целое поколение людей, которые невольно «вобрали в себя» набор принципов из арсенала пропаганды ДИ. Это принципы исламского фундаментализма, исключающего демократию как образ жизни и систему государственного устройства. Молодые люди, тронутые вирусом фундаментализма, уже сегодня пытаются содействовать тому, чтобы жизнь страны вошла в то русло, которое, как им внушили, и является единственным правильным для мусульман и для исламского государства.

Исламская риторика и повторявшаяся долгие годы мысль о нужде в исламизации, по-видимому, еще долго будут оказывать свое влияние на пакистанскую деятельность. Не далее чем в декабре 1993 г. официальный представитель правительства Партии пакистанского народа (Б. Бхутто) заявил в Исламабаде, что власти не намерены отменять всю восьмую поправку к конституции, принятую при Зия уль-Хаке и сводившую функции главы правительства, по сравнению с президентскими, к номинальным. Он заявил, что правительство сохранит исламские положения поправки по просьбе религиозных партий, оказавших партии поддержку во время выборов президента. В частности, было решено сохранить шариатские суды, учрежденные восьмой поправкой, а ранее принятное решение об их роспуске было признано неправомочным.

Еще раньше, 16 мая 1991 г., президент Гулам Исхак-хан извлек на свет подготовленный еще в 1985 г. и лежавший под сукном законопроект об объявлении верховными в Пакистане шариатских законов и добился принятия его сенатом. Законопроект предлагал проведение серии мероприятий по исламизации различных областей жизни, но в нем имелась и статья 3 (2), ясно констатировавшая законность действовавшей в Пакистане политической системы, парламента, провинциальных ассамблей, исполнительной власти. Эти положения, как указывалось в законопроекте, не могли быть оспорены ни в одном из судов, включая Верховный суд и Федеральный шариатский суд. Тем не менее годом позже, 12 мая 1992 г., ФШС отменил статью 3 (2), бросив тем самым вызов законодательной власти. Хотя этот акт не имеет законной

силы, поскольку не был одобрен Национальной ассамблей, факт принятия законопроекта сенатом, а также активизация деятельности институтов, созданных в процессе исламиизации, проводившейся Зия уль-Хаком, говорят сами за себя. Потребность пакистанского общества в демократии пока не стала органической.

Сохранение и упрочение демократии, устранение ситуаций, в которых землевладельческо-бюрократическая олигархия, армия или консервативно-религиозные силы могли бы снова взять в свои руки бразды правления страной, на наш взгляд, во многом зависит от темпов социально-экономического развития. Только быстрое и гармоничное развитие может ускорить процесс классообразования, дать необходимый всеномогательный импульс развитию национальной буржуазии. Мировая практика подтверждает, что только сильная буржуазия, способная определять политическое развитие страны, может быть надежным гарантом необратимости демократического процесса, возникновения и укрепления демократических институтов. До тех пор, пока этот класс слаб, у других социальных сил, особенно чувствующих свое превосходство в реальном влиянии на политику государства, всегда будет соблазн самостоятельно или с помощью силовых структур взять на себя решение судьбы страны.

В течение десятилетий Запад стремился втянуть Пакистан в орбиту своей глобальной политики, поддерживая при этом военные режимы, снабжая их вооружениями и финансовыми средствами. В результате национальная буржуазия вынуждена была действовать в отведенном ей пространстве под надзором правящей элиты и, конечно, не предъявлять претензий на власть.

Если бы Запад с самого начала проникся сознанием необходимости помочь Пакистану в создании условий для гармоничного развития буржуазии, то целенаправленно используя предоставленные Пакистану кредиты, займы и гранты, он имел бы надежную опору в лице широкой, мощной предпринимательской прослойки, которая не позволила бы тормозить демократический процесс. Демократия в Пакистане в этом случае уже давно существовала бы на уровне риторики и благих пожеланий, а как реально существующая, работающая система управления государством.

Примечания

¹ Symonds R. The Making of Pakistan. London, 1949; Moore R. J. Escape from Empire. Oxford, 1983; The British Conquest and Dominion of India. London, 1989.

² См.: Burki Shahid Javed. Pakistan under Bhutto, 1971—1977. L., 1980.

³ Плешов О. В. Идеология Пакистана: Трансформация понятия.—Народы Азии и Африки. М., 1987, с. 26—33.

⁴ Основатель партии «Джамаате ислами» (ДИ) (в 1941 г.), основоположник современного южноазиатского исламского фундаментализма.

⁵ Показательными в этом отношении являются выборы 1993 г. ДИ получила на них 3 места в Национальной ассамблее, а две другие исламские партии — «Джамиате улама-и-ислам» и «Джамиат-и улама-и Пакистан» — на 2 места больше. См. Nasr S. V/R. Democracy and Islamic Revivalism. Political Science Quarterly, Volume 110, Number 2, 1995, с. 272.

Summary

The collection of articles 'MODERNIZATION IN THE ISLAMIC EAST. The experience of Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan can give an idea of the complex character of the process and the multitude of problems with which it is associated. The articles are in the main the revised versions of the papers presented at the Conference 'Modernization in the East. The experience of the countries of West Asia' held at the Institute of Oriental Studies in the fall of 1995. Turkey and Iran, being the key countries of the region, have attracted the scholarly interest of the bulk of the authors. Modernization in these countries is treated both in the time limits of the contemporary period and in a broader historical perspective covering the nineteenth and twentieth centuries. The peculiar features of modernization in Pakistan and Afghanistan, though undeniable and in certain respects quite obvious, do not preclude a general treatment of the efforts of the regional Muslim nations to come to grips with the demands of the modern time and employ multifaceted adaptation mechanisms.

CONTENTS

Preface

I. L. Fadeeva. The specific character of modernization in the historical retrospective of the nineteenth and twentieth centuries

V. Ya. Belokrenitsky. The post-war modernization in the countries of West Asia. General tendencies and diverging trajectories of development.

Ye. I. Urazova. Certain peculiar features of the economic growth and modernization in Turkey in the contemporary period.

P. P. Moiseev. Problems of the economic modernization of the Turkish republic.

N. Yu. Ulchenko. The evolution of the system of foreign trade regulations in the process of modernization in Turkey in the 1980—90s.

L. M. Kulagina. Attempts to modernize the state management in Iran in the second half of the nineteenth century.

N. M. Mamedova. Problems of modernization and liberalization of the economic system in Iran (a historical aspect).

A. K. Lukoyanov. Iran: modernization after Shah?

A. Z. Arabajan. Plans of economic and social development of Iran in 1982—94 (in connection with the question of modernization of the West Asian states at the present stage).

V. B. Klyashtorina. Evolution of the role of culture in the process of modernization of the countries of the region in the end of the 80s and the beginning of the 90s.

L. B. Aristova. Modernization of the system of education in Afghanistan (in the end of the nineteenth and in the twentieth century).

M. Yu. Morozova. The specificity and perspectives of the economic modernization in Pakistan.

O. V. Pleshov. Modernization perspectives and the Islamic factor in Pakistan.

Научное издание

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор — *М. С. Грикурова*

ЛР № 040753 от 1 апреля 1996 г.

Сдано в набор 15.09.97. Подписано к печати 03.11.97.
Формат 60×84¹/16. Бумага писчая № 1. Печать высокая.
Усл. л. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 250 экз. Зак. № 256.

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12.

Редакционно-издательский отдел

Заведующий отделом *Ю. В. Чудодеев*

Отпечатано в типографии ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031, Москва, Нижний Кисельный пер., 5